

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Учебно-научный центр
изучения этнополитических и этнокультурных процессов

Н.М. Мухарямов,
Л.М. Мухарямова, О.Б. Януш

Государственная языковая политика
в Российской Федерации

Учебное пособие

Москва
2019

УДК 327.725(075)
ББК 81.2(2)я73
М92

Под редакцией
доктора политических наук, профессора
М.А. Омарова

Рецензент
доктор филологических наук, член-корреспондент РАН
Е.В. Головки

*Работа выполнена в рамках государственного задания
на оказание государственных услуг (выполнение работ) на 2019 год
по организации общественно-значимых мероприятий
в сфере образования, науки и молодежной политики
№ 075-00209-19-03 «Исследование социокультурных
и социально-политических аспектов межнациональных
и межрелигиозных отношений в молодежной среде»*

ISBN 978-5-7281-2580-8

© Мухарямов Н.М.,
Мухарямова Л.М., Януш О.Б., 2019
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2019

Оглавление

<i>Глава 1.</i> Управление культурно-языковым многообразием как направление публичной политики	7
<i>Глава 2.</i> Культурно-исторические предпосылки языковой политики в современной России	34
<i>Глава 3.</i> Нормативно-правовые основания языковой политики в России	52
<i>Глава 4.</i> Политика поддержки и продвижения русского языка	74
<i>Глава 5.</i> Языковая образовательная политика	90
<i>Глава 6.</i> СМИ и книжное дело как сфера языковой политики	116
<i>Глава 7.</i> Языковая политика онлайн: состояние и перспективы в российских сегментах киберпространства	146
<i>Глава 8.</i> Языковые аспекты миграционной политики Российской Федерации	171
Приложения	194
<i>Приложение 1</i>	194
<i>Приложение 2</i>	202

<i>Приложение 3</i>	216
<i>Приложение 4</i>	220
<i>Приложение 5</i>	224
<i>Приложение 6</i>	227
<i>Приложение 7</i>	234
<i>Приложение 8</i>	240
<i>Приложение 9</i>	247
<i>Приложение 10</i>	255
<i>Приложение 11</i>	263
<i>Приложение 12</i>	271
<i>Приложение 13</i>	279
<i>Приложение 14</i>	282

Глава 1

Управление культурно-языковым многообразием как направление публичной политики

Как отмечается в отечественной научной литературе по социальной лингвистике, в высшей степени многоплановая проблематика культурно-языкового (этнокультурного) многообразия общества обуславливает и сложные исследовательские задачи, и широкий спектр подходов к толкованию самого понятия «языковая политика».

Те или иные трактовки регулирующего воздействия на языковую жизнь со стороны различных институтов языковой политики раскрывают различные стороны этого явления, различные функции и используемые инструменты. По-разному, с определенными нюансами формулируются составляющие этой отрасли политики. Применительно к данному случаю можно выделить те аспекты предмета, которые составляют его существенные свойства и не вызывают сомнений со стороны исследователей.

Теоретические подходы к языковой политике

Прежде всего большинство специалистов при рассмотрении языковой политики отталкиваются от того, что это – *сознательное* воздействие авторитетных и полномочных инстанций (в первую очередь – государства) на язык, конкретно – на его функциональную сторону и отчасти на его структуру, на сохранение или изменение в функциональном распределении языков. Момент сознательности следует специально подчеркнуть, потому что влияние социальных факторов на языковые процессы и состояния происходит по-разному – как сознательно, так и стихийно, естественным образом и без чьего-либо субъективного и преднамеренного вмешательства, помимо человеческой воли. Перемены в языковом устройстве общества чаще всего происходят под воздействием потребностей, которые возникают в связи с новыми реалиями в экономике, в социальной и политической

сферах общественных отношений. Так, переход с одних экономических укладов на другие обуславливает меняющиеся языковые интересы. То же самое можно сказать об отношениях обмена, потребления и, разумеется, о политическом строе или об образовательной сфере, о культурной жизни. На языковую жизнь во все времена сильнейшим образом воздействуют процессы развития информационных технологий и коммуникации, которые, возможно, специально никто не планировал.

Следует отметить, что в истории лингвистического научного знания вопрос о соотношении стихийных и сознательных начал в процессах использования языков ставился и решался по-разному. Открытым также остается круг проблем относительно того, каковы пределы возможного властно-управленческого воздействия на функционирование языков. Так, выдающийся швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857–1913) в своем учении исходил из отрицания осознанного волевого воздействия на язык: «...Из всех сопоставимых действий языковой акт, если его можно так назвать, имеет характер наименее обдуманного заранее действия и в то же время наиболее безличного из всех действий. <...> Языковая деятельность не регулируется какими-либо человеческими нормами; человеческий разум не может постоянно корректировать и направлять ее и не делает этого»¹. Язык, согласно аргументации ученого, – это такое установление, которое, в отличие от права или политической системы, основывается на произвольности своего знакового строя. Напротив, авторитетные ученые-языковеды, творившие в ранние периоды советской истории – в годы беспрецедентного по масштабам языкового строительства, – Л.П. Якубинский, Н.Ф. Яковлев, Е.Д. Поливанов настаивали на необходимости проведения энергичной языковой политики².

В связи с этим формулируется понимание предмета со стороны отечественных специалистов в области языкознания: «Различают спонтанное влияние общества на язык и *языковую политику* – воздействие сознательное, целенаправленное, призванное способствовать наиболее эффективному функционированию языка в различных сферах его применения (создание письменностей и алфавитов для бесписьменных языков, усовершенствования

¹ Соссюр Ф., де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2000. С. 41, 97.

² См.: Алтатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 227–265.

ние орфографии, специальных терминологий, нормализаторская и кодификаторская деятельность ученых и т. п.)»³.

Далее, политика в любых своих проявлениях в обобщенном виде представляет собой скоординированные действия, связанные с достижением целей. Следовательно, языковая политика также включает момент целеполагания, носит *целенаправленный* характер. Ориентиры, которые определяются в рамках выбранного курса или стратегии, могут включать различные стороны языкового устройства, языковых ситуаций и социально-лингвистических состояний. Это происходит на международном, общегосударственном, региональном и местном уровнях, а также – в различных сферах языкового применения (официальное общение, образование, СМИ, культурное производство, книжное дело). Планируемые в этой области меры с обобщенной точки зрения могут быть нацелены на закрепление официального статуса языков (государственного, официального, регионального и т. п.), на разработку алфавитов, например, или фиксацию норм литературных языков, составление грамматик и словарей, на постановку обучения языкам в системе образования и т. п. Направления языкового регулирования, как следует отметить, обладают различной мерой политической значимости или по-разному политизированы. «Языковая политика – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве. <...> Идеологические принципы и практические мероприятия в области языковой политики взаимозависимы и неразделимы, а поскольку языковая политика является составной частью национальной политики, она в общих чертах зависит от общих принципов последней. ...В центре внимания языковой политики находятся наиболее крупные национально-языковые проблемы широкого социального и идеологического значения; далеко не все частные изменения и реформы (например, некоторые изменения в орфографии, мероприятия, направленные на повышении культуры речи, и т. п.) могут быть правомерно отнесены к сфере ее действия»⁴.

Предмет регулирования в рамках реализуемой языковой политики, таким образом, носит весьма и весьма многосоставный характер. С одной стороны, в него входят так называемые *экстра-*

³Крысин Л.П., Швейцер А.Д. Язык и общество // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 608.

⁴Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616.

лингвистические стороны, то есть характеристики, образуемые во внешней среде или за пределами языка как системы знаков, как абстрактного кода, правил которого придерживаются участники коммуникации. Это, в частности, выбор языка для использования в различных сферах общения, установление и закрепление «ранга» языков, или их «официализация»; усилия институтов власти и общественных кругов, создающие благоприятные – преференциальные, привилегированные условия для функционирования языков и их распространения; или – ограничительные меры, а также запретительные меры (рескрипции) по отношению к языкам, воспринимаемым как нежелательные в какой-то определенной социально-политической и культурной обстановке. С другой стороны, регулированию подлежат собственно *лингвистические* начала – создание стандартов литературного языка, их кодификация, определение графических основ языка – алфавитов, принципов устройства грамматики, лексики, терминологий, планирование и осуществление соответствующих реформ и проч.

Следует, далее, иметь в виду, что конкретные шаги в названных областях не могут, разумеется, предприниматься в каждодневном режиме. Напротив, они носят дискретный характер, осуществляются в виде разовых актов, рассчитанных на длительную перспективу. Наиболее радикальные решения, к примеру, выбор языка в «ранге» государственного или официального, выбор графической основы языка (в частности, переход с кириллической системы письма на латинскую, как это было сделано в некоторых постсоветских государствах), принимаются в переломные моменты общественного развития. Это зачастую происходит по итогам социальных революций или в связи с провозглашением государственной независимости.

В контексте соотношения экстралингвистических и собственно лингвистических сторон языкового регулирования следует выделить еще одну важную сторону данной темы. Речь идет о том, что в сердцевине политики здесь, в отличие от узко понятых управленческих инструментов и технологий, всегда находятся политические смыслы и мотивации. Если мы рассматриваем именно политическое воздействие на языковые ситуации и процессы, то необходимо, прежде всего, выделять цели политического характера, программы и документы, отражающие позиции властных институтов, государственных органов, политических партий и других влиятельных субъектов. Как уже было показано, решающую роль здесь играют идеологические соображения и мотивации. Стремление воздействовать на коммуникативную среду общества, в том числе – на ее социально-лингвистические характеристики,

как правило, не связано с отвлеченными намерениями усовершенствовать атмосферу общения как таковую, с некими абстрактными гуманитарными установками. Вопросы, касающиеся языковой жизни и языковой политики и распределения соответствующих ресурсов между общественными группами, – это и вопросы политической организации конкретной социальной системы, вопросы распределения власти и возможностей политического участия граждан. Поэтому важно различать сущностные (или, как принято говорить в наши дни, *субстантивные*) подходы к планируемым политическим шагам в области языкового функционирования, с одной стороны, и *инструментальные* соображения – с другой. Последние проявляются тогда, когда проводимая языковая политика в действительности используется как средство достижения целей, лежащих вне задач усовершенствования условий общения между людьми, вне социально-коммуникативных ситуаций и процессов как таковых. Это могут быть мотивации, связанные с политической (или этнополитической) мобилизацией, с усилением электоральных позиций политических действующих лиц, с легитимацией каких-то правящих сил или с дискредитацией политических оппонентов. Язык сам по себе, а также многоплановая проблематика языковых отношений представляют собой набор ресурсов для политиков, преследующих цели в других сферах общественных отношений. Соответствующие темы отличаются сравнительно легкой доступностью для эксплуатации в интересах пропаганды и манипуляции общественным мнением, так как здесь затрагиваются интересы практически всех индивидов и групп.

Практика властного и управленческого регулирования в рассматриваемом здесь контексте, в каких бы конкретных исторических и культурных условиях она ни осуществлялась, всегда содержит один фундаментальный момент. Это – двойственная природа языкового функционирования и вытекающая из этого внутренне противоречивая конструкция сознательного воздействия на этот предмет со стороны властвующих и общественных институтов. «Любая языковая политика в современных государствах, – как показывают ученые-специалисты, – <...> связана с взаимодействием двух естественных, но противоположных друг другу потребностей. Назовем их потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания»⁵.

⁵Аллатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Comparative politics. 2013. № 2. С. 11.

Говоря по-другому, необходимо видеть двуединую перспективу, позволяющую сочетать преимущественно *коммуникативные* начала, свойственные функциям языка, с одной стороны, и *символические* измерения при использовании различных языков – с другой. В первом случае возникает необходимость в поддержании успешного общения в масштабах всего социума, эффективного использования общего для всех кода, позволяющего всем включаться в единую систему информационного обмена. Без этого не могут поддерживаться и развиваться никакие институты в какой бы то ни было сфере общественных отношений. Это прагматическая, утилитарная сторона рассматриваемого комплекса – язык как средство общения. Во втором случае в центре внимания оказываются функции языка, связанные с тем, что это – средство самовыражения, средство этнокультурной самопрезентации индивидов и образуемых ими сообществ в многоязычной среде, средство манифестации культурной самобытности.

В этом пункте тематического поля – «язык и политика» – в концентрированном виде соединяются политически и идеологически значимые смыслы, аналитические и методологические задачи. Нахождение меры, разумного сочетания обоих начал, о которых здесь идет речь, их органичного соединения в условиях языкового разнообразия, поддержания бесконфликтного режима сосуществования – чувствительная сфера и стержневая задача языковой политики. Здесь требуются политическая воля и ответственность, политическое искусство, адекватные политико-управленческие технологии, тонко настроенные механизмы претворения в жизнь соответствующих решений и нормативных предписаний. Очевидных вариантов или каких-то «идеальных» моделей универсального свойства здесь не может быть найдено раз и навсегда или применительно ко всем конкретно-историческим ситуациям. Напротив, по поводу взаимодействия двух этих фундаментальных оснований социального устройства – языка и политики – ведется напряженная идейно-философская полемика.

К середине XIX столетия восходит знаменитый эпизод интеллектуального противостояния. Британский философ-утилитарист Джон Стюарт Милль (1806–1873) в своем сочинении «Размышления о представительном правлении» писал, что если «народности» пишут и говорят на разных языках, то становится невозможным единство общественного мнения, что необходимо для установления, по современной терминологии, политического режима демократии. Из противоположного лагеря звучали слова английского историка и политика лорда Актона (1843–1902)

о том, что «соединение различных наций в одном государстве есть условие цивилизованной жизни».

Споры по рассматриваемому поводу продолжаются в новейшие времена. Одна философская и социологическая традиция трактует язык как неистощимое богатство, принадлежащее всем. Это – неделимое «всеобщее достояние», такая «кладовая», пользование которой одновременно означает и ее пополнение. Французский социолог-теоретик Пьер Бурдьё (1930–2002) писал в связи с этим о «лингвистическом коммунизме». Однако при этом предполагается, что такое состояние – это идеальная модель однородного языкового сообщества, состоящего из носителей высоких компетенций во владении высокими языковыми стандартами. В таком понимании язык предстает в виде «гиперколлективного» блага. Его полезность возрастает по мере увеличения числа говорящих. Использование языка не идет в форме потребления. Чем больше людей общаются на данном языке, тем в большей степени возрастают его ценность, ранг мощного ресурса и параметры языкового и культурного «капитала». При этом коммуникативная ценность языка исчисляется количественно. Это – функция от числа говорящих на данном языке как на родном и как на втором, или выученном языке ('Q'-ценность). Такой показатель составляет для английского языка – 0.50, для французского языка – 0.19, для немецкого языка – 0.12⁶.

Таким образом, политическое видение языкового устройства общества может исходить из определенного приоритета. Это – коммуникативная мощьность такого средства общегосударственного общения, или объем функций языка, используемого в наибольшем количестве сфер общения. Эта позиция часто расценивается в виде либерального или неолиберального комплекса идей относительно языковой политики, как модель «свободного рынка». Доминирование «больших» языков с высоким коммуникативным рангом удовлетворяет потребности взаимопонимания, о чем было сказано выше, и интерпретируется в качестве результата своеобразного естественного отбора.

На другом полюсе – кристаллизуются идеи, исходящие из понимания языка как «души народа», а языковое многообразие истолковывается в том ключе, что это – часть наследия человечества, обладающее самоценным значением. Всякий язык – независимо от его коммуникативного ранга или демографической

⁶*Swaan A., de.* Words of the World. The Global Language System. Cambridge, 2001. P. 27–33.

мощности – представляет собой неопределимую составную часть культурного достояния человечества. Потеря любого языка ведет к утрате уникального и самобытного способа видения мира и его концептуального освоения. Утрата языка сравнима с исчезновением тех или иных видов флоры и фауны. В идеологических терминах в данном случае говорят о «зеленой», или *лингво-экологической* ориентации.

Защитники культурно-языкового разнообразия энергично адресуют свои обвинения силам и тенденциям «лингвистического империализма», и в первую очередь – экспансии английского языка. Этот язык подчас квалифицируется как «язык-киллер». Главным источником угроз по отношению к языковому наследию человечества и плюралистическому устройству многоязычной планетарной эко-среды называется корпоративная модель глобализации. С этой точки зрения, хищническая эксплуатация природных богатств в интересах хозяйственно-экономического «роста», приватизация публичной сферы и ее маркетизация (т. е. перевод на сугубо рыночные принципы существования), культурная унификация, агрессивное распространение капиталов – вот те стороны мировой тотальной стандартизации, которые имеют и языковые механизмы продвижения, и пагубные последствия для духовно-лингвистической мозаичности человечества. Английский язык расценивается в этом контексте в виде виновника «языкового геноцида» («лингвицида»), в виде языка «капитализма» и «неоимпериализма».

Оппоненты из противоположного лагеря упрекают такой экологически ориентированный подход в излишнем «лингвистическом сентиментализме». Контрдоводы здесь сводятся к тому, что язык и идентичность в действительности не обладают жесткой взаимной обусловленностью. Языковое разнообразие трактуется при этом в виде только лишь одного из измерений культурного разнообразия. Аналогия с биологическим разнообразием расценивается как некорректная, так как культурно-языковая множественность может воспроизводиться и обновляться. Английский язык функционирует, согласно такому взгляду, при сохранении безграничной культурной специфики и этно-национальной идентичности самой Британии, Северной Америки, Ирландии, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Нигерии, Гонконга, Южной Африки.

Наконец, в рассматриваемых смысловых структурах и ведущихся дискуссиях присутствует еще один сюжет, связанный с противопоставлением полярных способов видения предмета –

по линиям «запад–восток» или «север–юг». Языковая интегрированность общества расценивается зачастую как признак модернизации и высокого уровня социально-экономического и технологического развития стран. Сложное же состояние многоязычия, культурно-языковая мозаичность, напротив, расценивается как атрибут архаичного состояния социума и признак слаборазвитых стран и регионов. Одним словом, тематическая область, связанная с языковой политикой, всегда была и остается ареной острых дискуссий.

Возвращаясь собственно к политическим измерениям, присущим практике управления этнолингвистическим разнообразием в условиях различных стран, следует обратиться к структурным параметрам и типологии языковой политики и ее направлений.

Объект языковой политики в рамках абстрактно теоретической модели трактуется с некоторыми особенностями, с исследовательским выбором тех или иных фокусов внимания.

Можно выделить подходы обобщающего плана и широкого понимания предмета. Так, в ряде работ указывается на то, что языковая политика – «это все виды *сознательной* деятельности общества, направленной на регулирование использования языка»⁷. Другие определения, имеющиеся в арсенале российской социолингвистики, включают более конкретизированные стороны объекта – функциональную сторону языка (и в известной мере его структуру); функциональное распределение языков и форм существования языка; введение языковых норм. Выделяются также типологические характеристики языковой политики:

- конструктивная (расширение социальных функций национальных языков);
- деструктивная (ограничение функционирования национальных языков, одностороннее развитие двуязычия);
- централизованная (общегосударственная, включающая обязательные решения);
- децентрализованная (решения и акты действуют в масштабах одного региона внутри государства и не распространяются на другие регионы).

Применительно к условиям нашей страны и ее регионов в социальной лингвистике принято выделять варианты языковой политики:

⁷Мечковская Н.Б. Философия языка и коммуникации. М.: ФЛИНТА, 2017. С. 183.

- однокомпонентная модель языковой политики – разные формы существования русского языка;
- двухкомпонентная модель – сосуществование двух доминантных языков, наделенных статусом государственных (в большинстве республик в составе Российской Федерации);
- трехкомпонентная модель с русским государственным языком и двумя республиканскими государственными языками;
- многокомпонентная модель с четырьмя и более языками, обладающими в регионе статусом государственных;
- дифференциальная модель, нацеленная на регулирование языков малочисленных народов и мигрантских групп⁸.

Разработки зарубежных специалистов по теоретическому исследованию языковой политики содержат определенную специфику подходов к построению аналитических моделей. Одно из отличительных свойств западных разработок в этой области – дифференцированный подход к структурным характеристикам такой политики. Согласно общепринятым концептуальным представлениям разграничиваются аспекты политико-языкового регулирования. Во-первых, это решения и меры, относящиеся собственно к языковой политике институтов власти, в отличие от «поддерживающих» действий широкого круга участников такого регулирования. Второе связано с такими категориями, как «языковое культивирование», «языковой менеджмент», «языковой инжиниринг» и проч. Во-вторых, это выделение областей, в которых проводится языковая политика. Сказанное иллюстрируется приводимой ниже схемой⁹.

⁸См.: *Биткеева А.Н.* Языковая политика // *Язык и общество: Энциклопедия.* М.: Азбуковник, 2016. С. 629–636.

⁹См.: *Johnson D.C.* Language Policy. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 122–123.

Области и направления языковой политики

Подходы	Планирование языковой политики (в области формы)	Планирование мер культивирования (в области функции)
Типы		
Планирование статуса (использование языка)	Официализация Национализация Стандартизация статуса Запреты	Возрождение Поддержание Распространение Межязыковая коммуникация
Планирование овладения языком (носители языка)	Группы Образование / Школа Литература Религиозная сфера СМИ Рабочие места ----- <u>СЕЛЕКЦИЯ</u> <u>Формальная роль языка</u> <i>Экстралингвистические цели</i>	Вторичное усвоение Поддержание Языковой сдвиг Изучение иностранных языков/второй язык Грамотность ----- <u>ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ</u> <u>Функциональная роль языка</u> <i>Экстралингвистические цели</i>
Планирование корпуса языка (язык как система)	Стандартизация корпуса Графизация (определение графической основы языка) ----- <u>КОДИФИКАЦИЯ</u> <u>Форма языка</u> <i>Лингвистические цели</i>	Модернизация лексики (новые функции) Модернизация стилистики (новые функции) Обновление (новые формы – старые функции) Пурификация (сохранение «чистоты» языка) Реформа Упрощение стилистики Унификация терминологии ----- <u>РАЗРАБОТКА</u> <u>Функционирование языков</u> <i>Лингвистические цели</i>

Детализированная картина, отображающая практику языкового регулирования, призвана учесть конкретную направленность проводимого *курса* языковой политики. Соответствующая типология охватывает широкий спектр:

- политика ассимиляции, или придание привилегированного ранга одному языку в ущерб другим языкам;
- политика невмешательства (иногда такой курс получает характеристику через использование понятия «толерантность»);
- политика определения официального языка, когда предпочтение отдается одному языку;
- секторная политика (регулирование в конкретных сферах использования языков – например, в системе образования, в СМИ, судопроизводстве, в документообороте);
- политика дифференцированного юридического статуса (расширение прав официального языка и ограничение прав других языков);
- политика двуязычия или вариант трех языков (равноправный статус языков);
- политика стратегического многоязычия (обеспечение эффективного общения между людьми, говорящими на разных языках, плюралистический языковой режим);
- политика интернационализации языка (по отношению к языкам, обладающим международным коммуникативным рангом);
- политика смешанного типа (одновременное осуществление нескольких типов регулирования языковых отношений)¹⁰.

Цели проводимой языковой политики формулируются посредством ориентиров, связанных с разноплановыми проекциями объекта. Последние могут подразделяться в зависимости от избранных критериев или оснований.

С одной стороны, это уровни или «секторы», применительно к которым ставятся те или иные целевые рубежи, – те, что связаны с собственно лингвистическими (социально-лингвистическими) состояниями, а также с так называемыми экстралингвистическими моментами. Последние представлены обширным спектром – от структурно-организационных форм управленче-

¹⁰ См.: Руссо Ж.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики // Языковая политика в современном мире. СПб.: Златоуст, 2007. С. 98.

ской деятельности до церемониальных событий. Наконец, целеполагание в сфере языковой политики выражается в различной степени императивности, доступности для верификации (в том числе – измеримости планируемых результатов или «целевых индикаторов»), в различных способах обоснованности – с функционально-прагматической или символической точек зрения.

В теории языковой политики, согласно подходам зарубежных исследователей, к разряду специальных или собственно лингвистических (социально-лингвистических) *целей* языковой политики относят:

- языковую «пурификацию», или обеспечение чистоты употребления языка, его защиты от иноязычных заимствований и других форм «языковой девиации»;
- возрождение языка, или попытки возвращения языка с минимальным количеством или полным отсутствием носителей к нормальному состоянию функционирования;
- реформа языка, или целенаправленное изменение в той или иной части языка (например, его орфографии, грамматики, правописания) с целью сделать более удобным его применение;
- стандартизация языка, или попытка повысить престиж регионального языка или диалекта до уровня, когда они бы признавались стандартными (или в более привычной российской терминологии – литературными) языками региона;
- распространение языка, или намерение расширить численность его носителей «за счет носителей другого языка»;
- лексическая модернизация, или создание и адаптация новых слов;
- терминологическая унификация, или развитие единой терминологии, особенно в технических областях;
- стилистическое упрощение, или упорядочение языкового использования в плане лексикона, грамматики и стиля;
- межъязыковая коммуникация, или обеспечение языковой коммуникации между представителями разных речевых сообществ;
- поддержка языка, или сохранение условий для использования родных («нативных») языков в качестве первых или вторых в тех ситуациях, когда эти языки испытывают давление и угрозы по отношению к своему статусу;
- стандартизация кодов вспомогательных языков, или создание условий для маргинальных языков, таких, напри-

мер, как языковые средства общения для слабослышащих, включая правила транслитерации и транскрипции¹¹. Дифференцированное видение языковой политики как комплекса проводимых практических мер предполагает различие некоторых векторов и подходов.

Таблица 2

Типы языковой политики

Генезис	«Сверху – вниз» Политика на макроуровне, проводимая властями и их полномочными представителями	«Снизу – вверх» Политика на микроуровне, проводимая для сообществ и самими сообществами
Цели и средства	<i>Открытая</i> Явно выраженная в письменных политических текстах и выступлениях	<i>Скрытая</i> Намеренно маскируемая политика на макроуровне, скрытое противодействие на микроуровне
Документирование	<i>Эксплицитная</i> Официально закрепленная в письменных политических текстах и выступлениях	<i>Имплицитная</i> Политика, проводимая без закрепления в официальных текстах или вопреки таким текстам
В правовой сфере и на практике	<i>De jure</i> Политика, предусмотренная в законодательстве и изложенная официально в письменной форме	<i>De facto</i> Политика, проводимая на практике, зачастую на местном уровне, и идущая вразрез с официально провозглашенным курсом или в отличие от такового

Источник: Johnson D.C. Language Policy. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2013. P. 10.

¹¹ См., например: Nahir M. Language Planning Goals: A Classification // Language Problems and Language Planning. 1984. Vol. 8. Issue 3. P. 294–327.

Языковое разнообразие в современных сложноорганизованных обществах испытывает на себе противоречивое воздействие множества факторов. Их действие обладает разнонаправленностью. Стремительные перемены происходят в информационной среде в связи с развитием цифровых технологий. Появляются небывалые возможности распространения сообщений и для общения между людьми «поверх» границ и в сиюминутном режиме. Применительно к языковой политике это также создает новую повестку. Можно по-новому «продвигать» языки – в том числе с малым числом носителей – как на местном, региональном или национальном уровне, так и в международном пространстве.

То, с чем обычно ассоциируется термин «глобализация» противоречивым образом ведет к унификации информационной среды. С другой стороны, внутренние и международные процессы миграции по-разному порождают свойства языкового и культурного разнообразия, особенно в крупных мегаполисах принимающих стран.

Где бы ни находился человек, он обладает сегодня доступом к информации и к общению на том языке, который ему представляется предпочтительным в том или ином контексте. Так, какие угодно категории мигрантов, учитывая сравнительную доступность сети «Интернет» и мобильных устройств, могут находить удовлетворение своих культурных интересов, поддерживать связи с родными языковыми сообществами. При этом само качество культурно-языкового разнообразия претерпевает трансформацию.

Языковые сообщества невозможно рассматривать как физически обособленные и сосуществующие культурные «тела», а многоязычие – как «параллельное» одноязычие.

Традиционное понимание объекта языковой политики связано с понятием «языковая ситуация», то есть с совокупностью собственно языковых образований – с языками, диалектами, говорами, с вариантами литературного языка. Среди признаков языковой ситуации обычно рассматриваются также и такие показатели, как демографические характеристики языков, их коммуникативная мощь, то, что называется функциональностью. Какие-то языки в социолингвистическом плане доминируют, другие – находятся в миноритарном положении, то есть распространяются и используются среди этнокультурных сообществ с небольшой численностью, или – среди меньшинств. Преимущественно такой подход применяется для оценки и анализа этнического и языкового разнообразия в рамках того или иного политико-территориального образования, в стране или в ее регионах.

Суть данного подхода – в том, что «язык» (или «языки») расценивается как своего рода данность. Их можно рассматривать в рамках классификации, отнести к соответствующей «ячейке». Можно составить некую карту функционирования языков, создать соответствующий атлас, куда включаются так называемые ареалы распространения и использования. Языки при этом можно исчислить, разграничить по числу носителей, распределить по каким-то категориям.

Новейшие же подходы предполагают некоторое смещение фокусов: от языка или языков – к *коммуникации*. Привычные способы видения, о которых было сказано выше, не всегда учитывают плотность, силу и частоту связей, поддерживаемых в ходе общения людей между собой. Такое общение в реальной жизни происходит не только в каких-то сообществах, выделенных по признаку родных языков или так называемых «национальных» языков. Лингвистические различия включают и момент, который выдающийся российский филолог и философ Михаил Бахтин (1895–1975) называл «гетероглоссией» (разноречием), расслоением языка на социальные диалекты, жаргоны и другие формы существования.

Для понимания многих эпизодов действительности одного лишь понятия «язык» может оказаться недостаточно. Использование такого угла зрения, как коммуникация, открывает более широкие рамки для понимания и анализа реальных общественных процессов. Отсюда – научный и практический интерес к расширенной трактовке существа языковой политики.

В зарубежной научной литературе в качестве наиболее подходящего в этом смысле варианта определения языковой политики еще в начале 1990-х годов Гербертом Крисом был предложен подход: это – «любое публичное воздействие на коммуникативный радиус языков, сочетающее политические инициативы “снизу–вверх” и “сверху–вниз”, посредством которых определенный язык или языки получают поддержку с точки зрения их общественного веса, их функциональности и распространения. Как и любая политика, это – предмет для конфликтности и нуждается в регулярной перепланировке через постоянные дискуссии»¹².

¹²Цит. по: *Wodak R., Savski K. Critical Discourse-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford Handbook of Language Policy and Planning / Ed. by J.W. Tollefson and M. Perez-Milans. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 93–112.*

Упор здесь, как следует из логики приведенного определения, делается на *коммуникативных* аспектах языкового регулирования, на такие характеристики языкового функционирования, как «общественный вес», а не на формальные или статусные моменты, не на нормирование корпуса.

Объектом властно-управленческого воздействия, и в более широком понимании – языковой политики, – становится не только языковая ситуация или этнолингвистическое многообразие общества, но и коммуникативное устройство, своеобразные *режимы* коммуникации. В отечественной научной литературе несколько десятилетий назад было предложено разграничивать две принципиальные стороны. А именно: социолингвистические и этнолингвистические стороны языкового устройства общества.

Первое ориентировано на межгрупповые различия, на общественные слои, или на социальную стратификацию по критериям демографического, социально-экономического плана.

Второе – на языковое выражение особенностей этнической духовной культуры. Языковая политика, следовательно, может выбирать в качестве своего целевого объекта *коммуникативную среду*. Такая среда представляет собой исторически сложившуюся общность с «сильными» внутренними коммуникативными связями, носящими интенсивный характер. Границы в данном случае не совпадают ни с привычными критериями расселения этнических общностей, ни с границами распространения языков.

Предметное поле языковой политики в Российской Федерации

Совокупность многих разнородных факторов диктует насущную потребность в доктринальном осмыслении языковой политики в современных российских условиях. При этом следует иметь в виду, что определенное «сужение» этнолингвистического многообразия (в первую очередь – заметное сужение характеристик полилингвальности в образовательной сфере) не ведет автоматически к упрочению позиций русского языка с точки зрения речевых компетенций различных общественных групп. Напротив, как в экспертных оценках, так и в официально-документальных текстах наряду с общими вызовами и рисками социально-гуманитарного плана высказываются тревожные оценки относительно снижения уровня языковой культуры общества, уровня филологической грамотности и читательских предпочтений.

Многочисленные предложения относительно стратегического планирования в области языкового планирования – острая нужда в подготовке концепции государственной языковой политики или в принятии основ государственной языковой политики – сопровождаются предостережениями о негативных результатах, связанных с чрезмерным увлечением декларативностью принимаемых решений, а также с бюрократическими технологиями их реализации. Принципиальное целеполагание в этой сфере должно включать как ценностно-символические, так и прагматические-коммуникативные ориентиры.

Для понимания значимости коммуникативных аспектов языковой политики приобретает выдвинутая правоведами из Санкт-Петербургского университета инициатива, связанная с разработкой концепции государственной языковой политики РФ, упор в которой делался бы не только на интерлингвальные предметы регулирования (на взаимодействие этнических идиомов в рамках общероссийского языкового многообразия), но и на интралингвальные, связанные с функционированием русского языка как государственного языка страны, аспекты. «Современному государству следует задумываться не только о межнациональном общении, – пишут эти авторы, – сегодня эта проблема в Российской Федерации стоит не столь остро, – но и о коммуникации между разными социальными группами. Только такая социальная солидарность позволит успешно развиваться нашему обществу»¹³.

Своевременность обсуждения этого тематического курса не только не вызывает каких-либо сомнений. Напротив, она обладает насущнейшим, остро актуальным смыслом. Риски состоят не столько в том, что русский язык в каких-либо сферах функционирования может замещаться другим конкурирующим инструментом коммуникации в лице этнических идиомов из числа (миноритарных *de facto*) языков народов России. Более, вероятно, серьезные риски связаны, в частности, с перспективами критической фрагментации его стилистических систем, с крайней увлеченностью политиков и чиновников менеджерским или корпоративным подязыками, или социолектами, управленческими сленгами, состоящими из преимущественно англоязычных лексем.

¹³ Белов С.А., Корпачев Н.М., Соловьев А.А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 58.

Вместе с тем большинство звучащих в этой области предложений сфокусированы преимущественно на нормативно-правовой стороне языковой политики – на систематизации законодательной базы, ее совершенствовании, на ее приведение в состояние, которое в большей мере отвечало бы меняющимся условиям социально-коммуникативных ситуаций. Основным предметом внимания здесь выступают статусные характеристики языков, а властно-управленческие решения сфокусированы на актах и процедурах (неизбежно – дискретных), которые бы устанавливали соотношение между правовыми категориями «родной язык» и «государственный язык».

Коммуникативные составляющие языковой политики включают задачи, приоритетная значимость среди которых принадлежит поддержанию взаимопонимания не столько между различными социальными группами как таковыми, но между властными инстанциями и общественностью. Среди факторов риска здесь присутствуют как инерционные моменты, так и новые обстоятельства, связанные с изменениями, которые несут в себе новейшие информационные технологии. Среди первых – языковые дисфункции, хорошо знакомые еще со времен, предшествовавших эпохе тотальной цифровизации, – засилье бюрократических штампов, канцелярита, злоупотребление технократической терминологией и громоздкими псевдо-юридическими конструкциями, доступными для понимания только специально подготовленной аудитории, чрезмерные иноязычные заимствования, абсолютное доминирование менеджерской дискурсивной стилистики. Среди вторых – девальвация авторитетности политических высказываний в результате информационного давления социальных сетей, размывание каких-либо когнитивных граней, отличающих официальную и легитимную политическую речь тех, кто претендует на представительство общественных интересов, от частных реплик и информационного шума, создаваемого бесчисленными участниками социальных сетей, свободных от какой-либо ответственности. Желание успеть за небывальными масштабами и темпами информационных изменений порождает своеобразный феномен политико-языкового популизма со стороны властей придерживающих (сканирование записей в блогосфере, клиповое восприятие информации).

Языковая политика в своих коммуникативных измерениях в этих условиях призвана формулировать стандарты речевого поведения и правящих групп, и самого широкого круга участников дискурса, которые отвечали бы потребностям стилистического

культивирования, общедоступности лексики, в целом – возможности взаимопонимания.

В доктринальных документах и документах стратегического планирования на федеральном уровне цели языковой политики излагаются в «секторальных» контекстах государственной национальной политики, государственной культурной политики, образовательной политики и проч.

В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666, с изменениями на 6 декабря 2018 г.) содержатся принципиальные установки, определяющие конструкцию государственной национальной политики.

Для целей *Стратегии* наряду с другими определен термин «этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации» как «совокупность всех этнических культур и языков народов Российской Федерации». Сохранение такого многообразия в стране отнесено к приоритетам государственной национальной политики так же, как и сохранение русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения [Ч. I, п. 5, б) и в)].

«Этнокультурное и языковое многообразие, как закреплено в *Стратегии*, защищено государством. В Российской Федерации используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве учебного предмета» (Пункт в редакции, введенной в действие Указом Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703). Важно отметить, что в первоначальной редакции документа от 2012 г. были названы такие цифры: в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета обучения. В данном контексте целесообразно было бы обратить внимание на то, что в публичном информационном пространстве российской языковой политики сам факт расширения перечня языков, используемых в системе отечественного образования, и некоторое перераспределение языков между категориями «язык обучения» и «предмет изучения» – причем, в заметных изменениях за шесть с небольшим лет – комментариив в общедоступных формах до сих пор не получил. Сказанное свидетельствует о том, что произошедшие сдвиги дискурсивно связаны с ведомственными информационными «пластами», но при этом публично-дискурсивного статуса не получают.

Среди основных направлений государственной национальной политики *Стратегия* содержит подпункт, касающийся политики «в сфере обеспечения условий для сохранения и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, а также языков народов Российской Федерации:

- создание оптимальных условий для использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения и одного из официальных языков международных организаций, а также для сохранения и развития языков народов Российской Федерации;
- обеспечение прав граждан на изучение родного языка и других языков народов Российской Федерации;
- оказание содействия при производстве теле- и радиопрограмм, аудио- и видеоматериалов, создание интернет-ресурсов, издания печатной продукции на языках народов Российской Федерации;
- оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в сохранении, изучении и развитии русского языка и языка народов Российской Федерации;
- увеличение количества российских культурных центров, популяризация российской культуры в ближнем и дальнем зарубежье, создание центров изучения русского языка в иностранных государствах» [Ч. III, п. 21_1, е)].

Существенно то, что некоторые положения из первоначальной редакции *Стратегии* от 2012 г. утратили силу. Это формулы, касавшиеся приоритетных направлений государственной национальной политики:

- «совершенствование системы обучения в общеобразовательных учреждениях в целях сохранения и развития культур и языков народов России наряду с воспитанием уважения к общероссийской истории и культуре, мировым культурным ценностям»;
- «использование в системе образования двуязычия и многоязычия как эффективного пути сохранения и развития этнокультурного и языкового многообразия российского общества» [П. 20 из редакции *Стратегии* от 2012 г. утратил силу].

Из подпункта е) пункта 21_1 – «Основные направления государственной политики» – в редакции 2018 г. изъяты положения:

- «включение в государственную программу мер по поддержке языков народов России и защите языкового многообразия»;
- «обеспечение полноценных условий для изучения и использования гражданами Российской Федерации русского языка как государственного языка Российской Федерации»;
- «обеспечение прав граждан на изучение родного языка»;
- «возрождение и поддержка практики перевода произведений отечественной литературы на языки народов России».

Установки из документов стратегического характера, имплицитно относящиеся к сфере выработки и реализации государственной языковой политики, имеют важное – прототипическое – значение для программно-целевого дискурса в целом и для определения ориентиров реализации политики в «смежных» сферах общественных отношений, на региональных и муниципальных уровнях.

Целеполагание, предполагающее установки социолингвистического содержания – в отличие от экстралингвистических мер общеполитического плана, несколькими годами ранее было в развернутом, эксплицитном виде представлено в «Основах государственной культурной политики» (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808). Документ, содержащий пункт о задачах в области русского языка, языков народов Российской Федерации, отечественной литературы, предписывает в том числе:

- повышение качества владения гражданами России русским языком;
- использование в общероссийском публичном пространстве и государственных средствах массовой информации эталонного русского литературного языка;
- развитие системы подготовки преподавателей русского языка;
- повышение качества обучения русскому языку в системе общего и профессионального образования независимо от места проживания человека;
- создание условий для сохранения и развития всех языков народов Российской Федерации, для *сохранения двуязычия граждан, проживающих в национальных республиках и регионах, для использования национальных языков в печатных* (выделено авт.) и электронных средствах массовой информации;

- государственная поддержка переводов на русский язык произведений литературы, созданных на языках народов России, их издание и распространение на всей территории страны;
- организация и поддержка работ в области научного изучения русского языка, его грамматической структуры и функционирования, исследования древних памятников письменности, создания академических словарей русского языка и электронных лингвистических корпусов;
- расширение присутствия русского языка в сети «Интернет», существенное увеличение в сети «Интернет» количества качественных ресурсов, позволяющих гражданам различных стран изучать русский язык, получать информацию о русской культуре и русском языке;
- поддержка современного литературного творчества, издания и распространения литературных журналов.

Цели российской государственной языковой политики находят отражение в правительственных актах, принимавшихся за последние годы.

В Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718) нашли закрепление некоторые принципиальные положения, затрагивающие узловые моменты в официальном дискурсе об управлении языковым многообразием и об языковом регулировании. К категории ключевых проблем в сфере состояния межэтнических отношений в стране отнесено, в частности, «сохранение (при высоком российском стандарте защиты языковых и культурных прав народов России) неудовлетворенности в среде отдельных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав». В документе специально подчеркнуто: «В этих условиях серьезным вызовом и системной задачей является управление этнокультурным многообразием. Осуществить это возможно *только с использованием программно-целевого подхода* (курсив. – Авт.), в противном случае меры поддержки этнокультурного многообразия ограничиваются отдельными мероприятиями несистемного характера с ростом рисков».

В контексте характеристики проблемы, на которую направлена ФЦП, документ включает положение методологического плана, которое трактует видение языковой ситуации в стране и планируемого курса языковой политики со стороны

исполнительной ветви федеральной государственной власти. «Сохранение и развитие языкового многообразия и защита языков национальных меньшинств являются неотъемлемой частью их этнокультурного развития. *Язык национальных меньшинств* (курсив. – *Авт.*) является основой их этнической самоидентификации, отражает исторический опыт, является инструментом социализации, выражения и передачи этнокультурных традиций. Обучение на родном языке гарантировано Конституцией Российской Федерации и рядом международных актов, ратифицированных Россией. Должны быть созданы условия для сохранения и развития языков народов России, изучения родного языка». Примечательной стороной этой официально-дискурсивной формулы выглядит использование термина «язык национальных меньшинств», что, несомненно, выгодно отличает этот подход от категории с неопределенным логическим объемом – «языки народов России».

При этом дискурсивное целеполагание в области языковой политики выражено в ФЦП (от 2013 г.) формулой, получившей в дальнейшем многократное воспроизведение в документах федерального (в том числе ведомственного), регионального и локального уровней – «численность участников мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов и поддержку языкового многообразия». Соответствующий количественный показатель был определен по данной позиции как ожидаемый конечный результат реализации программы – 305 тыс. человек (в редакции Постановлений Правительства РФ от 13.03.2014 г. № 184, от 25.03.2015 г. № 273).

В Постановлении Правительства РФ «Об утверждении Государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики” (от 29 декабря 2016 г. № 1532, с изменениями на 29 марта 2019 г.) ранее цитированный документ о ФЦП был признан утратившим силу. Принятая в 2016 г. госпрограмма включает отныне Подпрограмму 3 «Русский язык и языки народов России».

Целеполагание относительно языковой политики в госпрограмме получило более дискурсивно упорядоченное изложение. Цели и задачи подпрограммы разделены на два предметных «блока»:

- поддержка развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения (соответствующая задача – обеспечение сохранения и развития русского языка);

- сохранение родного языка из числа языков народов России, его изучение и развитие (соответствующая задача – обеспечение сохранения и развития языкового многообразия Российской Федерации).

Помимо целевого показателя 3.1 «Количество участников мероприятий, направленных на сохранение и развитие русского языка и языков народов России» добавлены еще два индикатора:

- показатель 3.2 «Доля языков народов России, учебники по которым включены в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального, основного общего и среднего общего образования, в общем количестве языков народов России»;
- показатель 3.3 «Количество учебников по языкам народов Российской Федерации, включенных в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования» – по ожидаемым результатам должен быть выведен на уровень 69 единиц к 2025 г.

Распоряжением Правительства РФ (от 28 декабря 2018 г. № 2985-р) утвержден план мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. *Стратегии* государственной национальной политики, в том числе – в части выполнения Подпрограммы 3. В документе получает развитие курс на конкретизацию мероприятий, проводимых в сфере государственной языковой политики. Так, предполагается проведение комплекса мероприятий, посвященных Дню русского языка на 2019–2021 гг., в том числе за рубежом, при том что планируемые мероприятия будут посвящены как созданию «оптимальных условий для использования русского языка», так и «развития языков народов Российской Федерации» (п. 27). Целевая установка, рассчитанная на непосредственное – и, что наиболее принципиально – верифицируемое воздействие на реальные социолингвистические состояния объектов управления, – это «Мониторинг сохранения и развития языков народов России». Ряд ведомств, в числе которых Минпросвещения России, ФАДН России, Минкомсвязи, Минобрнауки, РАН, Российская академия образования, должны получать средства, предусмотренные в федеральном бюджете, а также средства, предусмотренные бюджетами субъектов РФ, – все это призна-

но обеспечить финансирование названного мониторинга. Это направление предусматривает соответствующие количественные и качественные индикаторы исполнения мероприятия:

- количество языков, охваченных системой мониторинга;
- количество проблемных ситуаций, выявленных в ходе мониторинга;
- количество рекомендаций, подготовленных для субъектов Российской Федерации.

Новшеством в практике проведения государственной языковой политики в нашей стране становится документ, подтверждающий исполнение данного мероприятия, а именно – ежегодный доклад в Правительство Российской Федерации (п. 28).

План мероприятий включает также проведение научных исследований языковой ситуации в России; информационное обеспечение деятельности по поддержке и продвижению русского языка, образования на русском языке, российской культуры, науки в глобальном информационном пространстве; проведение общероссийских мероприятий по обсуждению языковой политики.

Иными словами, подходы к управлению языковым многообразием и к языковому регулированию со стороны полномочных органов приобретает существенно более конкретизированное целевое планирование, что означает смысловое конструирование условий и перспектив и практической реализации решений, которые принимаются на государственном уровне.

Контрольные вопросы

1. Сформулируйте свое понимание понятия «языковая политика».
2. В чем, с вашей точки зрения, заключаются различия между понятиями «языковая политика», «языковое планирование» и «языковое культивирование»?
3. Приведите примеры конкретных решений и мер, которые отвечают в языковой политике различным ее целям, типам и подходам.
4. Выявите различия языковой политики, проводимой в контексте потребностей во взаимопонимании и потребностей в идентичности.
5. Приведите примеры, свидетельствующие об осознанном волевым воздействием на язык.

6. Как можно соотнести понятия «национальная политика» и «языковая политика»?
7. В чем выражается многосоставный характер предмета регулирования в рамках языковой политики?

Список литературы

- Мухарямова Л.М.* Языковые отношения: политологический анализ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003.
- Тишков В.А.* Языковая ситуация и языковая политика в России (реви- зия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 127–144.
- Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016.
- Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Азбуковник, 2015.
- Языковая политика в современном мире. СПб.: Златоуст, 2007.

Глава 2

Культурно-исторические предпосылки языковой политики в современной России

Территория России и состав населяющих ее жителей изначально складывались и в дореволюционные, и в советские времена как многонациональное образование, включающее сложные культурные, религиозные, ментальные комплексы и, естественно, – уникальное по разнообразию языковое устройство. В стране, расположенной на стыке Европы и Азии, сама судьба не могла распорядиться иначе. Генетически на российских пространствах во взаимодействии оказывались восточнославянские, финские, тюркские, монгольские, иранские и другие лингвистические семьи.

В разные эпохи истории нашей страны, как отмечают исследователи, противоречивым образом взаимодействовали два начала, характерных для политики властей Российской Империи и Советского Союза в отношении языковой жизни общества. Одни аспекты здесь выражались в признании и даже в поощрении многоязычия. Другие выдвигали на передний план задачи, связанные с укреплением доминирующей роли единого языка как символа государственности, как главного средства коммуникации, как инструмента власти и управления. Иногда эти два момента обозначают в научной литературе в виде «восточной» и «западной» традиций.

Два названных направления предопределяют двуединую природу языковой политики во всех странах и во все времена. При этом обе стороны могут находиться либо в некотором балансе и в равновесном состоянии, либо – в жестком противоречии друг с другом, в режиме конфликтности той или иной степени остроты.

В России сильнее проводилась линия «восточного» типа. Это воплощалось и в разработке графических основ (алфавитов) для ранее бесписьменных языков, и во внимательном учете языковых особенностей существования, присоединявшихся в разное время и в разных обстоятельствах народов финно-угорской, тюркской и иной принадлежности, и в миссионерской деятельности православных кругов (преимущественно в Поволжье и на восточных и южных окраинах империи). Вместе с тем для запад-

ных земель применялись методы принудительной русификации и практиковались запретительные меры в отношении, скажем, польского и украинского языков¹⁴.

Завоевание Казанского ханства в середине XVI столетия вызвало усложнение этноязыкового состава населения, поскольку в присоединенных землях проживали не только татары, но и чувашаи, мордва, мари́йцы (по терминологии тех времен – черемисы), удмурты (вотяки), башкиры. Все они входили в состав империи под влиянием коммуникативных процессов, которые были отмечены доминированием татарского языка как средства межэтнического общения и как языка со сложившимися письменными традициями. Покорение Сибири означало вовлечение в общую мозаику языкового образования большого количества этноязыковых групп.

В начале XVIII в. при Петре I территория империи прирастает северо-западными землями, жители которых также характеризовались лингвистической пестротой. В середине столетия происходит воссоединение с Левобережной Украиной. Позже (по итогам разделов Польши в 1770-е годы) была присоединена и оставшаяся часть территорий, где жители говорили на украинском и белорусском языках. Русско-турецкие войны завершились вхождением в состав империи Северного Причерноморья и предгорий Кавказа. В начале и в середине XIX в. произошло присоединение Финляндии, Бессарабии, Польши, под российской юрисдикцией оказываются Грузия и значительная часть Южного Кавказа и Северного Кавказа, а также среднеазиатские территории и земли казахов. «В доимперский период, – как пишут ученые, – в русском государстве меняется этническая ситуация, но на характере языковой ситуации это почти не отражается: на окраинах государства в качестве средства повседневного обиходного общения используются местные языки, в значительной мере их выучивают и русские поселенцы. Языковая ассимиляция идет очень медленно. Государство в языковые проблемы не вмешивается»¹⁵.

Русский язык в дореволюционную эпоху безоговорочно доминировал как самый мощный с точки зрения демографических и функциональных параметров, как не знающий конкуренции. Политика (точнее – разноплановое воздействие со стороны властей)

¹⁴ См.: *Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социолингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2004. С. 180–181.

¹⁵ *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика: Учеб. для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. С. 258.

по отношению к другим языкам видоизменялась в зависимости от ситуативных факторов. Белорусский и украинский языки долгое время рассматривались как «наречия» русского языка. В определенные периоды их употребление в некоторых публичных сферах попросту запрещалось. После восстаний в Польше в 1830–1831 гг. и особенно в 1863 г. польский язык был жестко запрещен в системе образования и во всех официальных сферах.

Картина языкового разнообразия страны на рубеже XIX–XX вв. отображена в данных, полученных по итогам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в разделе «Распределение населения по родному языку, губерниям и областям», таблица XIII. О том, насколько беспрецедентной по европейским меркам была мозаичность российского языкового устройства, можно судить по некоторым цифрам.

Существовало несколько языков, у которых насчитывались больше миллиона носителей: русский язык (55,7 млн человек), «малорусский», считавшийся одним из вариантов русского языка (22,3 млн), белорусский (5,9 млн), польский язык (7,9 млн), грузинский язык (5 млн), киргиз-кайсацкое – как определялся в тот период казахский язык – «наречие», отнесенное к турецко-татарской группе (4 млн), татарский язык, называвшийся тогда одним из «турецко-татарских наречий» (3,7 млн), немецкий язык (1,8 млн), латышское «наречие» (1,4 млн), башкирский язык, определявшийся как одно из «турецко-татарских наречий» (1,3 млн), литовское «наречие» (1,2 млн), армянский язык (1,2 млн), молдавский и румынский языки (1,1 млн), эстонское «наречие» финской языковой группы (1 млн), мордовское «наречие» финской языковой группы (1 млн). Близкими к миллиону были этно-демографические параметры чувашского «наречия», сартского и узбекского «наречия» из той же группы.

Тогда были зафиксированы сотни тысяч носителей болгарского языка, «жмудского» наречия литовско-латышской группы, греческого языка, таджикского и осетинского «наречий» индоевропейской группы, чеченского «наречия», аварско-андийского и даргинского «наречий» кавказских горцев, из «финских наречий» – у финского, вотяцкого, карельского, зырянского, пермяцкого, черемисского, у туркменского и кара-калпакского, а также якутского «наречий» турецко-татарской группы, у калмыцкого и бурятского «наречий» монголо-бурятской группы¹⁶.

¹⁶См.: Демоскоп weekly. [Электронный ресурс]. URL: demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php

В условиях активизации интереса к «языковому вопросу» в период Первой русской революции 1905–1907 гг. в рассматриваемой сфере произошли важные перемены. Были отменены все юридические ограничения, принимавшиеся ранее в отношении языков народов России. Национальные элиты, воспользовавшись атмосферой демократизации, начали усиленно развивать этноязыковые программы в области образования, книгопечатания (более чем на 20 языках), профессионального театра.

Русскому языку, как отмечают исследователи, впервые был придан формальный статус государственного языка. Это было закреплено в статье 3 Основных законов Российской империи (1906 г.): «Русский язык – есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами»¹⁷.

В целом языковая политика в дореволюционной России не имела целостного и системно-организованного характера. Разумеется, начиная с середины XIX столетия преобладал общий курс на русификацию коммуникативного пространства страны. Однако эта линия проводилась с разными степенями жесткости и последовательности. В западных и северо-западных землях империи практиковались строгие запреты либо на функционирование языка в официальных сферах, либо на использование латиницы в печатной продукции. Помимо польских, украинских и белорусских территорий такое происходило, например, в Бессарабии. В остальных частях государства по-разному формировались языковые составляющие системы просвещения – где-то создавались относительно благоприятные предпосылки двуязычного образования, на каких-то национальных окраинах преподавание русского языка и родных языков шло с большими затруднениями, которые объяснялись, в том числе, социально-экономическим отставанием.

Историки и лингвисты, исследующие процессы языкового регулирования в условиях дореволюционной России, с полными основаниями призывают воздерживаться от односторонних и идейно предвзятых оценок. Осуществлявшиеся запреты, с одной стороны, равнодушные к положению языковых меньшинств, с дру-

¹⁷ *Акишин М.О.* Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // *Genesis: исторические исследования.* 2016. № 5. С. 58.

гой стороны, не должны перечеркивать конструктивных шагов применительно к культурно-языковому многообразию. Во второй половине XIX в. в области просвещения «инородцев» в Поволжье и в Сибири, в создании системы «русско-туземных» школ выдающиеся достижения связаны с деятельностью ученого-тюрколога Н.И. Ильминского, возглавлявшего казанскую миссионерскую школу. Он и его последователи полагали, что приобщение народов Урало-Поволжья и Сибири к русской культуре, их христианизация должны идти первоначально через их родные языки. В этих целях для некоторых языков была создана письменность на кириллической основе, делались переводы литературы, открывались школы. По системе Н.И. Ильминского были подготовлены учебные пособия на мансийском, нанайском, ненецком, саамском, хантыйском языках. По этой системе готовились педагогические кадры для марийских, мордовских, татарских, чувашских, удмуртских школ.

Атмосферу послереволюционного времени передает крупный российский ученый-славист А.М. Селищев (1886–1942) в своей знаменитой книге: «Революция способствовала обострению национального сознания у представителей нерусского населения России. Эти представители составляли преимущественно кадр учительства в инородческих школах. Лозунг революции “самоопределение народов” сильнее всего отразился в языковой деятельности нерусских групп населения России. В осуществлении этого лозунга внимание ревнителей национальности останавливается главным образом на “родном языке”. Происходит тот же процесс, который переживался и другими народами при “пробуждении” и “возрождении” их. <...> “Равноправие языка” с языком господствовавшего до этого времени народа – вот основное требование их. “Родной” язык проводится ими в школах (прежде всего), в печати, в волостях края, населенных данною группою»¹⁸.

В научной литературе предложена периодизация, выделяющая относительно обособленные и качественно определенные фазисы языковой политики в России после революции 1917 г.:

- плюрализм, или языковой федерализм (1917–1930 гг.) характеризуется политическим курсом на равенство всех народов страны в этноязыковом отношении, на так называемую «коренизацию», на усиленное развитие про-

¹⁸ Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 3-е изд. М.: Либроком, 2010. С. 219.

- свещения на титульных языках советских республик без доминирования русского языка;
- развитие национально-русского двуязычия (1930–1950 гг.) на основе более широкого по масштабам преподавания в школах на русском языке при уменьшении роли национальных языков как средства обучения;
 - одноязычие, или лингвистическая русификация (1951–1989 гг.), означавшая ослабление позиций национальных языков;
 - языковая демократия (1990-е гг.), означавшая закрепление нового статуса титульных языков народов Российской Федерации и стремление к его реализации;
 - этноязыковая консолидация (2000–2010-е гг.) – новый этап языковой политики, в основу которой положено усиление роли русского языка как языка единения государства при сохранении языкового многообразия российского общества¹⁹.

Если представить рубежи, на которые вышло российское общество в результате проведения языковой политики за первые послереволюционные десятилетия, в обобщенном виде, то следует отметить несколько принципиальных моментов.

Первое. В исторически короткие сроки была фактически преодолена массовая безграмотность. По данным переписи населения 1897 года 73% населения империи в возрасте 9 лет и старше было неграмотным (в деревнях – более чем 80%, в том числе женщин – 90%). Многие народы страны, проживавшие на так называемых «национальных окраинах», были отчуждены от образования, а десятки и десятки из них попросту не имели письменности. По некоторым подсчетам, при тех темпах развития просвещения, которые были характерны для предреволюционных лет, достижение всеобщей грамотности потребовало бы трех столетий.

¹⁹ См.: Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Азбуковник, 2015. С. 21.

Таблица 3

Процент грамотного населения в Российской империи
(от 9 лет и старше, по переписи населения 1897 г.)

	Всего	Мужчины	Женщины
Европейская Россия	30	43	18
Привисленский край (Польша)	41	46	36
Сибирь	16	25	7
Кавказ	17	26	8
Средняя Азия (Туркестан)	6	10	3
Российская империя	27	39	17

Источник: Статистический ежегодник России 1915. П., 1916.

Таблица 4

Процент грамотного населения в СССР
(в возрасте 9 лет и старше в 1926 и 1939 гг.,
в границах до 1939 г.)

	По переписи 1926 г.			По переписи 1939 г.		
	муж.	жен.	обоего пола	муж.	жен.	обоего пола
Все население	66	37	51	91	73	81
в том числе:						89
городское	85	66	76	96	84	77
сельское	62	30	45	88	67	

Источник: Культурное строительство СССР: Статистический сборник. М.; Л., 1940.

Показатели – процент грамотности для республик Союза ССР, достигнутые с конца XIX и до середины XX столетий (конец XIX в. – 1939 г. – 1959 г.), выглядят следующим образом.

Таблица 5

Процент грамотного населения в СССР
(в возрасте 9 лет и старше в конце XIX в.,
в 1939 и 1959 гг.)

Республика	Конец XIX в.	1939 г.	1959 г.
РСФСР	29,6	89,7	98,5
Украина	27,9	88,2	99,1
Белоруссия	32,0	80,8	99,0
Узбекистан	3,6	78,7	98,1
Казахстан	8,1	83,6	96,9
Грузия	23,6	89,3	99,0
Азербайджан	9,2	82,8	97,3
Литва	54,2	76,6	98,5
Молдавия	22,2	45,9	97,8
Латвия	79,7	92,7	99,0
Киргизия	3,1	79,8	98,0
Таджикистан	2,1	82,8	96,2
Армения	9,2	83,9	98,4
Туркмения	7,8	77,7	95,4
Эстония	96,2	98,6	99,6

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). М., 1962.

Второе. Первые десятилетие-полтора после Октябрьской революции 1917 г. ознаменованы беспрецедентными результатами *языкового строительства*.

Этот стратегический курс языковой политики имел главную установку – преодоление недостаточного уровня развития большинства языков народов страны. В научной литературе есть оценки, согласно которым до революции на территории нашей страны (если не брать в расчет Польшу и Финляндию) не более 20 языков можно было отнести к категории литературных (по некоторым данным к таковым относились 13 языков, а письменность имели 19 языков). Под литературным языком, который в зарубежной лингвистике чаще называют стандартным, понима-

ется язык, уровень развитости которого превышает диалектные формы, то есть обладает наддиалектным характером. По-другому, он отличается от территориальных форм существования языка, от говоров, от просторечия. Такие языки имеют более широкое распространение и являются достоянием всего народа, а не только какой-то его части. Такой язык имеет основу, которая сознательно, со строгой определенностью зафиксировала письменную норму. Это так называемый обработанный и регламентированный язык, что позволяет специально и долго обучаться ему в школе, использовать его не только в узколокальных или в бытовых обстоятельствах, но, прежде всего, в сфере высокой культуры, в ситуации официального общения. Короче говоря, это – язык, способный нести множественную функциональную нагрузку и стилистическое разнообразие (включая книжно-письменные модели). Это необходимо в обществе со сложной системой модернизированной производства и всех подсистем общественных отношений.

В первые десятилетия Советской власти было развернуто языковое строительство, которое не знало аналогов в мировой истории. Алфавиты и орфографические системы в 1920–1930-е гг. были созданы для 50 ранее бесписьменных языков, включая около 20 языков народов Севера. Уже через полтора десятка лет, прошедших после революции 1917 г., более 80 народов СССР имели письменность на родном языке и использовали ее в системе образования (у половины из них такая возможность появилась впервые).

В официальных партийно-государственных документах с самого начала декларировались права всех народов на использование родных языков в общественных делах, в школьном преподавании, в делопроизводстве, в судах. Установки на «коренизацию» аппарата управления, на вовлечение в административную и политическую работу местных кадров сопровождалась утопическими надеждами на то, что кадры иной национальной принадлежности – русские прежде всего – смогут быстро овладеть языками местного населения, в реальности не оправдались.

Далее, советская языковая политика, если говорить об успешности ее реализации, привела к тому, что были созданы институты ее социально-культурной инфраструктуры. Были – часто с нулевой отметки – сформированы образовательные и академические учреждения, связанные с функционированием родных языков народов страны, налажено книжное дело и выпуск газетной и журнальной продукции, начато радиовещание, а затем и телевидение, в республиках были созданы творческие союзы, театры и художественные коллективы, связанные с производством

культурного продукта на родных языках, кинематограф в союзных республиках СССР и прочее и прочее. У многих народов практически впервые возникли социальные группы педагогической, научной и творческой интеллигенции, которые были профессионально связаны с функционированием родных языков народов страны.

Следует особо отметить бурное развитие художественного перевода – со всех языков Союза ССР на русский язык, с одной стороны, и с русского языка – на языки народов страны, с другой. Обмен между литературами и культурами народов развивался бурными темпами (хотя не всегда с одинаковыми масштабами, темпами и качеством). Практика переводов охватывала в Советском Союзе более 100 языков, а переводные издания составляли более половины всего объема публикуемых произведений художественной литературы. На Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. Союз ССР был отмечен золотой медалью за то, что страна занимала первое место в мире по числу издаваемых переводов. В республиканских научных структурах создавались исследовательские секторы теории и истории переводов.

Языковая политика советского периода не могла быть каким-то равномерным поступательным процессом, ведущим к успешному разрешению существовавших и вновь возникающих проблем. Помимо объективных исторических обстоятельств, экономических трудностей, революционных и военных потрясений, сложнейших международно- и внутривнутриполитических процессов, следует учитывать также и большую совокупность факторов субъективного порядка. Выбор курса языкового регулирования «сверху», принимаемые в этой области решения и последующие практические действия властей – все это происходило в известных и быстро меняющихся идеологических контекстах, в условиях трансформации политического режима. Риторика и волевые установки властей часто не соответствовала действительному состоянию языковых отношений. На смысл и эффективность проводимых мер, как правило, накладывался отпечаток схем, господствовавших в сознании правящих сил и общественности. Многие, что происходило в этой области, было продиктовано и мотивировано соображениями классового противостояния, лозунгами прогресса и интернационализма, социалистического и коммунистического строительства, в определенный период – с надеждами на победоносную пролетарскую революцию во всемирном масштабе. Сюда же следует отнести принципы, связанные с бескомпромиссным противодействием внешним угрозам, борьбой с архаичными формами культуры

(с религиозными «предрассудками», прежде всего), с пережитками прошлого и его «родимыми пятнами», с буржуазным и мелкобуржуазным национализмом.

Следует, впрочем, иметь в виду принципиальное обстоятельство, которое заключается в том, что языковая политика никогда не бывает нейтральной по отношению к интересам тех или иных социальных групп и борющихся за власть субъектов.

Противоречивость языковой политики первых десятилетий советской истории убедительно прослеживается в истории со сменой алфавитов тюркских народов страны в 1920–1930-е гг.

Революционные романтические эмоции в первые послереволюционные годы настраивали принятие решительных шагов в языковой жизни. Во имя преодоления «русификаторской» политики царских времен предлагалось даже русский язык перевести на латинскую графическую основу. Практическое воплощение эта идея получила применительно к языкам народов страны, которые – по преимуществу – исповедовали ислам и относились к тюркской языковой группе. Арабская письменность, которой пользовались эти народы (многие из которых обладали старописьменной традицией), воспринималась как знак их приверженности к устаревшим, архаичным формам сознания, которые были свойственны мировой «периферии». Арабской графикой в дореволюционный период пользовались большинство тюркоязычных народов страны – азербайджанцы, башкиры, казахи, каракалпаки, киргизы, крымские татары, кумыки, ногайцы, татары, туркмены, узбеки, уйгуры и др. Некоторые тюркские языки – чувашский, алтайский, хакасский, якутский – функционировали на основе кириллицы. Татарский язык, например, был старописьменным. Еще в 1711 г. один из манифестов Петра I был опубликован на татарском языке. В тот же период было опубликовано первое наборное издание на татарском языке. За первую половину XIX в. в одном только издательстве Казанского императорского университета было напечатано 260 книг на татарском языке с использованием арабского алфавита, а с 1801 по 1927 г. вышло в свет более 70 словарей татарского языка.

Однако еще в середине позапрошлого столетия в кругах национальной гуманитарной элиты тюркских народов зрели предложения о переходе на латинский вариант графики, а в начале 1920-х годов в Баку был создан комитет тюркского алфавита. Новые импульсы эти инициативы получили в связи с тем, что в 1928 г. во имя модернизации и европеизации, а также на латинский алфавит перешла кемалистская Турция.

«В 20-е годы, – по словам В.М. Алпатов, – коммунисты еще верили в скорую победу мировой революции, которая рано или поздно должна была привести к созданию всемирного языка для общения трудящихся разных стран и континентов. Кириллица для этого не подходила, поскольку ассоциировалась с ненавистным царским строем. Оставалась только латиница, которая ни с каким конкретным языком не соотносилась – ее часто называли “алфавитом революции”»²⁰.

В 1926 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА) и проведен съезд тюркских народов в Баку. Перевод на латинскую графическую основу татарского языка официальными представителями Татарской республики, например, был воспринят скептически. Один из приводимых аргументов заключался в том, что язык со старописьменной традицией и народ с довольно высоким уровнем грамотности не должны уравниваться с бесписьменными языками. В резолюции съезда при этом указывалось: «Съезд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждого народа... рекомендует всем тюрко-татарским и другим народам изучить опыт и метод Азербайджана и других областей и республик СССР для возможного проведения у себя этой реформы».

В 1929 г., однако, переход на латиницу был признан вопросом политики в общегосударственном масштабе. Все тюркские языки (за исключением чувашского языка, за которым сохранялась кириллица) были переведены на новую графическую основу. На новый алфавит были также переведены ассирийский, бурятский, калмыцкий, коми-пермяцкий (латиница функционировала фактически один год – с 1937 до 1938 г.), молдавский (который поначалу, будучи выделен в качестве самостоятельного, пользовался кириллицей), цыганский, татский, бухарско-еврейский.

Сам проект перехода на латиницу не может расцениваться в каких-то однозначных тонах. Новый алфавит стал мощным импульсом для развития грамотности и бурного роста книгоиздательского дела на тюркских языках. Характерно, что только на татарском языке с конца 1920-х до конца 1930-х гг. было выпущено 7 тыс. единиц книжной продукции (тогда как с 1939 г. до середины 2000-х гг. – 10 тыс. наименований).

В целом же через несколько лет революционный энтузиазм и интернационалистская риторика стали ослабевать, перспектива

²⁰Lenta.ru. 23 мая 2017.

скорейшей победы мировой революции, как минимум, отдалялась в неопределенное будущее. Возобладали стратегические установки построения социализма в одной отдельно взятой стране, что потребовало упрочения начал централизации. В 1937–1941 гг. все тюркские языки народов страны были переведены на кириллическую графическую основу, что было сделано уже без каких-то дискуссий и, как тогда было заведено, «по многочисленным пожеланиям трудящихся». Согласно комментариям одного из активных деятелей ВЦК НАТ (распущен в конце 1930-х гг.), «переход на новый алфавит на основе русской графики народы СССР встречают как праздник социалистической культуры»²¹.

Разумеется, кроме весьма значительных организационных усилий и финансовых ресурсов, которые были потрачены на обе кампании по смене алфавитов, форсированные реформы языков фактически означали, что громадным массам людей приходилось по-новому осваивать грамоту на родных языках.

В целом, какие перипетии не сказывались бы на национально-языковой политике первых послереволюционных десятилетий, ее замыслы и достижения заслуживают уважительного отношения. «Ранний период советской истории, напротив, дал пример беспрецедентного национально-языкового расцвета, без всяких кавычек. И более чем вероятно, что именно реальная практика выстраивания межнациональных отношений в СССР до середины 1930-х гг., позднее свернутая до демагогических лозунгов, но продолжавшая оставаться закрепленной на знамени строителей коммунизма, как раз и была одной из причин того, что в современном наборе общечеловеческих ценностей сохранение этнического и языкового многообразия человечества имеет столь большое значение»²².

На очередном витке в истории советской национально-языковой политики произошла смена общей повестки и реконфигурация приоритетов. Не только латинский алфавит для десятков языков народов страны, но и вся система образования с точки зрения своих этнокультурных измерений объективно переставали отвечать потребностям знания всеми гражданами русского языка. Эти потребности диктовались процессами индустриализации, урбанизации, обороноспособности.

Политико-идеологические акценты, связанные с плюралистическими установками в языковом регулировании (которое все более и более приобретало централизованный вид) стали

²¹ См.: *Беликов, Крысин. Указ. соч.* С. 296.

²² Там же. С. 312.

смещаться в сторону иной – выраженно унифицированной – модели.

Если в Конституции СССР, провозглашенной в 1924 г., было сказано, что граждане СССР имеют право на образование, что «обеспечивается» всеобщим обязательным восьмилетним образованием, развитием всех уровней образования, бесплатностью всех его видов, а также «обучением в школах на родном языке» (ст. 121), то спустя полтора десятилетия конституционно-правовая формула видоизменилась. В Конституции СССР, принятой в 1936 г., сказано о «возможности обучения в школе на родном языке» (ст. 45).

Поворотный момент в подходах к языковому разнообразию в системе образования историки связывают с выходом постановления ЦК ВКП(б) и Совета народных Комиссаров СССР от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». По существу, это означало отказ от декларированного принципа равноправия языков применительно к системе образования, а сеть школ, использующих нерусские языки как средство обучения, стала заметно сокращаться. При этом речь не шла о едином тренде, связанном только лишь с русификацией.

Тенденции централизации в союзных республиках вели к тому, что так называемые титульные языки стали ассимилировать языки малочисленных групп, которым ранее придавался статус самостоятельных. Так, мегрелы, сваны и лазы стали расцениваться как носители грузинского языка, а письменные формы их родных языков утратили перспективу развития. Меньшинства ассимилировались также в Азербайджане, когда печатная продукция на талышском и курдском языках перестала выходить. При этом носителей таких языков насчитывалось десятками тысяч. Примерно то же происходило с памирскими народами в Таджикистане. Некоторые малочисленные народы Севера начали тогда утрачивать свою письменность.

Трагические страницы истории повествуют о массовых репрессиях, затронувших все общественные слои без исключения. Однако в случае с кадрами гуманитарной интеллигенции народов с относительно меньшей численностью, урон оказался поистине невосполнимым на многие десятилетия. Нельзя также забывать о массовых депортациях, практиковавшихся по отношению ко многим народам страны в 1940-е годы. В ходе таких компаний внесудебного наказания целых этнических групп разрушались не только человеческие судьбы неповинных, но и система воспроизводства их культурно-языкового существования.

Ученые обращают внимание еще на одну веху в трансформации национально-языковой политики в послевоенный период – на Закон Союза ССР «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958 г.), согласно которому правом выбирать школу для обучения детей (в том числе – в связи с присутствием языкового фактора) были наделены родители. Основным направлением трансформации языковых аспектов образования в РСФСР с этого момента становится русификация. Изучение родных языков нерусских народов постепенно смещается к младшим возрастным категориям, к уровню начального образования. Обучение на родных языках постепенно свертывалось – 47 языков в начале 1960-х годов и 30 языков спустя одно десятилетие, в целом по СССР – 43 языка²³. Многие так называемые национальные школы закрываются. Школы этой категории продолжали функционировать лишь в нескольких российских автономиях – в Татарии, Башкирии, Туве, Якутии.

В союзных республиках также расширялось присутствие русского языка в образовательной системе, хотя социальные и культурные институты поддержки титульных языков здесь обладали более существенными возможностями по сравнению с российскими автономиями. В связи с этим следует особо учесть то, что языки народов СССР, несмотря на официальную риторику об их «равноправии», выстраивались в виде определенной статусной иерархии. На более высоком уровне располагались титульные языки союзных республик, на более низком – языки народов, давших название автономным республикам, еще ниже – языки народов, не имевших каких-то форм политико-административной организации. Подобное распределение непосредственным образом отражалось на масштабах государственной поддержки языков и в системе образования, и в сфере культурного производства (книгоиздание, театр, кинематограф, профессиональное искусство в целом), и в выпуске средств массовой информации. О последствиях такого положения дел в области культурно-языкового регулирования можно судить по такому обобщающему социально-лингвистическому показателю, как языковая лояльность. Это – соотношение этно-национальной самоидентификации, т. е. причисление человеком себя к тому или иному сообществу, признание своей принадлежности к какому-то народу, с одной стороны, и языковой самоидентификации по признаку родного языка – с другой. Иначе, человек может считать для себя родным язык того народа, с которым он связан происхождением, или другой язык (в нашей стране – по преиму-

²³ Беликов, Крысин. С. 302, 305.

ществу – русский язык). Понятно, что показатели языковой лояльности не выглядят как непосредственный результат властного или управленческого регулирования «сверху». Это, разумеется, складывается как равнодействующая более сложного комплекса факторов исторического, социального, культурного характера. Однако сама по себе лояльность данного плана – индикатор, исходя из которого можно достаточно достоверно представлять состояние языковых отношений и ситуаций.

Судя по результатам переписей населения 1926, 1959, 1970 гг., доля лиц с родным языком своей национальности различалась у народов, давших название союзным республикам, и у народов, составлявших титульное население российских автономных республик. За годы, прошедшие между переписями населения СССР, в целом по стране показатель языковой лояльности сократился на 0,3% (с 94,2 до 93,9). У белорусов он *повысился* с 71,9 до 80,6%; у азербайджанцев – с 93,8 до 98,2%; у грузин – с 96,5 до 98,4; у молдаван – с 92,3 до 95,0; у литовцев – с 46,9 до 97,9 (т. е. двукратно); у латышей – с 79,0 до 95,2; у эстонцев – с 88,4 до 95,5. Среди узбеков, казахов, армян, киргизов фиксировалось незначительное снижение – от десятых долей процента до одного процента с небольшим. В эти же периоды показатели языковой лояльности в случае с национальностями российских автономных республик снижались на десятку и более процентов среди татар, чувашей, удмуртов, марийцев, осетин, бурятов, кабардинцев, калмыков. В случае с евреями этот показатель уменьшился с 71,9 до 17,7%; с карелами – с 95,5 до 63,0 процентов. Среди башкир, хакасов, алтайцев за тот же период фиксировался некоторый рост показателей языковой лояльности.

Языковая «деэтнификация», таким образом, шла на разных скоростях. Ограниченный статус автономных республик отрицательно сказывался на воспроизводстве культурных, языковых, образовательных оснований идентичности. Дефицит нормативных, организационных, ресурсных гарантий здесь ощущался особо остро.

К концу 1980-х годов доля учащихся дневных общеобразовательных школ, обучавшихся на родных – за исключением русского – языках, составляла, например, применительно к башкирскому языку – 0,2%, к марийскому (горному и луговому) – 0,1%, к мордовскому (эрзя и мокша) – 0,02% к татарскому – 0,5%, удмуртскому – 0,01%, к чувашскому – 0,1%.

Продолжал нарастать разрыв между этно-национальной и языковой самоидентификацией, достигая внушительных показа-

телей особенно у городских жителей: у башкир – 30,8 %, марийцев – 31,5%, мордвы – 46,1%, татар – 21,0%, удмуртов – 44,1%, чувашей – 36,8%.

На рубеже 1980–1990-х годов по мере нарастания кризисных тенденций, охвативших союзные институты партийно-государственного управления страной «языковой вопрос» обнаружил весь свой потенциал конфликтной политизации. По существу, язык из инструмента консолидации общества и этнокультурного развития народов превратился в фактор политической дезинтеграции и этнополитической мобилизации в руках элит, претендовавших на безраздельное властвование в своих республиках. «Тщательно замаскированный, слава Богу, бескровный, первый штурм твердыни Союзного Центра начался с пересмотра языковой политики и незыблемых в прошлом основ коммунистической идеологии, – пишет по этому поводу М.Н. Губогло. – Высшее руководство Центра “прозевало” тот очевидный теперь факт, что принятие законов о государственном языке означало в том, 1989 году не столько ревизию концепции “ленинской языковой политики”, сколько подрыв основополагающих постулатов союзной государственности. Разработка и принятие законов о языке (о языках) определяли новые взаимоотношения не между языками и их носителями, а между союзными республиками и Москвой. Придание языкам титульных наций конституционного статуса государственных языков стало... ударом по идеологии псевдонационального государственного устройства бывшего СССР»²⁴.

Приведенные слова являются еще одним доказательством ранее изложенного тезиса – языковая политика представляет собой сложный комплекс идейных установок, подходов и принципов. В ней противоречивым образом переплетаются мотивации лингвистического и экстралингвистического плана, содержательные *de facto* и *de jure* цели (имеющие отношение к созданию благоприятных условий языкового функционирования, с одной стороны. С другой стороны, творцы языковой политики могут преследовать инструментальные цели, когда под предлогом защиты языковых прав решаются задачи, имеющие к соображениям этнокультурного плана весьма отдаленное отношение. Язык, как можно убедиться, – это не только самодовлеющая ценность или благо. Это – еще и «флаг» в руках политических сил, настроенных не только конструктивно.

²⁴ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Контрольные вопросы

1. Предложите собственное видение того, почему языковая политика Российской империи содержала различающиеся «восточное» и «западное» направления.
2. Означает ли отсутствие специального языкового законодательства в дореволюционной России и в СССР также и отсутствия самостоятельной языковой политики?
3. В чем состоит преемственность и в чем коренное отличие досоветского и советского периодов этноязыкового развития и языковой политики?
4. Как вы можете объяснить, что «языковой вопрос», а не какие-либо другие социально-культурные проблемы заняли центральное место в информационной повестке во времена распада Союза СССР?
5. Опишите фазисы языковой политики в России после революции 1917 г.
6. Каковы основные результаты языкового строительства, осуществленного после Октябрьской революции 1917 г.?
7. Каковы причины смены алфавитов тюркских народов страны в 1920–1930 годы?
8. Что понимается под индикатором языковой лояльности?

Список литературы

- Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика: Учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018 (Приложение. Языковая ситуация и языковая политика в России и СССР. С. 252–313).
- Борисова И.Ю.* Особенности советской языковой политики с 1917 г. по конец 1930-х гг. [Электронный ресурс] URL: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article> (дата обращения).
- Пушкарев Н.В., Руднев Д.В.* Языковая политика в Российской империи в отношении западных окраин // [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/538c5fa0514b0.pdf> (дата обращения).
- Руднев Д.В.* Языковая политика СССР и России: 1940–2000-е гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article> (дата обращения).

Глава 3

Нормативно-правовые основания языковой политики в России

В советский период истории нашей страны законодательное регулирование языковой жизни многонационального общества не предполагалось. Решение вопросов, связанных с языковыми отношениями, увязывалось с общей системой партийно-государственной национальной политики, что происходило в рамках идеологической формулы «расцвет и сближение социалистических наций и народностей». Какое-либо правовое закрепление статуса языков тогда не осуществлялось. В соответствии с этим и сам термин «языковая политика» в официальном обиходе не использовался.

На волне политизации «языкового вопроса» в поздний период существования Советского Союза – на рубеже 1980–1990-х годов – был принят Закон СССР «О языках народов СССР» (от 24 апреля 1990 г.). Тогда впервые за русским языком был закреплен статус как официального языка страны и как средства межнационального общения. Надо специально отметить, что в этом правовом акте предусматривалось определение правового статуса языков (ст. 4). «Союзная, автономная республики вправе определять правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков».

Незадолго до распада Союза ССР был принят Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» (от 25 октября 1991 г.). Тогда впервые было определено правовое положение языков. В пункте 2 статьи 3 этого акта сказано: «Русский язык, являющийся основным средством межнационального общения народов РСФСР в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями, имеет статус государственного языка РСФСР на всей территории РСФСР».

Далее, в российском языковом законе 1991 г. был также определен порядок, который закрепил за республиками в составе федеративного государства право «самостоятельно принимать решения о правовом положении языков народов, проживающих на

их территории». Эта норма включает право устанавливать статус государственного языка республики (п. 3, ст. 3). Впоследствии в новой редакции Закона о языках народов Российской Федерации (п. 2 в ред. Федерального закона от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ) была включена формулировка: «Республики вправе устанавливать в соответствии с Конституцией Российской Федерации свои государственные языки».

По мнению авторитетных ученых, историческое значение правового акта о языках, принятого в 1991 г., заключается в том, что в нем закреплены все необходимые условия, и, прежде всего, социальные функции языков в тех сферах общения, которые подлежат правовой регламентации. Это – деятельность органов власти различного уровня и органов местного самоуправления, язык законодательства и иных нормативных правовых актов и избирательной системы, в целом – все сферы делового общения.

В Конституцию Российской Федерации (12 декабря 1993 г.) включена ст. 68, в которой закрепляется государственный статус русского языка (п. 1), право республик устанавливать свои государственные языки, которые употребляются в органах власти и управления наряду с государственным языком Российской Федерации (п. 2), право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития гарантируется всем народам страны.

Формирование основных подходов к языковой политике, к определению ее ключевых принципов в различные периоды новейшей российской истории отмечено своими нюансами. В отработке механизмов законодательного регулирования в этой сфере отражены моменты, обусловленные контекстами времени, ситуативными особенностями, динамикой перемен в общеполитических условиях.

Самый поздний период существования Союза ССР, в том числе подступы к формированию постсоветской российской государственности, проходили в атмосфере, которая иногда определяется как «языковой романтизм». Подъем национального самосознания, бурные и противоречивые процессы в этнополитической сфере, в которых широко присутствовала проблематика национально-языковых отношений порождали некоторые характерные идейно-психологические настроения. Энтузиазм сторонников культурного и социально-лингвистического многообразия, ожидание соответствующих преобразований порождали в конце 1980-х – начале 1990-х годов замыслы, которым впоследствии не было суждено воплотиться в действительность. Об этом можно

судить, знакомясь с некоторыми положениями российского языкового закона 1991 г.

В этом правовом акте, как, впрочем, и советском законе «О языках народов СССР» от 24 апреля 1990 г., акцент был явным образом сделан на двуязычии и многоязычии. В Вводной части российского закона 1991 г. содержались декларативные формулировки, лежащие в этом русле:

- «Языки народов РСФСР – важнейший элемент культуры, основная форма проявления национального и личностного самосознания»;
- «...На территории Российской Федерации с ее многонациональным населением традиционно сложившейся нормой языкового сосуществования является двуязычие и многоязычие»;
- «Государство на всей территории РСФСР способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия».

Своеобразная риторическая конъюнктура, характерная для волны демократизации, а во многом атмосфера противостояния политиков из союзного и российского центров власти, дали жизнь некоторым формулировкам, которые с высоты имеющегося сегодня опыта проведения языковой политики выглядят наивными.

В 1991 г. в «Закон о языках народов РСФСР» была включена статья «Государственные гарантии языкового суверенитета народов и личности». Языковой суверенитет был тогда определен как «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (п. 1, ст. 2). «На территории РСФСР государством гарантируется языковой суверенитет каждого народа независимо от его численности и правового положения и языковой суверенитет личности независимо от происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания» (п. 2, ст. 2). Это, безусловно, своего рода дань модным веяниям, характерным для политического словаря той эпохи. Суверенитет является атрибутом власти, означающим верховенство законодательной воли. Личность может рассматриваться в категориях суверенности в рамках философских, моральных суждений, но никак не в контексте реализации ее фундаментальных языковых прав с институциональной точки зрения. Не может же сегодня школьник претендовать на то, чтобы сдавать ЕГЭ на языке, который определен его «суверенным»

выбором. Не говоря уже о выборе языка общения в самых разных коммуникативных ситуациях, особенно в тех сферах, которые подлежат правовой регламентации.

Ранние подходы к определению ключевых ориентиров при законодательном регулировании языковой политики в начале 1990-х годов содержали намерения (или – правовые предписания), несбыточность которых обнаружилась уже спустя несколько лет. Так, в ст. 27 российского языкового закона в первоначальной редакции было записано: «В отношениях РСФСР с республиками в составе РСФСР используются на равноправной основе государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР, иные языки в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР». Трудно предположить, каким образом законодатель в тот период предполагал практическое осуществление такой нормы в столь обширно сформулированной предметно области, как отношения российских властей с республиками. Организационное и ресурсное обеспечение службы переводов – и тогда, и в наши дни – задача, которая по своим масштабам выглядит заведомо неподъемной.

Далее, энтузиазм в политико-языковой атмосфере тех лет выразился также в постановке некоторых целевых ориентиров (которые были бы весьма желательны, разумеется). В частности, в «Декларации о языках народов России», которая была принята одновременно с законом 4 5 октября 1991 г., Верховный Совет РСФСР провозгласил такие принципы, среди которых, в частности, значились:

- «равные возможности для сохранения, изучения и развития всех языков народов РСФСР»;
- «желательность и необходимость овладения языками межнационального общения и другими языками народов РСФСР, проживающих на одной территории».

Наконец, в Постановлении Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О языках народов РСФСР»» (от 25 октября 1991 г.) было записано: «С 1992 года предусмотреть в республиканском бюджете РСФСР выделение средств на разработку и реализацию Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР, созданию института языков народов РСФСР и Российской государственной службы языковых переводов». Никто и сегодня не станет спорить о том, насколько целесообразно и полезно было бы осуществление намеченных почти тридцать лет тому назад замыслов. Однако возможности разностороннего обеспечения

языковой политики всеми необходимыми ресурсами не позволяют добиться реализации таких целей и поныне.

Излишне говорить, что большинство из названных моментов впоследствии – в 1998 и 2002 гг. были устранены в новых редакциях российского языкового закона.

Конституционно-правовые основы в рассматриваемой области, которые были заложены в первой половине 1990-х годов, получили свое дальнейшее развитие.

Важной вехой в становлении системы нормативного регулирования языковой жизни нашей страны, в формировании институциональных основ российской языковой политики стало принятие Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ). Он призван укрепить основы правового режима функционирования русского языка как государственного языка всей страны, определить обязанности органов власти по отношению к русскому языку, права граждан по отношению к нему, юридически закрепить государственные гарантии при его использовании в разных сферах общественных отношений – в образовании, в средствах массовой информации, в культуре, везде, где происходит организованное общение. Как подчеркивают специалисты из академических научных кругов, данный закон по смыслу ориентирован на конкретизацию правового статуса русского языка в общегосударственном качестве на всей территории страны и на закрепление правил его использования. Закон предписывает меры, которые должны способствовать сохранению и развитию русского языка в его самобытности и чистоте, его сбережению как общего культурного достояния народов страны. Этим правовым актом утверждается стратегический курс на продвижение русского языка в мировое коммуникативное пространство как одного из мировых языков, занимающих ведущее положение в международном общении.

Если закон «О языках народов России» по существу нацелен на защиту и гарантии культурно-языкового многообразия страны (включая сохранение и развитие также тех языков, которые не обладают закрепленным правовым статусом). Закон о русском языке от 2005 г. призван законодательно обеспечить функционирование именно в статусе государственного, в роли символа и средства общенационального единения.

Вместе с тем, закон о государственном языке вызвал в среде специалистов-языковедов неоднозначный резонанс. Особенно пристальное общественное внимание вызвало положение этого правового акта относительно «неоправданного заимствования

иноязычных слов, терминов и выражений, засоряющих речь». Соответствующая норма изложена в следующем виде «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общепотребительных аналогов в русском языке» (п. 6, ст. 1).

Некоторые ученые-лингвисты выступили с позиций, подвергающих сомнению саму данную правовую постановку вопроса и, следовательно, целесообразность такой законодательной меры. Другие специалисты выражали определенный скепсис на предмет возможности запрета иноязычных заимствований. Однако при этом формирование отношения к непомерному разрастанию потока таких заимствований расценивается как актуальная задача языковой политики. В принципе само это явление по-разному трактуется экспертами: кто-то демонстрирует панические настроения в связи с экспансией «слов-мигрантов» («слов-гастарбайтеров»), кто-то, напротив, выражает уверенность в том, что русский язык на протяжении столетий выработал механизмы самоочищения. Судьбы иностранных слов определяются, как считают сторонники этой второй точки зрения, не мерами правового или политического воздействия, а самим языком, который сам будет отбрасывать все переставшее быть нужным.

В целом нормативно-правовое регулирование языковых отношений в российском обществе и проводимой государством языковой политики образует сегодня обширное пространство, включающее несколько иерархических уровней.

Главный пласт по объему высшей юридической силы – это *законы*. На вершине здесь выделяется *конституционно-правовой* уровень. Конституция Российской Федерации, а также конституции республик, входящих в ее состав (отчасти уставы иных субъектов РФ), регулируют наиболее общие вопросы в части языкового устройства в стране и ее регионах, создают правовые основы соответствующего корпуса законодательства. Например, конституциями устанавливаются те языки, которые имеют статус государственных в масштабах всей страны (русский язык) и в масштабах республик (так называемые титульные языки).

Конституция РФ устанавливает нормативный порядок использования языков:

- русский язык наделяется статусом государственного языка Российской Федерации на всей ее территории (ст. 68, ч. 1);

- за республиками закрепляется право устанавливать свои государственные языки, которые могут использоваться в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации (ст. 68, ч. 2);
- определяется объем прав личности в области языкового выбора – «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26, ч. 2);
- право коренных малочисленных народов на сохранение родного языка по сути гарантируется нормативным содержанием ст. 69 в соответствии с общепризнанными нормами международного и международными договорами РФ.

Тем самым указываются решающие ориентиры для формирования курса языковой политики.

В Конституции РФ содержатся также нормы, запрещающие в том числе дискриминацию по признаку языка. «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (ст. 19, ч. 2).

На следующем уровне располагаются законы о языках – нормативно-правовые акты, принимаемые законодательными органами Российской Федерации и субъектами в ее составе.

Федеральное законодательство, непосредственно относящееся к области языковых отношений и к определению принципов языковой политики, включает в первую очередь:

- Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» (от 25 октября 1991 г. № 1807-1; в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ, от 11.12.2001 г. № 165-ФЗ);
- Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ);
- Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ);

- Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ);
- Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (от 1 июля 2005 г. № 53-ФЗ);
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ);
- Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» (от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ).

Законодательство, регулирующее правоотношения в различных сферах, и затрагивающее при этом проблематику языкового функционирования:

- Федеральный закон «О защите прав потребителей» (от 7 февраля 1992 г. № 2300-1), в котором содержится требование об обязательном использовании при предоставлении информации о товаре на русском языке (ст. 8);
- Федеральный закон «О государственной гражданской службе» (от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ), в котором установлены требования об обязательном владении русским языком для всех государственных служащих;
- Федеральный закон «О рекламе» (от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ), запрещающий использование в рекламе иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению информации (ст. 5, п. 5).

Нормы об обязательном (точнее – исключительном) использовании государственного языка Российской Федерации содержатся в обширном массиве правовых источников, которые связаны с основами культурной политики, с библиотечным делом; с оформлением документов государственного образца; с работой транспорта; с оформлением информации о пищевых продуктах, табачной и алкогольной продукции.

Значительный сегмент правового поля, связанного с языковыми отношениями в российском обществе и с проведением государственной языковой политики, составляет законодательство республик в составе Российской Федерации, а также в некоторых субъектах и иным – не республиканским статусом. Помимо конституций, принятых республиками, в России действуют 22 республиканских закона о языках. Практически все республики (за исключением Республики Карелия, где правовой статус языков законом не установлен) в 1990–2000-е годы законодательно определили модели языковой политики:

- однокомпонентная модель, когда статус государственного принадлежит русскому языку (и как государственному языку РФ, и как государственному языку, согласно республиканскому законодательству) и так называемому титульному, или национальному, языку республики. Это модель языковой политики, характерная для республик Алтай, Адыгея, Бурятия, Башкортостан, Ингушетия, Калмыкия, Коми, Саха-Якутия, Северная Осетия, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Хакасия, Чечня, Чувашия;
- трехкомпонентная модель, в рамках которой помимо русского языка, статусом государственных наделены еще два «титульных» языка или два варианта одного литературного языка. Это республики Кабардино-Балкария, Крым, Марий Эл, Мордовия;
- многокомпонентная модель языковой политики, когда наряду с русским языком статус государственного придан ряду письменных языков, используемых в субъекте РФ. Это республики Дагестан и Карачаево-Черкесия²⁵.

В целом, по подсчетам специалистов, нормы о русском языке как государственном языке Российской Федерации содержатся более чем в 80 правовых актах. Российское законодательство расценивается экспертами как одно из самых разработанных и масштабных на фоне мирового опыта правового регулирования языковых отношений, и как соответствующее стандартам, принятым международным сообществом.

Нормы законов о государственном языке Российской Федерации, о языках народов страны *конкретизируются* и дополняются средствами реализации их регулятивного содержания в *подзаконных актах*. В официальных текстах этой категории могут также толковаться или вводиться новые нормы, которые должны соответствовать букве закона и не вступать с ним в противоречие. Нормативные правовые акты этого рода классифицируются в зависимости от положения компетенции издающего их органа. Это – акты Президента РФ (указы и распоряжения), акты Правительства РФ (постановления и распоряжения), акты федеральных органов исполнительной власти (ведомственные акты). Региональный уровень регулирования языковых отношений и проведения языковой по-

²⁵ Подробно об этом см.: Языковая политика в контексте современных языковых процессов. С. 29–37; 98–203; Язык и общество: Энциклопедия. С. 15, 842–844.

литики регулируются также подзаконными актами субъектов Российской Федерации, действие которых распространяется на всех лиц и субъектов права на соответствующей территории. Акты, относящиеся к данной категории, издаются также в форме приказов, правил, инструкций, положений. Их особенность состоит в том, что они носят нормативный правовой характер и предназначены для императивного регулирования участников правоотношений по поводу языка.

Следует отметить, что принципы, целевые ориентиры и направления государственной языковой политики получают программирование по большей части в подзаконных актах.

Так, контуры языковой политики, ее функции, инструменты, проектирование и координация принципиальных решений, критерии оценки результативности (в том числе – индикаторы) формулируются в президентских указах и правительственных постановлениях, связанных с принятием так называемых доктринальных документов, документов стратегического планирования, концепций. Именно в источниках данного типа содержится развернутая характеристика положения дел в сфере языкового функционирования, в том числе – определение проблемных ситуаций, вызовов и угроз, которые характерны для языкового функционирования. Это, например, такие важнейшие для языковой политики акты:

- Указ Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» (от 19 декабря 2012 г. № 1666, с изм. от 6 декабря 2018 г. № 703). В документе сформулирован такой принцип государственной национальной политики, как «государственная поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, этнокультурного развития русского народа и других народов Российской Федерации, их творческого потенциала, являющегося важнейшим стратегическим ресурсом российского общества». Среди основных направлений политики доктринально сформулированы:
- создание оптимальных условий для использования русского языка как государственного языка РФ, языка межнационального общения и одного из официальных языков международных организаций, а также для сохранения и развития языков народов РФ;
- обеспечение прав граждан на изучение родного языка и других языков народов РФ;

- оказание содействия при производстве теле- и радио-программ, аудио- и видеоматериалов, создания интернет-ресурсов, издание печатной продукции на языках народов РФ;
- оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в сохранении, изучении и развитии русского языка и языков народов РФ;
- увеличение количества российских культурных центров, популяризации российской культуры в ближнем и дальнем зарубежье, создание центров изучения русского языка в иностранных государствах;
- Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (от 29 декабря 2016 г. № 1532, с изм. от 12 апреля 2019 г. № 17). Документ содержит Подпрограмму 3 «Русский язык и языки народов России»;
- Распоряжение Правительства РФ об утверждении плана мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. (от 28 декабря 2018 г. № 2985-р), в котором содержится раздел V «Сохранение и развитие русского языка как государственного языка РФ и языков народов РФ». Планом предусмотрено проведение мониторинга сохранения и развития языков народов России, ответственными исполнителями которого определены Минпросвещения РФ, Федеральное агентство по делам национальностей, Минкомсвязь и Минобрнауки РФ, научные организации, органы исполнительной власти субъектов РФ. Индикаторы (количественные и качественные) для контроля этого мероприятия – количество языков, охваченных системой мониторинга и, что принципиально важно, «количество проблемных ситуаций, выявленных в ходе мониторинга» и подготовка рекомендаций для субъектов РФ. Определение проблем, ожидающих своего разрешения, – это важнейший политический инструмент всей системы языкового регулирования, позволяющий выявить потенциал обострения языковых «вопросов», предупредить конфликты на соответствующей почве.

Во время совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку (Москва, 19 мая 2015 г.), которое было посвящено роли русского языка и языков

народов России в укреплении государственности, совершенствованию мер по сохранению и развитию национальных языков, тема законодательства в этой области была затронута специально. В.В. Путин тогда говорил: «Наша языковая политика основана на нормах Конституции, а также законах «О языках народов России» и «О государственном языке». Первый принят в 1991 г., второй – в 2005. Очевидно, что вопрос совершенствования законодательной базы в этой сфере более чем актуален. Тоже предлагаю над этим подумать. Однако делать все это нужно, конечно, взвешенно и при самом широком общественном обсуждении. Свое видение, предложения должны высказать представители всех народов России».

Помимо того что действующее языковое законодательство Российской Федерации не в полной мере отвечает современному состоянию национально-языковых отношений в стране, оно содержит определенные недостатки и пробелы, на которые указывают профессиональные эксперты.

Нормативно-правовые основания государственной языковой политики, как отмечают специалисты, отмечены *терминологическим* разбоем в нормах, закрепленных законами федерального и регионального уровней. В соответствующих правовых актах по-разному используются понятия «государственный язык», «официальный язык», «языки народов Российской Федерации», «титольный язык».

При этом отсутствует юридическая трактовка термина «родной язык», под которым могут пониматься различающиеся социолингвистические явления. В каких-то толкованиях этот язык рассматривается как национальный, то есть «язык народа», принадлежащий некоторой этнокультурной общности (независимо от того, каков уровень владения им лицами, относящимися к этой общности, или от реального его использования в повседневном общении). Иногда его определяют как первый язык, усвоенный в детстве, или – «материнский язык».

Поправки к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (ФЗ № 273), вступившие в силу 1 сентября 2018 г., предусматривают то, что русский язык также может считаться родным: «Граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, в пределах возможно-

стей, предоставляемых системой образования, установленных законодательством об образовании. ...Преподавание и изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами» (ФЗ № 273. Ст. 14, п. 4). Некоторые авторитетные ученые полагают что категория «русский язык как родной» предполагает ее применение только к учащимся русской национальности.

Такой же неопределенностью отмечено терминологическое образование «языки народов Российской Федерации», так как оно оставляет за рамками правового регулирования так называемые «диаспоральные» языки. К их числу относятся те, которые, в частности, являются государственными языками в зарубежных государствах. В этом перечне – также азербайджанский, армянский, казахский, туркменский, украинский языки и др., или языки государств постсоветского пространства. Следует иметь в виду, что эти языки относятся к этнокультурным характеристикам российских национальностей так сказать «старожильческого» плана, относящихся к единому гражданскому сообществу (к российской «политической нации»). Это, как правило, не просто языки мигрантов, прибывающих в Россию впервые. Они использовались многими поколениями наших соотечественников. Юридическое различие языков «коренных» и «некоренных» народов – этнокультурных общностей – в российском законодательстве не предусмотрено.

Разработка эффективной модели языковой политики требует работоспособного механизма законодательного регулирования социально-коммуникативных процессов и отношений. Это необходимо как на общероссийском уровне, так и применительно к региональным условиям.

Действенность нормативно-правового регулирования определяется качеством законодательной базы языкового функционирования. Принимаемые акты должны носить характер, который будет адекватен реальному состоянию коммуникативной среды и национально-языковых отношений. От законов, действующих в этой сфере, требуется, чтобы они отвечали системным и продуманным стратегическим установкам в области перспективного языкового планирования. Иными словами, нужно, чтобы правовые акты обеспечивали единство коммуникативного пространства страны, функционирование политических и социально-экономи-

ческих институтов, служили духовной консолидации общества и взаимопониманию граждан во всех сферах языкового функционирования, которые подлежат соответствующей регламентации. Словом, языковая политика и принимаемые в этой области законы призваны поддерживать национальное согласие. С другой стороны, регуляторные инструменты в сфере языковых отношений должны способствовать сохранению и воспроизводству многообразия как уникального историко-культурного достояния страны, как хранилища всех накопленных творческих богатств. При этом важно с уважением относиться к культурно-языковым интересам граждан и их жизненным запросам, и правам, которые – в том числе – закреплены в обширном массиве международно-правовых актов.

Своего рода аксиома состоит в том, что в этой по-особенному чувствительной области особо ответственной задачей становится нахождение и поддержание всестороннего баланса. От тех норм, которые закрепляются в правовых актах, по всем критериям ожидаются такие качества, как определенность, конкретно и ясным образом выраженные императивные требования к действиям всех участников правоотношений – как разнородных публичных институтов, так и граждан. В то же время российское законодательство о языках содержит довольно значительный блок декларативных моментов и символических норм. Многие из этих позиций в корпусе соответствующих актов справедливо расцениваются наблюдателями-экспертами в качестве «благих пожеланий», не подкрепленных механизмами реализации устанавливаемых правил. Символическое закрепление роли языка в сохранении идентичности народов страны, признание и провозглашение этнокультурных ценностей – важная сторона официальных документов. Однако формулировка утопических целевых ориентиров и закрепление заведомо неосуществимых требований только ухудшают качество нормотворческой деятельности.

В качестве примера можно привести Закон «О языках народов Республики Калмыкия» (от 21 октября 1999 г.), в котором одновременно содержатся нормы о свободе пользования языками (ст. 2), с одной стороны, и требование – «Знание калмыцкого языка является гражданским долгом каждого, постоянно проживающего на территории Республики Калмыкия», с другой стороны. Излишне говорить, насколько это не соответствует действительному положению дел, имеющей место ситуации с реальным владением и использованием языков.

Перекося в сторону норм, лишь манифестирующих какие-то подходы и ценностные установки, нарушает баланс, о котором

было сказано выше. Нормы-прокламации, лозунги и идеологические призывы, а в ряде случаев – пропагандистские формулы и штампы – все это снижает престиж законодательства и минимизирует потенциал его применения.

В Российской Федерации, как уже было показано, создан солидный гуманитарный нормативно-правовой фундамент в области языков, который позволил повысить статус языков многих народов страны. Однако это не привело к формированию надежного механизма защиты языков, которые получили статус государственных в большинстве республик Российской Федерации, языков народов страны в целом от воздействия многих неблагоприятных факторов. Это, прежде всего – процессы потери их функциональности (если говорить о некоторых языках, которые фактически могут расцениваться как миноритарные, или языки меньшинств даже на своих «исконных» территориях). Юридические меры поддержки языков и укрепления их социально-коммуникативных позиций часто обнаруживают свою очевидную недостаточность.

Российское законодательное пространство, включающее нормативные принципы языкового функционирования, практически оставляет за рамками своего применения важные характеристики. В первую очередь это касается *социолингвистического* состояния и самих языков, и языковых (шире – социально-коммуникативных) ситуаций в политико-административных масштабах разного уровня.

По мнению экспертов, «этому есть много причин, в том числе еще не достигшее совершенства само российское законодательство о языках, его некая декларативность, выхолащанность, излишняя стандартность, обобщенность, в отдельных случаях несоответствие реалиям и запросам, расплывчатость и нечеткость формулировок, которые можно толковать и применять, неясность терминологии, а главное, отсутствие в законодательных актах разработанного механизма реализации многих положений закона»²⁶.

Далее, эксперты обращают внимание, что законы сформулированы без учета коммуникативных рангов языков, их функциональной мощности. Как пишет А.В. Кирилина, «в России официальные меры по поддержке и защите государственного языка недостаточны (это тема для специального обсуждения, и мы ограничимся пока лишь указанием на то, что в настоящее время

²⁶ Орешкина М.В. Языковое законодательство в Российской Федерации // Язык и общество: Энциклопедия. М., 2016. С. 845.

Закон языках народов Российской Федерации от 25.10.1991 г. № 1807–1 (с дальнейшими изм. в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ, от 11.12.2002 г. № 165-ФЗ) не в полной мере учитывает столь значимое явление, как коммуникативный ранг и статус языка. Русский язык – один из мировых языков и единственный мировой язык из всех языков народов России, язык межнационального общения – хотя и признан в ст. 2 Закона государственным, рассматривается далее наравне с региональными.

Между тем, говоря о национальных языках эпохи глобализации, необходимо разграничивать их коммуникативный статус – “малые”, нередко бесписьменные, языки с небольшим числом носителей не слишком мешают глобализации и в официальном дискурсе ООН, ЮНЕСКО и подобных организаций рассматриваются как культурное достояние, требующее заботы и сохранения»²⁷.

В данной трактовке существенное значение имеет та сторона, которая показывает, что многие языки в процессе закрепления их официального статуса были провозглашены в качестве государственных, что фактически вывело их за пределы категории миноритарных языков, нуждающихся в специальных мерах по их защите и по преференциальной поддержке, в том числе – и учетом зарубежного опыта и международных стандартов.

Следует, наконец, отметить, что проблематика несовершенства законодательного регулирования социально-коммуникативных ситуаций и процессов народов России получило отражение в научной литературе еще в начале 2000-х годов. Как позитивный момент в оценках специалистов-языковедов рассматривались результаты, полученные за несколько лет, прошедших после принятия республиканских законов о языках: расширилось присутствие этих языков в образовательном пространстве и педагогической деятельности, в книгоиздании и СМИ, в области гуманитарных дисциплин. В то же время, как пишут А.Н. Баскаков и О.Д. Насырова, «после того как был провозглашен суверенитет в большинстве автономий РФ и приняты языковые законодательства, по которым национальные, в том числе тюркские, языки титульных народов этих автономий получили государственный

²⁷ *Кирилина А.В.* Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // *Языковая ситуация в Европе начала XX века: Сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания; Отв. ред. И.Н. Трошина. М., 2015. С. 128.*

статус, была предпринята попытка сбалансировать функции этих языков с функциями русского языка в основных сферах общественной деятельности... Однако при этом не были учтены многие объективные социолингвистические, этнодемографические, социокультурные, экономические и прочие факторы, ограничивающие или делающие практически невозможным и нецелесообразным равное применение русского и национальных языков. ...Социальная база литературных форм государственных тюркских языков, в которых они могут реализовать свои официальные функции, мала, так как подавляющее большинство их носителей владеет только просторечием, диалектами и говорами этих языков»²⁸.

Государственные функции большинства языков народов России, согласно констатации этих ученых, сталкиваются при своей реализации с разноплановыми препятствиями:

- этнодемографические и социальные параметры, выражающиеся в малочисленности носителей языков (алтайцы, балкарцы, хакасы);
- малый удельный вес «титულных» тюркских народов в населении республик (башкиры, якуты);
- дисперсность расселения наиболее многочисленных тюркских народов (татары, башкиры, чуваш);
- «принадлежность большинства тюркских народностей к сельским жителям с низким образовательным и культурным уровнем»²⁹.

Вместе с тем следует иметь в виду, что соотношение федерального и регионального уровней языкового законодательства отмечено определенной хронологией в последовательности принятия тех или иных правовых актов. Это же касается тех норм, которыми был установлен государственный статус тех языков, которые принято называть «титулными» языками республик в составе Российской Федерации.

Придание языкам народов, этнонимы которых дали названия республикам – бывшим автономиям в составе РСФСР – статуса государственных языков произошло не так, как это было в случае с бывшими союзными республиками в составе СССР. Как уже говорилось во второй главе данного пособия, в республиках,

²⁸ Баскаков А.Н., Насырова О.Д. Социолингвистические проблемы тюркских народов Российской Федерации // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: Статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 122.

²⁹ Там же. С. 123.

имевших в Конституции статус союзных национально-государственных образований в рамках советского федеративного устройства, этот процесс происходил в «явочном» порядке – без санкционирования со стороны центра в лице Москвы. В бывших же автономиях в составе РСФСР правовой ранг языков был поднят до уровня государственного после того, как были приняты некоторые важные законодательные шаги со стороны Центра еще на позднесоветских фазах.

В Законе СССР «О языках народов СССР» (от 24 апреля 1990 г.) были установлены такие общие принципы языковой политики в стране, как гарантии свободного развития и использования языков народов СССР, правовой режим официальных взаимоотношений в рамках Советской федерации, права граждан в использовании языков народов СССР. К ведению Союза в области законодательства о развитии и использовании языков народов СССР в лице его высших органов власти и управления было отнесено установление принципов и определение общих положений законодательства в этой области, а также «определение правового статуса и сфер применения общего на территории СССР языка, исходя из потребностей общесоюзного общения». Союзный законодатель, как можно судить по приведенной формуле, по-прежнему избегал правовой категории «государственный язык» применительно к союзному государству в целом. Русский язык с «учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач» наделялся статусом официального языка и предполагался к использованию в качестве средства межнационального общения. Однако союзным и автономным республикам было предоставлено (в некотором смысле *postfactum*) право самостоятельно определять «правовой статус языков республик, в том числе устанавливая их в качестве государственных языков» (ст. 4).

При этом к сфере компетенций союзных и автономных республик – вне пределов ведения Союза ССР – было отнесено самостоятельное решение вопросов в области законодательства о развитии и использовании языков на соответствующих территориях «с учетом интересов проживающих на ней народов».

Обучение на языках народов СССР и их изучение законом 1990 г. гарантировалось через создание материальной базы и других условий для всемерного развития этих языков и через принятие соответствующих программ общесоюзного, республиканского и местного уровней. Такие программы, как предполагалось, должны способствовать подготовке педагогических кадров,

развитию литературы, науки и искусства, телевидения и радиовещания, газет и журналов на языках народов СССР, созданию для них научной и методической базы.

Изучение официального языка СССР в качестве обязательного предмета в учебных заведениях, использующих иной (нерусский) язык как средство обучения, гарантировалось законом 1990 г. «в объеме, достаточном для обеспечения на территории СССР потребностей межнационального общения» (ст. 7). Изучение языков союзных и автономных республик, как предусматривалось, определяется этими национально-государственными образованиями самостоятельно. В то же время в законе значилась и такая специфическая норма – «Временно проживающие на территории союзной, автономной республики учащиеся могут освобождаваться от изучения языка республики. Порядок такого освобождения определяется соответствующей союзной, автономной республикой» (ст. 7).

Постепенно, в течение шести лет, законом предусматривался перевод делопроизводства в союзно-республиканских органах союзных республик, на предприятиях, в учреждениях и организациях союзного подчинения на два языка – язык союзной республики и официальный язык СССР. Для соответствующих структур союзных и автономных республик, находящихся в их подчинении, язык делопроизводства передавался на усмотрение этих республик, но «с соблюдением принципа неущемления прав граждан в использовании родного языка и языков народов СССР» (ст. 18)³⁰.

Заключая рассмотрение этой темы, следует отметить, что современное российское языковое законодательство считать «работающим» в полном смысле слова еще нельзя. Оно нуждается в разностороннем совершенствовании. Об этом неустанно говорят ученые, специалисты в области социолингвистики, эксперты-правоведы. Это же подчеркивается на уровне высшего российского руководства.

В ходе внесения поправок в российские законодательные акты о языках некоторые чрезмерно декларативные нормы «ушли» из правовых конструкций.

Так, утратили юридическую силу формулы статьи 2 Закона «О языках народов РСФСР» (от 25 октября 1991 г.) о «языковом суверенитете», который трактовался как «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения». Пункт 3

³⁰ Ведомости Съезда народных депутатов СССР. 1990. № 19.

этой статьи в своей первоначальной редакции гласил, что «никто не вправе навязывать человеку использование того или иного языка помимо его воли, кроме случаев, предусмотренных законодательством РСФСР». Совершенно ясно, что оговорка «кроме случаев...» обесмысливала изначально провозглашенный – сугубо, разумеется, на словах – принцип «языкового суверенитета». Также совершенно туманно и бессодержательно выглядела с логической точки зрения норма, согласно которой личность имеет право на «всестороннее развитие» своего родного языка. Провозглашение такого юридического положения, как совершенно очевидно, не может быть гарантировано и обеспечено на индивидуальном уровне всем и каждому.

Вместе с тем в действующей редакции Закона «О языках народов Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ, от 11.12.2002 г. № 165-ФЗ) сохраняются правовые нормы, которые по букве и по духу не отвечают современному положению дел и, что принципиально, не отражают стратегических установок государственной национальной политики в ее нынешнем понимании. В качестве примера можно привести формулировку закона: «В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности» (ст. 3, п. 4). Вряд ли можно признать такую формулу соответствующей в полной мере курсу государственной национальной политики на формирование общероссийской гражданской идентичности и российской политической нации. Дело даже не в том, что эта норма скорее всего далека от реального применения в конкретных условиях, неких абстрактных условиях той или иной «местности». Вопрос, прежде всего, в том, что граждан неправомерно делят на категории имеющих и не имеющих «свои» национально-государственные образования, на живущих и не живущих в соответствующих «пределах». По стилистике и по духу такие формулировки не отвечают принципам гражданского равноправия всех вне зависимости от признаков проживания.

Во время заседания Совета по русскому языку при Президенте в Екатерининском зале Кремля, которое состоялось 5 ноября 2019 г., В.В. Путин вновь сделал акцент на стратегической жизненности тех вопросов, о которых идет речь. «Языковая политика для России», – говорил он, – как и для всех многонациональ-

ных стран, – приоритет для государства и вопрос, чувствительный для всего общества. Она должна быть продуманной, сбалансированной и актуальной, отвечать современным тенденциям, чутко и гибко реагировать на их изменения. В этой связи видится целесообразным провести анализ соответствующих норм действующего законодательства, внести необходимые коррективы, прежде всего в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”, который был принят еще в 2005 г., и, конечно, в закон “О языках народов Российской Федерации”, которому в прошлом месяце исполнилось уже 28 лет».

Помимо актуализации всей нормативно-правовой базы языковой политики в нашей стране, большую пользу для должностных лиц федеральных органов власти и управления, для соответствующих структур на уровне субъектов Российской Федерации и для муниципальных властей, для институтов гражданского общества, для представителей научных и педагогических кругов представляло бы издание обновленных сборников правовых актов и других официальных документов по языковой политике, а также соответствующих комментариев, подготовленных специалистами.

Контрольные вопросы

1. Какую роль сыграло формирование нормативно-правовых оснований государственной языковой политики в Российской Федерации?
2. В каких отраслях российской правовой системы затрагиваются вопросы языковой политики?
3. Насколько эффективно действующее российское законодательство о языках?
4. В чем, по вашему мнению, заключаются перспективы совершенствования российского законодательства о языках?
5. Приведите аргументы в пользу закрепления официального статуса за языками народов России.
6. Постарайтесь спрогнозировать ситуации, когда те или иные языки можно определить в категории миноритарных языков. Получили бы они бóльшую поддержку со стороны властей?
7. Обратитесь к Приложению 13 – с помощью Атласа языков, находящихся под угрозой исчезновения, и ресурса Ethnologue определите витальность языков России.

Список литературы

- Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А.* Законодательство о государственном языке в российской судебной практике. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2018. 240 с.
- Бондаренко Д.В.* Краткий обзор по основным вопросам реализации языкового законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/analitika/issledovaniya/detail.php?ELEMENT_ID=6778 (дата обращения).
- Головки Е.В., Соколовский С.В., Шлуинский А.Б.* Языковая политика в контексте реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Языковая политика в современной России: Сб. экспертных докладов. М.: РГГУ, 2018. С. 4–22.
- Комментарий к Закону Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ, от 11.12.2002 г. № 165-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://lawmix.ru/commlaw/925> (дата обращения).
- Комментарий к Федеральному закону от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (постатейный) (Каркавина Д.Ю.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1169> (дата обращения).
- Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Текст и постатейные комментарии [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/bills/> (дата обращения).

Глава 4

Политика поддержки и продвижения русского языка

Именно русский язык, по сути, вместе с культурой сформировал Россию как единую и многонациональную цивилизацию, на протяжении веков обеспечивал связь поколений, преемственность и взаимообогащение этнических культур.

В.В. Путин

Подходы, идейные установки, принципы и проводимые практические меры, связанные с положением русского языка в нашем обществе и за рубежом, с его незаменимой ролью в культурно-коммуникативном пространстве страны, составляют ключевое стратегическое направление государственной языковой политики Российской Федерации. Одновременно – это и наиболее доктринально, и институционально оформленное, разносторонне документированное и нормативно насыщенное направление языкового регулирования.

«На современном этапе развития российского общества особую актуальность и остроту приобретают проблемы государственно-правового регулирования языковых отношений в Российской Федерации, – пишет лингвист М.В. Орешкина. – ...Одним из основополагающих принципов государственной языковой политики Российской Федерации является сохранение и развитие русского языка, русской культуры и русскоязычного образовательного пространства России. Это является проблемой стратегически важной и актуальной для России, так как русский язык как основной компонент социально-коммуникативной системы РФ, как язык единения в российском многонациональном государстве, а также как один из ведущих языков мира выполняет многие общественные функции»³¹.

³¹ Орешкина М.В. Русский язык – государственный язык Российской Федерации // Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 388.

Распространение русского языка в мире характеризуется следующими параметрами:

- в 1900 г. русским языком владели приблизительно 150 млн человек (главным образом – это подданные Российской империи);
- в 1950–1970-е гг. численность владеющих и пользующихся этим языком достигала 500 млн человек;
- в 1990 г. русским языком владели 350 млн человек;
- в 2010-е гг. – 280–300 млн человек.

Данные всероссийской переписи населения 2010 г. свидетельствуют, что русским языком владеют 138 млн человек, относящихся к постоянному населению страны. Это – 99,4% от всех, кто ответил в ходе переписи на вопрос о владении языком, в том числе:

- 101 млн горожан (99,8%);
- 37 млн жителей сельской местности (98,7%).

Итоги переписи 2010 г. показали также, что русский язык стал родным для представителей 47 народов РФ (помимо русских). Его указали как родной:

- 83% белорусов;
- 76% украинцев;
- примерно треть среди удмуртов, коми, мордвы и армян;
- от 21 до 29% среди чувашей, казахов, марийцев, бурят, татар и др.³²

Присутствие русского языка в коммуникативных системах современности претерпевает определенную ситуативную динамику, которая обусловлена сложным комплексом исторических факторов и обстоятельств. В одной из публикаций, посвященных присутствию русского языка в общемировом коммуникативном пространстве, А. Арефьев пишет:

XX век стал периодом наиболее широкого распространения русского языка. В 1915 году им владело в мире оценочно 140 миллионов человек, в основном подданных Российской империи, общее население которой (вместе с Польшей и Финляндией) составляло на 1 января 1915 года 182 миллиона человек. По числу своих подданных Россия занимала первое место в мире среди т. н. цивилизованных стран, а русский язык в тот момент истории по показателю своей распространенности был на одном уровне с английским и, возможно, даже несколько опережал его.

³² *Орешкина М.В.* Указ. соч. С. 388, 390.

К последнему десятилетию XX века (к 1990 году) число владевших русским языком достигло своего наивысшего показателя – 312 миллионов человек. Этому способствовали прежде всего социально-экономические и научно-технические достижения Советского Союза. Русский язык являлся одним из ведущих мировых языков, используемых во всех крупнейших международных организациях. Так, после Второй мировой войны он стал одним из рабочих языков ООН (наряду с английским, испанским, китайским, арабским и французским), официальным или рабочим языком в других международных организациях³³.

Прошлое, настоящее и будущее относительно демографических характеристик численности русскоговорящих жителей земли автор иллюстрирует данными, которые приведены в таблице 6.

Учитывая значение русского языка в жизни страны, в процессе выработки современных принципов языковой политики был принят Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации».

Статья 1. «Русский язык как государственный язык Российской Федерации» гласит:

1. В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык.

2. Статус русского языка как государственного языка Российской Федерации предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, Законом Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, его защиту и поддержку, а также обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации.

3. Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.

³³ *Арефьев А.* Русский язык в мире: прошлое, настоящее и будущее [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-mire-proshloe-nastoyashee-budushee> (дата обращения).

Таблица 6

Изменение доли владеющих русским языком
в общей численности населения земли в 1900–2050 годах
(оценка и прогноз)

Годы	Общемировая численность населения, млн чел.	Численность населения Российской империи, СССР, РФ, млн чел.	Доля в общемировой численности населения, %	Число владевших русским языком, млн чел.	Доля в общемировой численности населения, %
1900	1650	138,0	8,4	105	6,4
1914	1782	182,2	10,2	140	7,9
1940	2342	205,0	8,8	200	7,6
1980	4434	265,0	6,0	280	6,3
1990	5263	286,0	5,4	312	5,9
2004	6400	146,0	2,3	278	4,3
2010	6820	142,7	2,1	260	3,8
2015	7200	139,0	1,9	243	3,4
2025	7800	129,0	1,7	215	2,8
2050	9350	110,0	1,2	130	1,4

См.: Арефьев А. Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп weekly. 2013. 14–31 октября. № 571–572.

4. Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве.

5. Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации.

6. При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке (в ред. Федерального закона от 05.05.2014 г. № 101-ФЗ).

7. Обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации.

При подготовке новой федеральной целевой программы «Русский язык» распоряжением Правительства Российской Федерации была принята *концепция* этого документа (утверждена распоряжением от 20 декабря 2014 г. № 2647-р). В этом официальном правительственном акте приведена аналитическая оценка позиций русского языка в России и в современном мире.

Тогда было отмечено, что в настоящее время русский язык занимает 6-е место по распространенности в мире. Русский язык является официальным или рабочим языком многих авторитетных международных организаций – Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совета Европы, Международного агентства по атомной энергии, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Всемирной организации здравоохранения.

По данным исследований, проведенных Центром социологических исследований Министерства образования и науки Российской Федерации, а также по оценкам ряда иностранных экспертов, общее число владеющих русским языком как родным, как вторым или как иностранным составляет около 260 млн

человек (некоторые российские эксперты, в том числе представители Российской академии образования, приводят цифры до 350 млн человек). Родным русский язык считают около 150 млн человек, в том числе более 120 млн человек – в России, и около 22 млн человек – в государствах – участниках СНГ. В Российской Федерации в 46 тыс. школ на русском языке обучаются более 13 млн учащихся.

В государствах – участниках СНГ и странах Балтии, а также в Грузии, Абхазии и Республике Южная Осетия количество русскоязычных школ, гимназий и лицеев составляет более 5 тыс., а количество двуязычных (с классами (параллелями) на русском языке) – около 4 тыс. Общее число школьников, обучающихся на русском языке в бывших республиках Советского Союза, составляет около 3,2 млн человек. В иностранных государствах насчитывается 18,4 тыс. школ и организаций среднего профессионального образования, в которых 1,3 млн человек изучают русский язык как иностранный, а в вузах русский язык как иностранный учат около 230 тыс. студентов. Обучение проводится также при российских центрах науки и культуры за рубежом, где ежегодно на курсах русского языка обучаются до 19 тыс. человек. При этом существенную обеспокоенность вызывает ряд проблем современного состояния русского языка, в том числе снижение уровня владения русским языком как государственным языком, сужение сферы его функционирования как средства межнационального общения в ряде регионов, невысокие результаты единого государственного экзамена по русскому языку.

Решение этих проблем предполагается осуществлять за счет совершенствования нормативной правовой базы в части защиты и поддержки русской словесности, повышения качества школьного образования, развития системы изменения и утверждения современных норм русского литературного языка. Возрождение интереса к чтению, повышение языковой культуры и уровня грамотности призваны обеспечить предусмотренные Программой меры, направленные на повышение качества обучения за счет развития кадрового потенциала, совершенствования учебных программ по русскому языку и литературе, модернизации методического обеспечения, широкого использования современных педагогических технологий, в том числе в рамках различных форматов образования (открытое образование, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии), а также проведения в сети «Интернет» различных акций, конкурсов, викторин по русскому языку, литературе и российской культуре.

При этом с конца XX века проявились и продолжают сохраняться такие тревожные тенденции, как снижение присутствия русского языка на зарубежном пространстве, в том числе в государствах – участниках СНГ, уменьшение числа русских школ за рубежом, сокращение в государствах – участниках СНГ количества преподавателей русского языка, снижение уровня их профессионализма.

Существуют и другие проблемы «внутреннего» порядка, которые связаны не столько с социально-лингвистическими параметрами, сколько с мерами структурно-организационного характера:

- недостаточный уровень координации организаций, их ресурсов, программ, в том числе некоммерческих организаций и организаций соотечественников за рубежом, ухудшение условий для изучения русского языка в большинстве стран, особенно на пространстве СНГ;
- неполнота и неточность статистических данных о функционировании и распространении русского языка, образования на русском, слабый учет особенностей ситуации в различных странах при реализации мер поддержки русского языка;
- недостаточная оснащенность и поддержка русских школ за рубежом, в том числе ресурсная и учебно-методическая, неудовлетворенные потребности стран в российских преподавателях русского языка, командированных за счет средств федерального бюджета в иностранные учебные заведения;
- слабое использование возможностей информационных, электронных и игровых технологий для изучения и продвижения русского языка и осуществления образования на русском языке.

Нерешенность указанных проблем является существенным фактором ограничения укрепления позиций русского языка в современном мире. Следует отметить, что размер средств, выделяемых на продвижение русского языка за рубежом, на порядок меньше размера средств, выделяемых ведущими странами на мировом образовательном рынке.

Постановлением Правительства Российской Федерации (от 20 мая 2015 г. № 581) утверждена Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 гг.

Для определения путей решений проблемных вопросов, обеспечения необходимых условий, поддержки и развития русского языка, оперативного и адекватного реагирования на

современные вызовы, преломления негативных тенденций, устранения имеющихся недостатков и достижения новых результатов необходимо осуществить дальнейшее развитие системы поддержки русского языка путем формирования программы. Сохранив преемственность с федеральной целевой программой «Русский язык» на 2011–2015 гг., программа имеет ряд отличительных характеристик и новшеств. Программа ориентирована на прогнозный сценарий развития и предусматривает:

- формирование приоритетов, направленных на укрепление и распространение русского языка;
- активную наступательную стратегию, призванную обеспечить прорывные взаимодополняющие действия с максимальным использованием всех ресурсов и возможностей;
- ускоренную разработку и внедрение инновационных продуктов и услуг; расширение существующих направлений и открытие новых, отвечающих требованиям времени, в том числе продвижение на внутреннем и внешнем образовательных рынках бренда «Продвижение русского языка и образования на русском языке под единым брендом “Институт Пушкина”» (далее – бренд «Институт Пушкина»);
- использование потенциала международного сотрудничества для продвижения русского языка в образовательных системах других стран, расширение мер поддержки и стимулирования инициатив соотечественников; тесное сотрудничество со средствами массовой информации, увеличение использования цифровых каналов, мониторинг результатов.

Позициям русского языка внутри страны и за ее пределами – этому стратегически важнейшему предмету государственной языковой политики – уделяется пристальное внимание со стороны высшего руководства страны.

19 мая 2015 г. В.В. Путин провел совместное заседание Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации. Заседание было посвящено роли русского языка и языков народов России в укреплении государственности, совершенствованию мер по сохранению и развитию национальных языков. Такой формат проведения мероприятия был тогда использован впервые. К соответствующим системным задачам, как подчеркнул Президент РФ, безусловно, относится и сбалансированная эффективная языковая политика. Для России с ее этническим, культурным разнообразием и слож-

ным национально-государственным устройством это, безусловно, один из очевидных приоритетов.

«Вопросы сохранения и развития русского, всех языков народов нашей страны имеют важнейшее значение для гармонизации межнациональных отношений, обеспечения гражданского единства, укрепления государственного суверенитета и целостности России, – говорил во время заседания В.В. Путин. – В нашей стране проживают представители 193 национальностей, и они говорят на почти трех сотнях языков и диалектов. Здесь отмечу, что письменность для многих языков была разработана лишь в советское время силами выдающихся русских ученых, лингвистов, филологов. С 1920 по 1940 год своя письменность появилась у 50 национальностей. До этого письменности у этих народов не было.

Напомню и о богатых традициях литературных переводов на русский язык книг, стихотворений, чьи авторы писали на своем родном языке. И благодаря переводу на русский их произведения становились известны всей стране, да чего там всей стране – всему миру. Достаточно вспомнить Расула Гамзатова».

«Без всякого преувеличения можно сказать: подобной поддержки, настоящего сбережения национальных языков, как в нашей стране, никто никогда в мире не обеспечивал», – особо подчеркнул глава российского государства.

«Добавлю, что Конституция России прямо гарантирует право всех народов на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В том числе республики вправе устанавливать свои государственные языки и использовать их в работе органов государственной власти и местного самоуправления наряду с государственным языком России. В качестве примера приведу Крым, где действуют три равноправных языка: русский, украинский, крымско-татарский.

Но мы знаем и другие примеры, когда в ряде стран право значительных этнических общин на использование родного языка игнорируется или ограничивается, когда проводится жесткая, агрессивная политика языковой и культурной ассимиляции. И мы видим, к каким последствиям это приводит: к разделению общества на “полноценных” и “неполноценных” людей, на “граждан” и “неграждан”, а то и к прямым, трагическим внутренним конфликтам».

«Вопросы русского языка и литературы заслуживают большего внимания, чем было до сих пор, потому что речь идет о сохранении ни больше ни меньше национальной идентичности,

о том, чтобы быть и оставаться народом со своим характером, со своими традициями, со своей самобытностью, не утратить историческую преемственность и связь поколений», – заявил Президент Российской Федерации В.В. Путин на Съезде Общества русской словесности 26 мая 2016 г.

По его словам, «для русских это означает быть и оставаться русскими». «Но и не только в этом роль русского языка: роль русского языка в такой многоликой, многонациональной, красивой стране, как Россия еще и в том, чтобы создавать единую российскую нацию, быть языком межнационального общения», – подчеркнул Путин.

Он напомнил о предпринятых государством и общественностью шагах по сохранению русского языка, по возвращению интереса к чтению и поддержке отечественной литературы, по укреплению гуманитарной составляющей образования. «В наши школы вернулось сочинение, а русский язык и литература вновь выделены в самостоятельную предметную область, была организована работа по созданию единой концепции преподавания русского языка и литературы, заметно активизировалась деятельность общероссийских учительских организаций», – перечислил президент.

В.В. Путин, как было тогда подчеркнуто, рассчитывает на то, что Общество русской словесности примет участие в доработке государственных стандартов филологического образования.

«Не сомневаюсь, что еще большую динамику работе по поддержке и развитию русского языка и литературе придаст Общество русской словесности, как преемник общества любителей российской словесности, созданного в 1811 году», – сказал глава государства. По его мнению, новая общественная организация «призвана объединить профессионалов и экспертов, учителей и родителей, деятелей культуры, стать площадкой для выработки консолидированных подходов по вопросам продвижения русского языка, популяризации отечественной литературы, помощи молодым и талантливым писателям»³⁴.

Сообщалось также, что В.В. Путин также рассчитывает, что Общество русской словесности примет участие «в решении проблем филологического образования». «Причем речь не только об обеспечении экспертной и общественной оценки учебных

³⁴ *Путин В.В.* Путин считает весьма значительной роль русского языка при сохранении российской нации [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3315776> (дата обращения).

материалов, но и об участии в доработке федеральных государственных образовательных стандартов в части русского языка и литературы, в подготовке профильных программ обучения и списка литературных произведений, которые обязательно должны знать подрастающие поколения», – подчеркнул президент. Для примера он привел подобный опыт других общественных организаций – Российского исторического и Русского географического обществ.

Президент РФ надеется, что «Общество русской словесности станет одним из ключевых участников реализации государственной культурной политики, основы которой были утверждены в 2014 году». «Ведь одно из центральных мест этого документа отведено именно проблемам русского языка и литературы», – пояснил глава государства. Он заверил, что в этой работе Общество русской словесности может рассчитывать на поддержку властей.

Президент РФ призвал изучать иностранный опыт в деле популяризации национальных языков за рубежом. Он отметил необходимость «сделать все, чтобы знание классической и современной литературы, грамотная речь стали неотъемлемой частью жизни страны, по сути, правилом хорошего тона, чтобы это стало модным, чтобы об их сохранении и развитии заботилось все наше общество».

«Решить эти задачи возможно только через последовательную работу, через продуманные масштабные программы, в которых примут участие не только заинтересованные органы власти, но и граждане нашей страны», – добавил В.В. Путин.

По его словам, Обществу русской словесности здесь отводится особая роль, оно должно стать мощным научно-просветительским объединением, реализовывать проекты в области образования, СМИ, искусства, поддерживать инициативы граждан.

«И, конечно, правильно будет обратиться и к лучшим мировым традициям и практикам, учесть опыт коллег из Королевского литературного общества Великобритании, Итальянского института культуры, Испанского института Сервантеса, Немецкого института Гёте и Китайского института Конфуция, в том числе в вопросах популяризации национальных языков и культуры за рубежом», – заявил глава государства.

Путин подчеркнул, что «сбережение русского языка, литературы и нашей культуры – это вопросы национальной безопасности, сохранения своей идентичности в глобальном мире», а русская классическая литература, эталонный русский язык всегда были и остаются основой духовных ценностей России.

Очередное заседание Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку состоялось 5 ноября 2019 г. в Екатерининском зале Кремля. В своем выступлении глава российского государства сформулировал ключевую установку для языковой политики: «...перед нами стоят две равновеликие задачи. Первая – это обеспечить достойный уровень знаний, общей грамотности граждан России и тем самым глобальную конкурентоспособность, притягательность русского языка как современного, живого, динамично развивающегося средства общения. Вторая – реализовать действенную систему поддержки русской языковой среды за рубежом в информационной, в образовательной, в гуманитарных сферах».

Языковая политика РФ призвана противопоставить эффективные подходы, решения и механизмы перед лицом совокупности системных вызовов и рисков, с которыми сталкивается в наши дни функционирование русского языка. Природа этих тревожных факторов и тенденций рассмотрена в материале, извлечения из которого приводятся ниже.

Вступительное слово
на заседании Президиума Общества русской словесности

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл
Источник: Патриархия.ру

21 мая 2019 г. в Сергиевском зале кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве прошло очередное заседание Президиума Общества русской словесности. Святейший Патриарх Кирилл, являющийся председателем Общества русской словесности, в начале заседания произнес вступительное слово.

Ваше Высокопреосвященство! Уважаемые участники заседания!

Хотел бы сердечно приветствовать всех на очередном заседании Президиума Общества русской словесности. Символично, что мы собираемся в преддверии знаковой для нашей страны даты – 220-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Почти двести лет назад стихи еще юного поэта читал на заседаниях Общества любителей русской словесности его дядя Василий Львович Пушкин.

Сегодня нам предстоит подвести итоги трехлетней деятельности Общества, определить направления работы на ближайшее время и подготовиться к съезду Общества, который предлагаю провести осенью

текущего года. Со дня первого съезда, прошедшего в мае 2016 года, накопилось немало тем для обсуждения всеми членами Общества.

...Три года назад мы говорили о необходимости изменения федеральных государственных образовательных стандартов преподавания русского языка и литературы в начальной и основной школе и подготовки новых учебников по отечественной словесности. Сегодня, благодаря усилиям Министерства просвещения, поставленные задачи в значительной степени решены, однако работа по обновлению образовательных стандартов и корпуса учебной литературы продолжается.

Конкретизация содержания государственных образовательных стандартов, как в части отдельных предметов школьной программы, так и в части желаемых личностных результатов образования, должна не только стать прочным фундаментом единого образовательного пространства России, но и дать ясные ориентиры для учителей, родителей и всего общества.

Важной миссией, в осуществлении которой мы готовы всемерно содействовать Министерству просвещения, является повышение качества учебников. В школу должны поступать учебники безупречные не только с позиций современных гуманитарных и естественных наук, но и отражающие духовно-нравственные традиции нашего общества, написанные строго в соответствии с нормами русского литературного языка. Полагаю, что Общество русской словесности может внести весомый вклад в это многотрудное дело.

Большим достижением – и это заслуга Рособрнадзора – считаю введение обязательного устного экзамена по русскому языку для девятиклассников.

На осеннем съезде было бы важно выслушать мнения представителей педагогического сообщества о том, что на нынешнем этапе требуется сделать в области учебной литературы и оценки знаний школьников по русской словесности.

Еще совсем недавно наших соотечественников отличала приверженность к книжному чтению. Сегодня же вызовом становятся отнюдь не электронные книги, которых так боялись сторонники классического книгочтения несколько лет назад, а вообще потеря интереса и даже навыка к чтению. Дабы ситуация не достигла точки невозврата, считаю важным продвигать – прежде всего среди молодежи – идею о том, что к подлинной элите принадлежит лишь человек, читающий и воспринимающий высокую литературу, живущий в пространстве отечественной и мировой книжной культуры.

Полагаю, эта тема могла бы стать одной из ключевых на предстоящем съезде. Было бы интересно и полезно выслушать мнения филологов, писателей, историков, футурологов, журналистов и других специалистов.

Каждый из нас едва ли не ежедневно сталкивается с весьма болезненным явлением – с грубейшим искажением норм литературного русского языка. Язык SMS, мессенджеров и социальных сетей уже практически не знает правил орфографии и пунктуации. Не может не вызывать беспокойство и то, что подобный малограмотный способ общения переходит в повседневную живую речь. Общество русской словесности, несмотря ни на какие веяния, призвано терпеливо отстаивать и культивировать использование норм литературного русского языка. Огромная ответственность здесь лежит на средствах массовой информации, имеющих большое влияние на умы людей.

Не теряет своей актуальности вопрос разработки концепции государственной политики в сфере русского языка, о чем немало говорила и над чем потрудились Людмила Алексеевна Вербицкая. Она внесла весомый вклад в становление Общества русской словесности, и я предлагаю направить Людмиле Алексеевне от имени Президиума письмо с благодарностью и пожеланием крепкого здоровья.

Важная задача нашего Общества – это помощь в подготовке высококвалифицированных учителей-словесников. Представляется значимой систематизация и унификация программ по русскому языку и литературе, которые используются педагогами средней и высшей школы. Развитие педагогического образования требует пристального внимания различных государственных ведомств и общественных объединений. Очевидно, Министерству науки и высшего образования в этом могло бы содействовать Министерство просвещения, которое непосредственно взаимодействует со школами.

Профессия учителя – это высокое призвание и служение. Думаю, было бы весьма полезно поощрять тех, кто трудится на этом непростом поприще. В связи с этим полагаю целесообразным учредить особую премию Общества русской словесности, которая будет вручаться по следующим номинациям: за многолетний труд; молодому учителю; за организацию внеклассной работы; за использование новых технологий в образовательном процессе; за сохранение русского языка и культуры. Может быть, именно с последнего надо было начать этот перечень. Первые премии предлагаю вручить на ближайшем осеннем съезде.

Общество русской словесности призвано работать как на общероссийском, так и на международном уровне. В связи с этим хотел бы акцентировать внимание на важности создания региональных представительств Общества русской словесности. Особенно востребована точечная работа с теми регионами, где существуют проблемы с преподаванием русского языка. Прошу участников сегодняшнего заседания направить в секретариат Общества свои предложения по кандидатурам

региональных представителей, которые могли бы способствовать реализации проектов Общества на местах.

Не менее насущной задачей является продвижение русского языка и литературы за рубежом, прежде всего, в ближнем зарубежье. Русский язык – один из ключевых объединяющих факторов на пространстве СНГ, и развитие русскоязычного образования в этих странах должно непременно быть предметом заботы со стороны Общества русской словесности.

Нельзя не отметить значимость перевода и издания на иностранных языках лучших произведений отечественной литературы, в том числе современной. Это поможет другим народам лучше узнать русскую культуру, приобщиться к высоким духовным и нравственным ценностям, которые она несет.

Святейший Патриарх
Московский и всея Руси Кирилл
Источник: Патриархия.ru
22 мая 2019 г.

Контрольные вопросы

1. Сформулируйте собственное видение того, какие факторы могут в перспективе упрочить позиции русского языка в стране и в мире.
2. Ознакомившись с документами, приведенными в этом разделе, составьте логическую схему с системой разделения вызовов по отношению к русскому языку на собственно лингвистические и экстралингвистические.
3. Предложите свою классификацию внутренних и внешних факторов, влияющих на тенденции развития русского языка в современных условиях.
4. Предложите свой ответ на вопрос о том, как влияют на состояние русскоязычной коммуникативной среды новейшие информационные технологии?
5. Изложите свое мнение относительно того, какие усилия в смысле человеческого фактора могут стать полезными для улучшения русскоязычной коммуникативной среды на микроуровне – в вашем коллективе, в вашем учебном заведении, по месту жительства, в процессе личного общения, включая социальные сети и киберпространство.

6. Обратитесь к Приложению 13 данного пособия – ресурсу Ethnologue и определите место русского языка в облаке «живых» языков мира.
7. Какую роль выполняет Общество русской словесности в деле поддержки и продвижения русского языка?

Список литературы

- Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: Астрель: CORPUS, 2012.
- Прямая речь. Мысли великих о русском языке. М.: Российский фонд культуры, 2007.
- Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех. Карта портала. Поиск. Руководство пользователя... [См. рубрику «Официальные документы»].
- Шапошников В.Н.* Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

Глава 5

Языковая образовательная политика

Система образования представляет один из наиболее значимых социальных сегментов языкового функционирования, тем более когда речь идет о странах сложноорганизованных с точки зрения этноязыкового состава общества. В социально-лингвистическом понимании – это сфера организованного или регулируемого общения, так же как государственное управление, область правовых отношений, административная деятельность, информационное пространство, наука. В этих и других официально регламентированных секторах общественных отношений употребление языка или языков носит упорядоченный характер и направляется нормами законов, властными установлениями и иными требованиями, которые сформулированы полномочными институтами власти и управления, подчиняются принятым сводам определенных правил. Общение же в быту, в обиходной коммуникативной практике или речевое поведение людей в частной жизни такому формализованному регулированию не подлежат, да и, наверное, не поддаются.

Образовательная сфера представляет собой одну из немногих областей политико-языковых отношений, подлежащих институциональной регламентации через определение соответствующих структурных характеристик, а также через имплементацию административных решений и принципов государственного менеджмента.

Тем, насколько развиты эти подпадающие под нормативно-правовое и административное воздействия сферы – и образование, разумеется, прежде всего, – определяются общественные ранги языков и их функциональная мощность.

Институты дошкольной, начальной, общей средней и средней профессиональной, вузовской подготовки молодых поколений граждан не только обучают их грамотности, навыкам устной и письменной речи. Они формируют предпосылки и основы коммуникативной цивилизованности личности, обеспечивают

языковую социализацию и, в конечном счете, – доступ к ресурсам полноценного участия в жизни современных, сложно устроенных социальных систем. Сам статус индивида, его общественное положение, отношение к нему со стороны окружающих – все это напрямую зависит от того, насколько он способен не только прочесть тот или иной текст. Важнее то, что он должен осмысленно воспринимать этот текст, прочитанный или высказанный, адекватно оценивать контекст коммуникативного события, выражать свои эмоции и мысли на должном уровне культуры языка, правильно оценивать ситуацию общения и уместно пользоваться стилистическими возможностями речи.

Как уже было показано в предыдущих разделах пособия, изучению языков народов России в образовательной сфере нашей страны неизменно придавалось существенное значение. Однако какой-то сложившейся системной, целостной, преемственной и стабильной системы образовательной языковой политики создать не удавалось в силу самых разных причин. К таким факторам следует отнести, в первую очередь, смену общественно-экономического строя, трансформации политической системы, противоречивое взаимное переплетение процессов интеграции и дезинтеграции в российском обществе и, безусловно, социально-психологические обстоятельства, которыми определялся языковой выбор со стороны институтов власти и управления, со стороны педагогического сообщества и родителей. На разных этапах постсоветской истории страны также смысловые акценты, взгляды и подходы, касающиеся языковой образовательной политики определялись под воздействием ситуативной динамики.

В одном из ведомственных доктринальных документов Министерства образования и науки России (2006 г.) говорится: «Проблема особых функций системы образования в условиях полиэтничности населения была понята российским государством как предмет государственной национальной политики, направленной на профилактику сепаратизма еще в конце XVIII века. Последующие два столетия характеризовались поиском организационных решений, которые сделали бы образовательное учреждение с нерусским языком обучения инструментом реализации национально-политических целей государства»³⁵.

Сразу после демонтажа советской государственности и распада Союза ССР преобладали настроения, которые иногда харак-

³⁵[Электронный ресурс]. URL: [konceptiyanop.pdf // vsosharz.edusite.ru](http://konceptiyanop.pdf//vsosharz.edusite.ru) (дата обращения).

теризовались как «лингвистический романтизм». Тогда предполагалось, что с отказом от гиперцентрализованной «командно-административной» системы в области образования и этноязыковых отношений, с актуализацией национального самосознания народов страны удастся создать благоприятные условия для сохранения и развития языков всех народов и заложить фундамент демократического управления в этих сферах. Но, как подчеркивают специалисты-языковеды, рыночная социально-экономическая среда порождает и усиливает стихийные начала в языковом функционировании. Это сказывается, разумеется, и на образовании.

Как можно проследить подвижный характер в языковых аспектах образовательной политики в России за последнее десятилетие-полтора?

В Законе Российской Федерации «Об образовании» (от 10 июля 1992 г. № 3266-1) были закреплены положения, касающиеся принципов государственной политики в области образования:

- «единство федерального культурного и образовательного пространства»;
- «защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства».

Некоторые акценты в образовательной политике с точки зрения языковых отношений можно проследить на примере «Концепции развития национальной образовательной политики Российской Федерации», которая была одобрена приказом Министерства образования и науки России 3 августа 2006 г. (№ 201).

В документе было написано, что многомерно-сложный характер этнического состава российского общества ставит перед системой образования два рода проблем. Во-первых, это необходимость организации в структуре всеобщей единой и целостной системы образования учреждений, реализующих общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением в том или ином объеме на родном (нерусском) и русском (неродном) языках, с содержанием гуманитарного образования, выстроенном на иной, нерусской культуре. Эти учреждения, обеспечивающие равноценную подготовку молодежи, удовлетворение ее этнокультурных образовательных потребностей, по своим главным целям, по внутреннему содержанию, структуре и организации должны представлять собой интегральную часть образовательной системы, равнозначный элемент единого российского образовательного пространства.

Другая диктуемая полиэтничностью российского социума проблема задается необходимостью включения в число главных приоритетов образования (наряду с собственно образовательными целями) также и цели духовной консолидации многонационального народа России в единую полиэтническую нацию³⁶.

С начала 1990-х годов стал применяться компонентный принцип организации учебного процесса. Это предполагало трехзвенную систему: федеральный компонент, национально-региональный компонент и школьный компонент – компонент образовательного учреждения, реализующего образовательные программы с этнокультурным региональным компонентом, с обучением на родном (нерусском) и русском (неродном) языках.

Национально-региональная составляющая означала расширение изучения языков народов России в рамках школьных учебных программ, с одной стороны. Однако, с другой стороны, началось сокращение сети так называемых «национальных школ», в которых родные языки (нерусские языки) использовались как средство преподавания различных предметов. Согласно системе управления, организация учебного процесса на родных языках была передана в компетенцию субъектов Российской Федерации, которые, в свою очередь, по-разному решали вопросы развития школ названного типа. К негативным тенденциям, связанным с действием компонентного принципа, были причислены также:

- создающиеся условия для автономной постановки независимых, не совпадающих, а порой и конфликтующих друг с другом образовательных стратегий, целей и задач, реализуемых на региональном и федеральном уровнях;
- автономизация регионального (национально-регионального) компонента, установление его приоритетности по отношению к федеральному;
- понижение уровня его связи с русским языком и культурой;
- превращение образовательного учреждения, реализующего общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением на родном (нерусском) и русском (неродном) языках в инструмент этнической мобилизации и использование его в качестве фактора перевода федеративных отношений в конфедеративные;

³⁶[Электронный ресурс]. URL: [konceptiyanop.pdf // vsosharz.edusite.ru](http://konceptiyanop.pdf//vsosharz.edusite.ru) (дата обращения).

- непродуманность механизмов реализации компонентной модели конструирования содержания образования;
- отсутствие механизма согласительных процедур, обеспечивающих рациональный «баланс интересов» субъектов образовательного пространства и сохранение целостности системы³⁷.

Статистические данные относительно присутствия языков народов России в системе образования, как следует отметить, представлены в информационном пространстве в разрозненном виде и публикуются не на постоянной основе. В данном случае можно привести в пример несколько систем таких данных.

В середине 1980-х годов только 9% детей школьного возраста иной – отличной от русской – этнической принадлежности, проживавших на территории Российской Федерации, обучались в школах с родным языком обучения или с изучением своих «национальных» языков. В общей сложности в России преподавалось 44 родных языка, а в качестве средства обучения использовался 21 язык. Некоторые языки, которые ранее применялись как средство обучения, перешли в разряд учебных предметов. Доминирующим в системе образования стал русский язык на протяжении всего периода получения среднего и высшего образования. Уже в 1993 г. число языков обучения увеличилось с 21 до 31, а число языков, изучаемых в качестве предмета, – с 44 до 68. По состоянию на 2005/2006 учебный год в системе общего образования функционировало 80 языков, что представлено в таблице 7³⁸.

По состоянию на 2010 г. в системе общего образования функционировали 89 родных языков народов России. По разделу гуманитарных дисциплин на ступенях начального общего образования в качестве средства обучения использовалось 39 языков, из них 17 языков – на ступени основного общего образования, 14 – на ступени полного среднего образования). В качестве учебного предмета изучалось еще 50 языков.

³⁷ [Электронный ресурс]. URL: [konceptsiyanop.pdf // vsosharz.edusite.ru](http://konceptsiyanop.pdf//vsosharz.edusite.ru) (дата обращения).

³⁸ Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Аналитический вестник 24. Серия «Государственное строительство и конституционные права граждан». М.: Фонд электронных информационных ресурсов Государственной думы, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384> (дата обращения).

Таблица 7

Статистические сведения,
характеризующие функционирование родных языков (кроме русского)
в системе общего образования (I) (по данным на 2005/2006 учебный год)
(по материалам Аналитического вестника Государственной Думы РФ)

№	Наименование языка	Число учреждений по языку обучения (ед.)		Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)				Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык как предмет (чел.)		
		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого	1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого	1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого	
01	Абазинский	0	0	0	0	0	0	35	1604	2600	909	5113		
02	Аварский	537	29 463	0	0	0	29 463	549	16 549	56 063	13 119	85 731		
03	Адыгейский	20	2192	0	0	0	2192	129	7500	18 503	3378	29 381		
04	Азербайджанский	6	521	0	0	0	521	72	6658	9288	2668	18 614		
05	Алтайский	64	2658	430	89	3177	3177	128	3055	7191	1502	11 748		
06	Армянский	7	358	725	289	1372	1372	16	1066	1832	511	3409		
07	Балкарский	5	225	0	0	225	225	89	4799	6927	2377	14 103		
08	Башкирский	911	24 144	34 289	8123	66 556	66 556	1425	57 083	91 652	16 524	165 259		

Продолжение таблицы 7

№	Наименование языка	Число учреждений по языку обучения (ед.)				Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык как предмет (чел.)			
		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого	1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого
10	Бурятский	140	5339	362	124	5825	344	19 528	37 676	60 23	63 227			
11	Вепсский	0	0	0	0	0	5	168	174	9	351			
12	Грузинский	1	74	129	35	238	4	285	391	124	800			
13	Даргинский	187	17 026	0	0	17 026	289	7321	28 277	69 63	42 561			
14	Долганский	0	0	0	0	0	13	386	469	0	855			
15	Еврейский (идиш)	0	0	0	0	0	3	355	458	137	950			
16	Ительменский	0	0	0	0	0	2	33	54	0	87			
17	Ингушский	0	0	0	0	0	111	24 419	28 415	7 659	60 493			
18	Казахский	1	18	30	10	58	92	2904	5 233	8 17	8954			
19	Калмыцкий	71	2527	40	0	2567	200	11 474	18 516	5 738	35 728			
20	Кабардинский	74	9135	0	0	9135	219	17 985	45 163	13 962	77 110			
21	Карачаевский	0	0	0	0	0	111	9 435	14 597	4 497	28 529			

Языковая образовательная политика

22	Карельский	0	0	0	0	0	0	0	0	40	1186	615	32	1833
23	Кетский	0	0	0	0	0	0	0	0	5	44	8	0	52
24	Коми	0	0	0	0	0	0	0	0	371	23 564	18 916	1867	44 347
25	Коми-пермяцкий	0	0	0	0	0	0	0	0	67	1879	3128	457	5464
26	Корейский	0	0	0	0	0	0	0	0	8	341	1441	539	2321
27	Корякский	0	0	0	0	0	0	0	0	15	427	423	12	862
28	Кумыкский	71	11 967	0	0	11 967	0	0	176	9611	28 279	7455	1435	45 345
29	Лакский	79	2235	0	0	2235	0	0	106	2328	5903	25 788	8254	39 777
30	Лезгинский	148	13 447	0	0	13 447	0	0	210	5735	25 788	17	2	40
31	Латышский	0	0	0	0	0	0	0	3	21	111	120	27	258
32	Литовский	0	0	0	0	0	0	0	2	38	992	3287	272	4551
33	Марийский горный	20	1015	0	0	1015	0	0	39	9786	12 191	35 352	3916	51 459
34	Марийский луговой	258	8027	1720	0	1938	0	0	121	960	5136	1352	7448	8663
35	Мордовский мокша	117	1938	0	0	1724	0	0	154	1777	5373	432	2	776
36	Мордовский эрзя	83	1634	90	0	0	0	0	12	342	395	464	54	913
37	Манси	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
38	Нанайский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Продолжение таблицы 7

№	Наименование языка	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык как предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого
39	Ненецкий	0	0	0	0	0	2937	2346	33	5316	
40	Ногайский	0	0	0	0	65	3514	5204	1289	10 007	
41	Немецкий	0	0	0	0	31	1399	1538	223	3160	
42	Новгородский	0	0	0	0	2	77	199	53	329	
43	Нивхский (на двух диалектах)	0	0	0	0	5	118	82	0	200	
44	Осетинский	45	2868	0	0	196	28 589	42 436	11 945	82 970	
45	Польский	0	0	0	0	3	64	99	34	197	
46	Рутульский	0	0	0	0	17	484	0	0	484	
47	Саамский	0	0	0	0	1	18	0	0	18	
48	Селькупский	0	0	0	0	5	141	31	0	172	
49	Табасаранский	71	4205	0	0	125	3320	9385	3004	15 709	

Языковая образовательная политика

50	Татарский	2166	59 435	80 181	26 293	165 909	2 466	150 763	276 404	88 548	515 715
51	Татский	0	0	0	0	0	1	32	67	0	99
52	Тофаларский	0	0	0	0	0	3	78	33	0	111
53	Тувинский	153	19 338	9994	0	29 332	147	77	18 211	6874	25 162
54	Турецкий	0	0	0	0	0	3	94	173	93	360
55	Туркменский	0	0	0	0	0	5	333	266	44	643
56	Удмуртский	44	856	318	48	1222	452	10 378	17 444	4121	31 943
57	Украинский	0	0	0	0	0	5	134	197	12	343
58	Хакасский	12	341	0	0	341	92	2688	4181	1065	7934
59	Хантыйский (на трех диалектах)	0	0	0	0	0	34	1468	1162	72	2702
60	Финский	0	0	0	0	0	66	2061	4914	1126	8101
61	Чеченский	19	2261	0	0	2261	482	89 267	99 742	18 130	207 139
62	Черкесский	7	434	0	0	434	43	2056	4122	1325	7503
63	Чувашский	571	23 069	3148	386	26 603	451	32 233	75 795	2642	110 670
64	Чукотский	0	0	0	0	0	35	1056	1166	119	2341
65	Эвенский	0	0	0	0	0	31	711	912	172	1795
66	Эскимосский	0	0	0	0	0	4	86	153	36	275
67	Эвенкийский	6	104	163	77	344	52	1217	1512	118	2817
68	Эстонский	1	11	11	4	26	1	16	14	0	30

№	Наименование языка	Число учреждений по языку обучения (ед.)		Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык как предмет (чел.)			
		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого	1-4 классы	5-9 классы		10-11 (12) классы	Итого		
69	Юкагирский	2	40	59	19	118	2	40	62	19	121	
70	Якутский	443	25 916	35 635	12 177	73 728	92	6567	8156	1951	16 674	
71	Китайский	0	0	0	0	0	1	307	294	84	685	
72	Греческий	0	0	0	0	0	1	0	101	19	120	
73	Еврейский (иврит)	0	0	0	0	0	5	282	429	141	852	
74	Агульский	0	0	0	0	0	41	1170	1343	405	2918	
75	Шорский	0	0	0	0	0	6	125	189	9	323	
76	Цахурский	0	0	0	0	0	2	59	179	46	284	
77	Нгансанский	0	0	0	0	0	3	88	70	0	158	
78	Нигидальский	0	0	0	0	0	1	16	0	0	16	
79	Удгейский	0	0	0	0	0	1	9	0	0	9	
80	Ульчский	0	0	0	0	0	1	15	0	0	15	

Во второй половине 2000-х гг. федеральными органами управления образованием был введен ряд институциональных механизмов, которые предназначены для укрепления стратегической установки – консолидации единого образовательного пространства и, в том числе, для упрочения позиций русского языка. Этим были обусловлены некоторые ориентиры трансформирующейся институциональной среды образовательных отношений и их языковых составляющих.

Во-первых, с 1992 по 2007 г. в системе образования действовал так называемый компонентный принцип разработки образовательных стандартов, которые включали федеральный, региональный и школьный блоки-разделы. При этом национально-региональный компонент входил в сферу управленческой компетенции органов власти субъектов Российской Федерации, которые сами могли определять политику в области изучения «региональных языков» и ряда гуманитарных дисциплин по своему усмотрению. Поправки к законодательству об образовании, принятые в конце 2007 г., отменили само понятие «компонентов», Федеральный государственный образовательный стандарт стал определять требования к результатам освоения основных образовательных программ, а не минимум содержания образования. Властями некоторых республик, прежде всего – Татарстана и Башкортостана – эти новшества были расценены как фактическая отмена законодательных гарантий сохранения и развития национальных языков и культур. Как бы то ни было, в соответствии с такими законодательными новациями стандарты по государственным языкам республик России теперь должны разрабатываться федеральными органами исполнительной власти. Очевидно, такая бюрократическая мера означает формальный унифицированный подход к очень различающимся по своей демографической и коммуникативной мощности, по витальной силе языкам народов России, а также к специфическим региональным языковым режимам.

Во-вторых, в конце 2008 г. был издан документ Министерства образования и науки Российской Федерации – «Положение о формах и порядке проведения государственной (итоговой) аттестации обучающихся, освоивших основные общеобразовательные программы среднего (полного) общего образования». Пункт 5 этого документа предусматривает, что Единый государственный экзамен для всех выпускников школ проводится на русском языке. Сторонниками использования иных – отличных от русского – языков в качестве средства обучения это было воспринято как усиление неравенства по отношению к выпускникам школ с различным языковым устройством

в смысле доступности дальнейшего обучения на ступенях высшего образования. Объективно эта мера приводит к ускорению процессов свертывания языкового многообразия в системе образования.

К примеру, академик В.М. Алпатов усматривает в этом наступление русского языка на малые языки: «Ситуация с малыми языками усугубляется отсутствием четкой государственной политики... <...> Пока государственные решения если и принимаются, то в сторону распространения русского языка... Отсутствие экзамена по национальному языку и требование обязательной сдачи ЕГЭ на русском языке, конечно, способствуют распространению русского языка, но возвращают языковую политику даже не к советским временам, а к дореволюционной политике обрусения, и на практике ведут к свертыванию образования на малых языках».

На практике в 2015/2016 уч. г. число детей, изучающих языки народов России (кроме русского) как средство обучения, составляет 1,8%, как предмет – 11%. В качестве *средства обучения* используются следующие 26 языков: аварский, адыгейский, азербайджанский, алтайский, башкирский, бурятский, даргинский, калмыцкий, крымско-татарский, кумыкский, лакский, лезгинский, марийский луговой, мордовский мокша, мордовский эрзя, осетинский, русский, табасаранский, татарский, тувинский, удмуртский, украинский, хакасский, чеченский, чувашский, якутский³⁹.

Из всех школьников с нерусскими языками обучения учащиеся каждой ступени составляют: 1–4 класс – 60%, 5–9 класс – 33,4%, 10–11 класс – 6,5% всех таких учеников. В целом, согласно экспертной оценке, «год от года наблюдается сокращение как школ с нерусским языком в качестве средства обучения, так и школ с русским и нерусским языками, используемыми в этой функции. В целом наблюдается общая тенденция сокращения объема функционирования языков в коммуникативной сфере образования»⁴⁰.

Учитывая отсутствие официальной унифицированной (и, что принципиально подчеркнуть в данном контексте, находящейся в публичном доступе) статистической информации относительно функционирования языков в системе общего российского образования, можно тем не менее воспользоваться имеющимися разрозненными количественными данными (см. табл. 8).

³⁹ См.: Горячева М.А. Преподавание языков народов России в школе: социолингвистический аспект // Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности: Сб. докладов. М.: НФ Международных интеграционных технологий, 2016. С. 20–21.

⁴⁰ Там же.

Таблица 8

Статистические сведения,
характеризующие использование родных языков (кроме русского)
в качестве средства обучения в системе общего образования (П)⁴¹

	1995/1996	2000/2001	2001/2002	2002/2003	2005/2006	2014/2015
Абазинский	1	0	0	0	0	0
Аварский	584	497	589	537	537-*	442
Альгейский	31	35	37	20	20-*	17-*
Азербайджанский	5	6	6	6	6-*	
Алтайский	63	62	65	64	64	36
Армянский	2	7	3	7	7-*	
Балкарский	23	10	8	5	5-*	0
Башкирский	892	884	886	911	911	537
Бурятский	144	146	143	140	140	0
Грузинский	1	1	1	1	1	
Даргинский	233	186	188	187	187	211

⁴¹ Рассчитано по: Образование в России – 2003 [Электронный ресурс]. URL: www.ru/bgd/regal/b03_33/Main.htm; Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016 [* – с 1 по 4 класс].

	1995/1996	2000/2001	2001/2002	2002/2003	2005/2006	2014/2015
Идиш	–	–	2	–	0	
Ингушский	0	0	0	0	0	0
Кабардинский	106	86	74	74	0	0
Казахский	1	1	1	1	1	
Калмыцкий	42	64	66	71	71	19
Кумыкский	72	75	73	71	71–*	47
Лакский	70	75	71	79	79–*	46
Лезгинский	148	149	137	148	148–*	118
Марийский (горный)	42	39	33	20	20–*	26–*
Марийский (луговой)	298	276	259	258	258	208
Мордовский (мокшанский)	137	110	113	117	117–*	48
Мордовский (эрзянский)	101	96	97	83	83–*	31
Немецкий	1	4	4	0	0	0

Ногайский	2	0	0	0	0	0	0	0
Осетинский	64	58	53	45	45*	0	0	0
Русский	62817	60851	60619	59515				
Табасаранский	71	70	57	71	71*	66-**		
Татарский	2374	2280	2207	2166	2166	999		
Тувинский	150	152	151	153	153	137		
Турецкий	3	0	0	0	0	0		
Удмуртский	56	48	44	44	44	0		
Хакасский	17	10	10	12	12-*	17-**		
Черкесский	8	7	8	7	7	0		
Чеченский	20	21	18	19	19-*	-		
Чувашский	628	592	593	571	571	-		
Якутский	430	426	441	445	443	414-*		

Согласно высказываемым новейшим оценкам компетентных специалистов, тенденция «сжимания» сферы использования языков народов России в качестве инструмента получения общего полного образования продолжает набирать силу. Как отмечал в начале 2018 г. один из руководителей Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина М. Осадчий, «в России около 100 языков. Из них только немногие являются языками образования. И их число действительно стремительно сокращается. Например, в 2015 году на 18 языках велось образование в России. В 2016 году этих языков уже 13. <...> Наверное, по всей видимости, мы придём к тому, что через несколько лет будет 4–5 языков образования»⁴².

В мониторинге состояния и развития языков народов Российской Федерации, включая состояние изучения русского языка (как родного, как неродного, как иностранного) в образовательных организациях страны, который проводился в 2016 г. учеными Санкт-Петербургского госуниверситета, приведены некоторые данные.

В сфере образования России, включая дошкольный уровень, общее среднее, среднее специальное и высшее образование, в различных формах используются *практически все* языки народов страны. При этом 93,5% всех обучающихся воспитываются на русском языке, а 6,5% – на нерусских языках. После русского языка по масштабам применения в этой сфере идет татарский язык, вслед за ними – якутский и на четвертом месте – башкирский язык. В рамках общего среднего образования большинство языков – помимо русского и татарского – используются не как инструмент обучения, а в качестве изучаемого предмета. Из всех школ, в которых родные (нерусские) языки применяются как средство получения образования (по прежней терминологии – «национальных школ»), 97,2% составляют *сельские* образовательные учреждения.

В 2014/2015 уч. г. как средство обучения в системе общего среднего образования использовались следующие 26 языков⁴³:

⁴² В России сокращается число национальных языков, которые преподают в школе [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20180221/1515034968.html> (дата обращения).

⁴³ Языки приводятся в алфавитном порядке, а в скобках языки пронумерованы в порядке убывания числа обучающихся. Римские цифры в скобках показывают порядок убывания числа обучающихся с 1-го по 11-й класс.

Аварский	(6) – с 1-го по 11-й класс (IV)
Адыгейский	(15)
Азербайджанский	(24)
Алтайский	(18)
Башкирский	(4)
Бурятский	(16)
Даргинский	(8)
Калмыцкий	(12) – с 1-го по 11-й класс (VII)
Крымскотатарский	(11) – с 1-го по 11-й класс (VI)
Кумыкский	(10)
Лакский	(19)
Лезгинский	(9)
Марийский луговой	(22) – с 1-го по 11-й класс (XI)
Мордовский мокша	(21) – с 1-го по 11-й класс (X)
Мордовский эрзя	(20) – с 1-го по 11-й класс (IX)
Осетинский	(26)
Русский	(1)
Табасаранский	(13)
Татарский	(2) – с 1-го по 11-й класс (I)
Тувинский	(5) – с 1-го по 11-й класс (III)
Удмуртский	(25)
Украинский	(14) – с 1-го по 11-й класс (VIII)
Хакасский	(23)
Чеченский	(17)
Чувашский	(7) – с 1-го по 11-й класс (V)
Якутский	(3) – с 1-го по 11-й класс (II)

Общее количество школьников, обучающихся на этих языках (за исключением русского языка), составляло в указанный период 1,9% от общего контингента учеников этого образовательного звена.

В виде отдельного изучаемого предмета на уровне общего образования в рассматриваемый учебный год были представлены 74 языка, что в три раза превышает количество языков-инструментов обучения. Число соответствующего контингента школьников здесь в шесть раз больше, чем тех, кто получает образование на родных (нерусских) языках. В этом функциональном качестве – языки как изучаемые предметы, – что типично, по ступеням (от нижних – к верхним) обучения демонстрируют тенденцию сокращения. Составители мониторинга констатируют, что некоторые языки выпадают из системы образования, а преподавание оставшихся языков сталкивается с рядом трудностей. Это – дефицит

квалифицированных учительских кадров и учебных пособий, нехватка объемов финансирования и отводимых для уроков часов в расписании.

Среди тех изучаемых в качестве предмета языков, которые при этом не имеют закрепленного республиканскими законами государственного статуса, – два с половиной десятка. К этой категории относятся «титульные» языки коренных малочисленных народов Севера: бурятский (в Агинском Бурятском АО), долганский, коми-пермяцкий, корякский, мансийский, ненецкий, хантыйский, чукотский, эвенкийский. В целом в регионах Российской Федерации проживают около сорока народов со статусом КМНС. С начала 2000-х годов такие языки в качестве средства обучения не используются и, следовательно, такую функцию утрачивают⁴⁴.

Поворотным моментом в процессе придания языковой образовательной политике институционального характера стало заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, состоявшееся 20 июля 2017 г. в Йошкар-Оле. В ходе заседания в своем выступлении В.В. Путин говорил: «У каждой территории свои особенности межэтнических отношений, и, конечно, их нужно учитывать, обеспечивая при этом единые подходы к решению задач национальной политики государства в целом. Например, в сфере преподавания русского языка и языков народов России в школах. Хочу напомнить, уважаемые друзья, что русский язык для нас – язык государственный, язык межнационального общения, и его ничем заменить нельзя, он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны. Его знать должен каждый.

Языки народов России – это тоже неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации».

По итогам заседания главой государства были даны соответствующие поручения Правительству и органам прокурорского надзора. Генпрокуратура РФ и Рособрнадзор проверили, каким образом обеспечивается право на выбор при изучении языков

⁴⁴ См.: http://nauka.spbu.ru/files/projects/otchet_08-p27-11-0078-y-23.pdf (дата обращения).

народов России (включая русский язык как родной) – в качестве родных языков и государственных языков республик. Эти проверки были проведены во всех субъектах РФ. Нарушения были обнаружены во всех республиках, особенно – в республиках Татарстан, Башкортостан, Якутия и Чувашия. От родительского сообщества поступало большое количество жалоб на принудительное изучение «титულных» языков и на уменьшение объемов изучения русского языка. Основным нарушением норм федерального законодательства (которое не предусматривает обязательного изучения государственных языков республик), как было признано в комментариях Федерального центра образовательного законодательства, – «включение в инвариантную часть учебного плана учебных курсов, обеспечивающих образовательные потребности и интересы только этнических народов, составляющих большинство жителей конкретной республики, входящей в состав Российской Федерации»⁴⁵.

Наличие перекосов в этой сфере признали руководители образовательных ведомств как в Центре, так и в республиках.

Приказами Минобрнауки России в конце 2017 г. в Федеральные государственные образовательные стандарты начального общего, основного общего и среднего общего образования были внесены изменения, которые выделили русский язык и литературу в самостоятельную предметную область, что означало нормативную основу для реализации права обучающихся на изучение русского языка и родных языков из числа языков России в полном объеме.

Важно специально подчеркнуть, что нормами предусмотрено неприменение принципа добровольности «вообще». В учебный план входят обязательные предметные области – русский язык и литература, родной язык и литература. Государственные языки республик могут изучаться в рамках той части учебного плана, которая формируется участниками образовательных отношений. В августе 2018 г. был принят федеральный законодательный акт.

⁴⁵[Электронный ресурс]. URL: <http://www.lexed.ru/news/?ELEMENTID=7177> (дата обращения).

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О внесении изменений
в статьи 11 и 14 Федерального закона
«Об образовании в Российской Федерации»

Принят
Государственной думой
25 июля 2018 года

Одобен
Советом Федерации
28 июля 2018 года

Внести в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53, ст. 7598; 2015. № 18, ст. 2625) следующие изменения:

1) статью 11 дополнить частью 5.1 следующего содержания:

«5.1. Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального общего и основного общего образования обеспечивают возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка»;

2) в статье 14:

а) часть 4 после слов «изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации» дополнить словами «в том числе русского языка как родного языка»;

б) часть 6 дополнить предложением следующего содержания: «Свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних, обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
3 августа 2018 года
№ 317-ФЗ

Названные меры привели к заметному усилению внимания к языковой образовательной политике и со стороны институтов государственной власти и управления, и со стороны руководства образовательной сферы, и со стороны общественных кругов. Проблематика языкового функционирования и языкового многообразия в целом начала выдвигаться на авансцену информационного и структурно-организационного пространств в нашей стране. Значительно повысилась активность, связанная с осмыслением языкового устройства образовательной сферы, в самых разных «форматах» – разработка концептуальных и программно-целевых документов различных ведомств, проведение большого количества научных конференций, форумов, «круглых столов» и проч.

Развитие, сохранение и поддержка родных языков для Министерства просвещения России является, по словам заместителя руководителя ведомства Т. Синюгиной, системной работой: «Раньше этому вопросу не уделяли достаточного внимания, к 2016–2017 году было недостаточное количество учебников и подготовленных специалистов»⁴⁶.

В октябре 2019 г. на коллегии Министерства просвещения России была утверждена «Концепция преподавания родных языков народов России» – документ, формулирующий систему государственных подходов к решению основных проблем преподавания этих языков в образовательных организациях⁴⁷.

Цель деятельности в рассматриваемой области определена в следующем виде: «Способствовать сохранению уникального этнокультурного и языкового разнообразия Российской Федерации; обеспечению условий для осуществления конституционного права граждан на обучение на родных языках и их изучение в организациях, реализующих программы общего образования».

Этот документ отличается тем, что в нем минимизированы декларативные положения и, напротив, реализуется проблемно-ориентированный подход. Проблемное поле применительно к языковой образовательной политике – в аспектах, связанных с постановкой изучения родных языков народов страны, – структурировано по нескольким содержательным направлениям. Это проблемы мотивационного характера, проблемы содержательного характера, проблемы методического характера и кадровые проблемы.

⁴⁶ Электронный ресурс. URL: <http://www.komitet2-4.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/20842454/> (дата обращения).

⁴⁷ Электронный ресурс. URL: docs.edu.gov.ru/document/616ab265aa2810f14a3fd1203a0aaa (дата обращения).

В Концепции отражены форматы, в которых реализуется учебный предмет «Родной язык» в образовательном пространстве Российской Федерации. Поставлены задачи по совершенствованию лингводидактики; по разработке, апробации и внедрению новых примерных образовательных программ и учебно-методических комплексов нового поколения; по повышению качества преподавания; по совершенствованию системы дифференцированной оценки владения родными языками; по совершенствованию системы подготовки билингвальных педагогических кадров и повышению квалификации различных категорий работников; по внедрению информационных и коммуникационных технологий; по модернизации учебно-методического обеспечения (включая мультимедиа и онлайн-обучение); по проведению мониторинга соблюдения соответствующего законодательства.

Далее, распоряжением главы Минпросвещения России (от 16 мая 2019 г. № 3-60) была утверждена ведомственная целевая программа «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации».

Задачи включают выработку на основе определения актуального состояния из числа языков народов России, в том числе русского языка, комплекса мер по их поддержке и развитию, разработке эффективных механизмов реализации государственной языковой политики. Доля субъектов Российской Федерации, организующих разрешение этой задачи, – обеспечение объективной оценки состояния и характера развития языков из числа языков народов России в качестве государственных языков республик Российской Федерации и родных языков из числа языков народов страны, как следует из Программы, – должна быть стопроцентной.

Мероприятия, намеченные в Программе, предполагают:

- проведение мониторинга состояния развития русского языка и языков народов Российской Федерации для определения актуального состояния этих языков и для выработки мер по их поддержке и развитию (задачи мониторинга включают выявление причин, факторов и условий современного развития языковой ситуации в субъектах РФ, определение ее характера и динамики; актуализацию нормативных актов субъектов РФ в рассматриваемой области – законы, постановления, распоряжения и др., в том числе ведомственные и региональные программы, планы мероприятий; проведение кадровой политики; обеспечение учебниками и пособиями; реализацию фа-

- культуративных занятий и элективных курсов, олимпиад, конкурсных мероприятий; обновление списка изданной литературы на языках народов страны; анализ СМИ на языках народов России; сопровождение деятельности общественных, правозащитных и иных организаций – общий объем финансирования составит 116 908,3 тыс. руб.;
- научно-методическое сопровождение развития русского языка и родных языков народов Российской Федерации (проведение научных исследований, анализ и систематизация практики преподавания родных языков народов РФ, содействие инновационной деятельности, научное сопровождение разработки изданий и учебных материалов) – общий объем финансирования составит 420 896,1 тыс. руб.;
 - создание и совершенствование учебно-методического обеспечения развития русского языка и языков народов РФ (издание учебных материалов, словарей для изучения языков народов РФ, создание и обновление словарей этих языков) – общий объем финансирования составит 1 383 020 тыс. руб.;
 - развитие кадрового потенциала по вопросам изучения русского языка и языков народов РФ – общий объем финансирования составит 1 232 669,3 тыс. руб.

Наконец, среди целей национального проекта «Образование» обозначено «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ и национально-культурных традиций».

Объективность требует, однако, признать, что процесс становления системно целостной и институционально оформленной языковой образовательной политики в России находится в начале нового этапа своего качественного развития. Это сопровождается инерцией прежних и возникновением новых проблемных ситуаций, факторов, ограничивающих возможности эффективного управления или осложняющих информационно-психологический фон происходящего. Вокруг языковых аспектов воспитания и обучения подрастающих поколений российских граждан так же, как и по поводу образовательной системы России в целом, ведутся острые дискуссии в разных сегментах публичного пространства.

Среди структурно-организационных проблем в этой области представителя ветвей российской государственной власти, эксперты, ученые, специалисты-практики отмечают, прежде всего, нехватку учебников и учебных пособий. По словам председателя

думского комитета по образованию и науке Вячеслава Никонова, положение в этой области отмечено большими сложностями. «Ни в одной стране не создаются такие условия для изучения и преподавания языков, как в нашей», – говорил парламентарий 29 октября 2018 г. во время парламентских слушаний. – Но в этой сфере накопилось множество проблем. Мы их увидели в полной мере в ходе работы над законопроектом об изучении родных языков. ...Первое – это учебники и учебные пособия, существующие в большом количестве, написанные в инициативном порядке. Но если мы заглянем в федеральный перечень учебников, то обнаружим там учебники лишь по шести языкам. Вторая большая проблема – это образовательные стандарты, примерные образовательные программы. Если мы посмотрим, сколько программ утверждены министерством, то окажется, что всего по 13 языкам. Следующий большой круг вопросов связан с подготовкой кадров, их не хватает, это всем известно. И наконец, должна быть полноценная научная филологическая база. И подготовка учебников, и подготовка стандартов и примерных образовательных программ, и подготовка кадров – для всего этого необходима, прежде всего, большая наука, которая в последнее время пребывала не в самом лучшем состоянии».

В целом, как необходимо отметить, в сегодняшних условиях российская образовательная система находится в самом начале нового этапа – становления новой модели языковой образовательной политики в тех его частях, которые предназначены для сохранения и развития этноязыкового многообразия в нашем обществе. Пока, по признанию экспертов, вопросов в этой области школьного дела больше, чем ответов.

Наконец, специалисты единодушно признают, что будущность культурно-языковой палитры российского общества не должна увязываться только с возможностями институтов образования и воспитания. Залог языкового благополучия любого народа – в передаче ценностей, возможностей и уникальных богатств своих языков от поколения к поколению. Следовательно, воспроизводство этноязыковой коммуникативной среды в полиэтническом обществе – это предмет бережного и ответственного отношения каждой семьи.

Контрольные вопросы

1. Попытайтесь сопоставить данные о присутствии языков народов России в образовательной системе на начальных и современных этапах реализации государственной политики (воспользуйтесь таблицами из этого раздела и из Приложений) и опишите характерные для этой сферы тенденции.
2. Оцените эффективность изучения родных языков в российской системе среднего образования, опираясь на ваш личный опыт.
3. Сформулируйте отличия таких учебных предметов, как «государственный язык» и «родной язык» таким образом, чтобы вам удалось объяснить это аудитории, которая состоит из людей, ранее не имевших четких представлений по этой теме.
4. Какими причинами было обусловлено внесение изменений в ФЗ «Об образовании» летом 2018 года?
5. Попытайтесь сопоставить жизненную силу языков России с их представленностью в системе российского образования (для выполнения задания обратитесь к приложениям 9, 10, 11, 12 и 13).
6. Какими, на ваш взгляд, могут быть мотивации изучения языков народов России?

Список литературы

- Арефьев А.Л.* Социология языка. Национальные и иностранные языки в системе образования. М.: Юрайт, 2018.
- Баранова В.В., Гаврилова Т.О., Панова Е.А., Федорова К.С.* Язык, общество и школа. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Тишков В.А., Степанов В.В.* Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 879–890.

Глава 6

СМИ и книжное дело как сфера языковой политики

Тематика исследований, связанная с отражением этноязыковых процессов и явлений в СМИ и во всем медийном пространстве, несомненно, является одной из актуальнейших в любом современном многоэтничном обществе. Освещение в российском медийном пространстве этнополитических и этноязыковых процессов и ситуаций представляется важным направлением современных медиа-исследований, их перспективность несомненна для понимания названных процессов, происходящих в стране и в мире, для гармонизации межэтнических отношений. Освещая те или иные события, СМИ переключают внимание аудитории на определенные темы, которые воспринимаются ею как наиболее важные⁴⁸. Современные медиа выполняют функции социального конструирования реальности, конструирования дискурса как «целостного смыслового образования, эпизода действительности, который обладает временной протяженностью и представляет собой систему, сформированную на основе логической организации смыслов с использованием специальных норм (знаков и кодов) и предполагающую содержательную интерпретацию»⁴⁹.

При исследовании статуса языкового меньшинства, существование СМИ на языке меньшинства часто интерпретируется как признак его витальности (жизнеспособности). Средства массовой информации предоставляют публичную сферу, в которой меньшинство может поддерживать и развивать язык и культуру и представлять свои интересы. Отношения и ценности, выраженные СМИ большинства (мажоритарными СМИ), также несут

⁴⁸ *Панченко Е.* Новостной дискурс в государственных интернет СМИ (на примере сайта «РИА Новости» // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 153.

⁴⁹ *Ильин М.В.* Политический дискурс // Политология: Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007. С. 539.

значительный вес для сообщества меньшинства (миноритарного сообщества). *СМИ играют важную роль в передаче и легитимации отношений власти и в производстве и воспроизведении этнических идентичностей.* СМИ также могут стать важным инструментом в поддержании языка⁵⁰. Д. Кристал даже рассматривает доступ к СМИ как необходимое условие языкового выживания для меньшинства⁵¹. Бернارد Спольски в этой связи отмечает: «Наличие газеты на вашем родном языке, безусловно, является важным фактором поддержания статуса и использования языка»⁵².

Репрезентации этнических меньшинств в медиа большинства были темой нескольких исследований за последние десятилетия⁵³. *Эти исследования показывают, что меньшинства, как правило, недостаточно представлены и стереотипно охарактеризованы, даже представлены в негативном свете.* Их изображение (описание) часто фокусируется на проблемах, в то время как структурные неравенства, от которых они страдают, в значительной степени игнорируются⁵⁴. Поэтому одна из основных функций медиа меньшинства – они должны выступать в качестве публичной сферы, позволяющей вовлекать меньшинства в политическую жизнь и предоставлять им собственный голос. Медиа также могут создать чувство принадлежности к группе, создавая тем самым идентичности⁵⁵.

Следует рассмотреть несколько функций средств массовой информации меньшинств, которые отличают их от СМИ большинства. СМИ меньшинства необязательно необходимо конкурировать со СМИ большинства, так как у них может быть своя собственная цель. *Средства массовой информации на языках меньшинств могут рассматриваться как профилактический инструмент против того, чтобы сводить традиции меньшинства к уровню простого фольклора. Возможность общаться*

⁵⁰ Цит. по: *Tanczos O.M.* Representations of Karelians and the Karelian language in Karelian and Russian local newspapers // *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2015. Vol. 6, no. 1. P. 92–93.

⁵¹ *Ibid.* P. 93.

⁵² *Spolsky B.* Language Management. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 76.

⁵³ *Moring T.* Minority Language Media: Issues of Power, Finance and Organization // *The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities*. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 434.

⁵⁴ *Ibid.* P. 435.

⁵⁵ *Ibid.* P. 435–436.

о современных явлениях требует постоянного развития и планирования языка. СМИ также имеют значительное символическое значение в сигнализации о способностях языкового сообщества в современном мире⁵⁶.

Анализ того, как пресса отзывалась о языковых меньшинствах, в конечном итоге «отражает ситуацию, в которой языковые меньшинства пытаются сохранить и возродить свой родной язык»⁵⁷. Отношение, высказываемое в прессе на доминирующем языке, в определенной степени объясняет отношение доминирующей части общества к сообществам, представляющим малочисленные народы. «Мнения и отношения, выражаемые через СМИ на языках малочисленных народов, говорят о трудностях и перспективах национальных общин, которыми члены сообщества делятся друг с другом»⁵⁸.

Отдельным вопросом следует рассматривать роль государства в развитии и использовании современных средств массовой информации на языках меньшинств и сам фокус такого вмешательства. Должен ли быть сделан акцент на правовых стандартах в отношении языков меньшинств, или же следует обращать внимание на то, что происходит за пределами правовой плоскости? Франсуа Грин в докладе на тему «Языковое планирование, публичная политика и роль медиа на языках меньшинств» приводит веские аргументы в пользу вмешательства государства в сферу поддержки СМИ на языках меньшинств. Он утверждает, что «сохранение разнообразия, в том числе языков меньшинств как *ключевых* элементов разнообразия, само по себе хорошо»; проводит параллели с биоразнообразием и отмечает, что вмешательство государства в биоразнообразии, чтобы сохранить и поддерживать естественную среду, имеет те же аналитические причины и не может быть оставлено на «усмотрение рыночных сил»⁵⁹. Эти положения применимы к языковому разнообразию. Также как и другие удобства, которые окружают нас, – уличное освещение или

⁵⁶ Цит. по: Moring T. Op. cit. P. 436.

⁵⁷ Карьялайнен Х., Пуура У., Грюнталь Р., Ковалёва С. Карельский язык в России: Отчет ELDIA по исследованию конкретной (социолингвистической) ситуации. Майнц: Исследовательский консорциум ЕЛДИА (ELDIA), 2013. С. 76–77.

⁵⁸ Там же. С. 76.

⁵⁹ Grin F. Language Planning, Public Policy and the Role of Minority Language Media [Электронный ресурс]. URL: <https://gaia.es/multilingualae/pdf/Grin.PDF> (дата обращения).

качество воздуха и воды, языки вокруг нас, большее или меньшее разнообразие этих языков, составляют окружающую среду, которая представляет основные характеристики публичных благ»⁶⁰. Следовательно, нет абсолютно никакой гарантии, что свободный рынок, т. е. децентрализованные решения, принимаемые социальными акторами, порождает поведение, которое приведет к соответствующей степени разнообразия и адекватному присутствию, использованию, изучению и т. д. языков меньшинств в окружающей среде.

Важным инструментом в международной практике защиты региональных языков и языков меньшинств стало принятие Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, подписание которой состоялось 5 ноября 1992 г. Хартия включает преамбулу и пять частей. В третьей части изложены меры по содействию в использовании региональных языков или языков меньшинств в основных сферах общественной жизни, где средства массовой информации (ст. 11) стоят в одном ряду с образованием (ст. 8), судебными властями (ст. 9), административными органами и государственными службами (ст. 10), культурными мероприятиями и объектами (ст. 12), экономической и общественной жизнью (ст. 13)⁶¹.

В Пояснительном докладе к Хартии указывается значимость массмедиа в сфере языковой политики: «Сегодня ни один язык не может сохранить свое влияние, если у него нет доступа к новым формам массовых коммуникаций. Их развитие во всем мире и развитие технологий ведут к ослаблению культурного влияния менее распространенных языков»⁶².

Статья 11 Хартии разделена на 3 пункта. В первом пункте стороны, подписавшие Хартию, обязуются:

⁶⁰ *Grin F.* Language Planning, Public Policy and the Role of Minority Language Media. P. 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://gaia.es/multilinguae/pdf/Grin.PDF> (дата обращения).

⁶¹ Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств. Страсбург: Совет Европы, 5 ноября 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098> (дата обращения).

⁶² Цит. по: *Нуртудинова Н.Р., Мустафина Д.Н., Петров Е.В.* Поддержка региональных средств массовой информации в контексте Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 160. Кн. 5. С. 1251.

- а) в той степени, в какой радио и телевидение выполняют роль государственной службы:
- а.i) обеспечивать создание по крайней мере одной радиостанции и одного телевизионного канала, вещающих на региональных языках или языках меньшинств; или
 - а.ii) поощрять создание и/или содействовать созданию по крайней мере одной радиостанции и одного телевизионного канала, вещающих на региональных языках или языках меньшинств; или
 - а.iii) принимать соответствующие меры для того, чтобы структуры телерадиовещания предусматривали наличие программ на региональных языках или языках меньшинств;
 - б.i) поощрять создание и/или содействовать созданию по крайней мере одной радиостанции, вещающей на региональных языках или языках меньшинств; или
 - б.ii) поощрять вещание и/или содействовать вещанию на регулярной основе радиопрограмм на региональных языках или языках меньшинств;
 - с.i) поощрять создание и/или содействовать созданию по крайней мере одного телевизионного канала, вещающего на региональных языках или языках меньшинств; или
 - с.ii) поощрять вещание и/или содействовать вещанию на регулярной основе телевизионных программ на региональных языках или языках меньшинств;
- д) поощрять производство и распространение и/или содействовать производству и распространению аудио- и аудиовизуальной продукции на региональных языках или языках меньшинств;
- е.i) поощрять создание и поддержку и/или содействовать созданию и/или поддержке по крайней мере одной газеты на региональных языках или языках меньшинств; или
 - е.ii) поощрять публикации и/или содействовать публикациям на регулярной основе газетных статей на региональных языках или языках меньшинств;
 - ф.i) оплачивать дополнительные расходы тех средств массовой информации, которые используют региональные языки или языки меньшинств, если за-

- коном предусматривается финансовая поддержка средств массовой информации в целом; или
- f.ii) распространять существующие меры финансовой поддержки производства аудиовизуальной продукции на региональных языках или языках меньшинств;
- g) оказывать помощь в подготовке журналистов и другого персонала для средств массовой информации, использующих региональные языки или языки меньшинств.

Пункты 1.a, 1.b, 1.c, 1.e, 1.f, указанной статьи Хартии, подразделяются на уровни (i, ii, iii), которые определяют степень обязательства по поддержке СМИ на региональных языках.

В пункте 2 стороны принимают на себя обязательства гарантировать свободу прямого приема радио- и телевизионных передач из соседних стран на региональном языке. Пункт 3 обязывает стороны следить за тем, чтобы интересы лиц, пользующихся региональными языками или языками меньшинств, были представлены или принимались во внимание в тех органах, которые могут быть учреждены в соответствии с законом и с задачей гарантировать средствам массовой информации свободу и многообразие форм.

Российская Федерация присоединилась к странам, подписавшим Хартию⁶³, однако не ратифицировала ее.

В то же время есть опыт, который демонстрирует Роспечать, когда пять лет назад они внесли тему межнациональных отношений в перечень приоритетных и с тех пор начали просто перераспределять уже имеющиеся у них средства. *За пять лет в 12,5 раза увеличилась поддержка СМИ на языках народов России по линии субсидий Роспечати. Было в 14-м году 5,5 миллиона, а в этом году – 70.* Вопрос финансирования СМИ на языках народов России стал предметом обсуждения в ходе заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ в Нальчике в ноябре 2019 г., в ходе которого М. Лянге (Гильдия межэтнической журналистики) отметила: «И у меня в связи с этим такое предложение. Может быть, Правительству создать какие-то инструменты, может, Вы поручите Правительству подумать над инструментами, которые обеспечили бы при выделении уже действующих объемов финансирования СМИ использование какой-то части из

⁶³Распоряжение Президента РФ от 22 февраля 2001 г. № 90-рп «О подписании Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств». [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/2561009/#friends> (дата обращения 05 декабря 2019).

этого бюджета на информационное сопровождение госнацполитики. 3,5 процента – давайте хотя бы это, и мы уже увидим, как изменится ситуация. И конечно, очень надо внимательно следить за эффективностью расходования этих средств, *чтобы у нас не слили это все опять в матрешки и гармошки, Сабантуй, Масленицу и так далее, потому что тема очень серьезная*⁶⁴.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в числе задач в сфере государственной национальной политики по поддержке русского языка как государственного языка РФ и языков народов России закреплены следующие положения: обмен теле- и радиопрограммами, аудио- и видеоматериалами, печатной продукцией на национальных языках между субъектами Российской Федерации; возрождение и поддержка практики перевода произведений отечественной литературы на языки народов России⁶⁵. В региональных языковых законах также содержатся статьи, посвященные поддержке СМИ и книгопечатанию. К примеру, Закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков» закрепляет положения о том, что «Органы государственной власти Республики Карелия, органы местного самоуправления создают условия для функционирования средств массовой информации, осуществляющих деятельность на карельском, вепсском и финском языках» (ст. 9); «организации культуры, искусства, средства массовой информации в Республике Карелия при переводе и дублировании кино-, видеопродукции и спектаклей наряду с государственным языком Российской Федерации с учетом интересов населения могут использовать карельский, вепсский и финский языки» (ст. 10)⁶⁶.

⁶⁴ Заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ 29 ноября 2019 г. в Нальчике [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/28/62160> (дата обращения).

⁶⁵ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1> (дата обращения).

⁶⁶ Закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков» от 19 марта 2004 г. № 759 – ЗРК, с изм. на 7 июня 2017 г. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/919316706> (дата обращения).

Таблица 9

Выпуск книг и брошюр на отдельных языках народов России
(по материалам *Российского статистического ежегодника за 2016 год*)

	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	Число книг и брошюр, печатных единиц							
Русский	37 740	56 863	118 378	119 892	113 475	117 238	108 513	109 256
Абазинский	8	3	2	4	1	5	1	2
Адыгейский	29	13	1	1	12	5	13	17
Алтайский	18	6	–	6	3	9	5	7
Башкирский	97	90	154	133	3	132	141	128
Бурятский	22	6	23	16	168	53	31	31
Языки народов Дагестана								
Аварский	30	5	21	12	21	9	2	2
Даргинский	24	5	12	2	21	7	6	2
Кумыкский	29	2	9	1	11	5	4	2
Лакский	20	4	8	1	7	4	–	1
Лезгинский	30	5	11	5	8	9	4	2
Табасаранский	19	1	8	2	15	5	–	1

	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Ингушский	19	3	4	6	16	13	4	2
Кабардино-черкесский	42	41	25	27	39	44	28	25
Калмыцкий	23	8	3	7	1	21	2	6
Карачаево-балкарский	42	31	19	19	19	28	15	36
Карельский	3	4	1	–	4	9	14	6
Коми	29	24	35	9	40	33	34	6
Коми-пермяцкий	9	–	3	2	4	–	–	–
Марийский (луговой и горный)	72	15	29	25	29	17	18	31
Мордовский (мокша и эрзя)	35	11	30	26	20	25	–	25
Ногайский	17	2	3	9	5	4	1	–
Осетинский	73	27	40	27	24	49	40	24
Языки народов Севера								
Корякский	1	–	1	–	–	1	–	–
Мансийский	2	–	–	–	–	–	–	–
Нанайский	2	2	1	–	–	–	–	–

Ненецкий	5	6	1	1	3	3	3	–	20
Хантыйский	3	1	–	1	1	–	–	1	–
Чукотский	4	2	–	2	–	–	–	2	2
Эвенкийский	–	4	1	1	1	1	1	5	–
Эвенский	6	3	1	–	2	1	1	4	2
Эскимосский	5	–	–	–	–	–	–	–	–
Татарский	169	210	280	264	278	240	278	278	243
Тувинский	32	2	14	9	24	12	26	26	19
Удмуртский	28	9	5	27	28	24	20	20	22
Хакасский	15	6	13	12	2	9	10	10	2
Чеченский	31	1	5	22	18	15	25	25	24
Чувашский	79	40	74	64	80	71	94	94	84
Якутский	60	31	141	124	205	182	139	139	178
Тираж, тыс. экз.									
Русский	1 499 772	445 041	641 659	604 213	530 882	533 311	476 641	459 423	459 423
Абазинский	7	6	0,8	1,5	0,4	3,3	0,3	3,0	3,0
Адыгейский	65	46	0,5	0,5	7,4	7,0	12,2	12,2	8,4
Алтайский	66	32	–	4,9	1,6	4,0	4,3	4,3	6,9
Башкирский	1274	489	813	574,5	777,3	792,9	524,1	459,8	459,8
Бурятский	110	5	40	41,2	50,6	53	59,1	39,7	39,7

Окончание таблицы 9

	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Языки народов Дагестана								
Аварский	183	3	70	46,3	45,1	53,3	6,3	8,5
Даргинский	102	3	6	6,4	55,1	21,3	2,2	6,5
Кумыкский	97	2	4	0,5	14,5	27	6,5	7,5
Лакский	30	2	4	0,5	4,0	14,0	–	2,0
Лезгинский	99	3	6	7	9,5	18,3	18,5	10,0
Табасаранский	35	1	5	3,5	14,5	19,5	–	3,0
Ингульский	61	38	31	29,2	81,3	37,5	3,2	8,0
Кабардино-черкесский	227	62	73	65	145,3	127,1	78,7	43,5
Калмыцкий	80	21	0,7	9,6	0,3	142,0	–	35,0
Карачаево-балкарский	127	32	33	24,4	23,1	40,0	15,2	40,2
Карельский	11	6	0,3	–	2,6	2,6	5,0	2,9
Коми	106	85	39	9	68,3	37,2	32,7	5,8
Коми-пермяцкий	21	–	1	1,5	4,1	–	–	–
Марийский (дуговой и горный)	301	16	33	26,4	28,6	20,5	19,7	26,1
Мордовский (мокша и эрзя)	135	39	14	17	11,8	21,3	–	18,9

Ногайский	28	2	2	4,5	2,4	2,9	0,4	–
Осетинский	217	34	80	16,1	31,0	70,5	39,6	17,3
Языки народов Севера								
Корякский	1	–	0,8	–	–	0,2	–	–
Мансийский	1	–	–	–	–	–	–	–
Нанайский	51	1	0,5	–	–	–	–	–
Ненецкий	13	7	3	0,9	1,9	3,2	–	3,3
Хантыйский	4	0,1	–	0,3	0,3	–	0,6	–
Чукотский	4	1	–	0,6	–	–	0,2	0,4
Эвенкийский	–	10	0,5	0,5	3,0	0,2	1,8	–
Эвенский	7	3	0,3	–	2,8	1,4	0,4	1,5
Эскимосский	3	–	–	–	–	–	–	–
Татарский	3436	3053	1776	1479,6	798,8	727,7	824,5	595,5
Тувинский	219	12	23	11,7	77,3	28,9	100,4	36,5
Удмуртский	149	7	11	45,4	49,5	34,4	25,7	31,9
Хакасский	83	12	11	5,4	0,3	3,7	6,4	0,2
Чеченский	317	2	13	27,1	64,4	29,1	115,0	47,0
Чувашский	866	296	175	166,8	146,0	167,9	190,3	158,6
Якутский	702	183	400	394,9	375,2	446,0	348,7	454,3
Бурятский	110	5	40	41,2	50,6	53	59,1	39,7

Выпуск журнальных изданий на татарском языке увеличился с 11 изданий в 1990 г. до 19 – в 2000 г. Для сравнения: в том же 2000 г. число журнальных изданий на башкирском языке составило 10, на чувашском – 7, на адыгейском – 1 и т. д. Годовой тираж журнальных изданий на татарском языке в 1990 г. составил 28 418 тыс. экземпляров, но в 2000 г. наблюдается резкое снижение объемов годового тиража до 1 624 тыс. экземпляров, в последующие же годы снижение объемов продолжалось: 1 037 тыс. экз. в 2010 г., незначительное увеличение в 2011 г. до 1 159 тыс. экз., снижение в 2012 г. до 902 тыс. экз., снижение до 788 тыс. экз. в 2013 г., рост в 2014 г. до 1 054 тыс. экз. и вновь снижение до 994 в 2015 г. в соответствии с таблицей.

Выпуск газет на татарском языке в 1990 г. составил 89 изданий с годовым тиражом 192 233 тыс. экз., но в 2000 г. резкое снижение годового тиража 72 изданий до 60 767 тыс. экз. Снижение годового тиража до 51 835 тыс. экз. в 2010 г., рост до 54 629 тыс. экз. в 2011 г., снижение в 2012 г. – 43 888, рост в 2013 г. – до 56 995 тыс. экз. и вновь снижение в 2014 и 2015 гг. до 52 290 и 39 036 тыс. экз. соответственно в таблице.

В России насчитывается около 100 языков, имеющих письменность. Примерно на 60 из них издаются книги, выходят газеты и журналы.

В 2018 г. книги выпускались на 52 языках народов России, помимо русского. Из общего числа в 954 книги и брошюры, выпущенные на языках народов России (без учета русского), 258 названий (27%) – это издания на татарском языке, выпущенные тиражом 1015,5 тыс. экз. (38,5%) (в 2017 г. – 299 названий тиражом 537,1 тыс. экз.); 148 названий (15,5%) – книги на якутском языке, выпущенные тиражом 437,8 тыс. экз. (16,6%) (в 2017 г. – 115 названий тиражом 176,3 тыс. экз.); 141 название (14,8%) – книги на башкирском языке, отпечатанные тиражом 733,2 тыс. экз. (27,8%) (в 2017 г. – 213 названий тиражом 998,4 тыс. экз.).

В 2018 г. выпуск переводной литературы осуществлялся с 50 языков народов России, помимо русского. Из 222 изданий 38 названий (17,1%) – это переводы с татарского языка, выпущенные тиражом 52,4 тыс. экз. (24,5%) (в 2017 г. – 45 названий, выпущенных тиражом 89,6 тыс. экз.); 18 названий (8,1%) – переводы с чувашского языка, которые вышли тиражом 16,1 тыс. экз. (7,5%) (в 2017 г. – 10 названий, тиражом 12,2 тыс. экз.) и 17 названий (7,7%), отпечатанные тиражом 32,1 тыс. экз. (15%) (в 2017 г. –

Таблица 10

Выпуск журнальных изданий на отдельных языках народов России
(по материалам Российского статистического ежегодника за 2016 год)

Язык	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Русский	3392	3422	6045	6766	7047	7474	7721	7707
Адыгейский	2	2	–	1	2	3	3	2
Алтайский	1	–	–	–	–	2	2	1
Башкирский	6	10	10	10	10	10	10	9
Бурятский	3	–	3	3	3	2	4	2
Языки народов Дагестана								
Аварский	3	1	3	3	1	3	3	3
Даргинский	3	1	3	3	1	3	3	3
Кумыкский	3	1	3	3	1	3	3	3
Лакский	3	1	3	3	1	3	3	3
Лезгинский	3	1	3	3	1	3	3	3
Табасаранский	1	1	2	2	1	2	2	2
Ингушский	2	1	1	3	2	3	2	2
Кабардино-черкесский	3	3	3	3	3	3	3	3

Язык	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Калмыцкий	2	3	2	4	–	2	3	2
Карачаево-балкарский	2	2	5	4	4	4	4	4
Коми	3	–	5	5	5	5	5	5
Марийский (луговой и горный)	4	4	–	1	4	4	4	4
Мордовский (мокша и эрзя)	4	4	5	5	5	4	4	4
Осетинский	2	3	3	4	3	4	6	4
Татарский	11	19	28	23	28	26	24	27
Тувинский	2	3	1	1	3	4	3	2
Удмуртский	4	4	2	3	3	4	4	4
Хакасский	1	–	1	–	–	1	–	–
Чеченский	2	–	5	5	5	5	5	5
Чувашский	6	7	5	5	5	7	6	8
Якутский	4	–	9	10	13	20	18	12

Годовой тираж, тыс. экз.										
Русский	4 915 099	6 00 770	1 808 662	1 920 056	1 804 538	1 871 084	1 714 482	1 474 437		
Адыгейский	30	4	–	19	13	5	13	14		
Алтайский	4	–	–	–	–	5	5	5		
Башкирский	3883	1242	1118	964	837	693	628	498		
Бурятский	36	–	17	12	13	10	20	6		
Языки народов Дагестана										
Аварский	212	5	14	26	2	27	21	23		
Даргинский	127	2	8	9	2	14	11	14		
Кумыкский	169	3	9	18	1	25	19	21		
Лакский	61	3	8	10	1	14	11	13		
Лезгинский	126	1	7	16	1	16	10	13		
Табасаранский	21	2	4	4	1	6	4	11		
Ингушский	50	8	16	24	31	21	19	37		
Кабардино-черкесский	145	76	35	40	54	48	49	58		
Калмыцкий	111	14	23	19	–	46	15	39		
Карачаево-балкарский	45	23	70	32	33	38	34	32		
Коми	295	98	44	37	41	42	34	30		

Язык	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Марийский (луговой и горный)	888	64	–	0,1	83	18	23	51
Мордовский (мокша и эрзя)	121	107	53	42	52	43	39	39
Осетинский	160	30	21	13	11	26	74	27
Татарский	28 418	1624	1037	1159	902	788	1054	994
Тувинский	57	30	14	6	41	45	47	18
Удмуртский	294	68	20	33	82	142	49	57
Хакаский	2	–	2	–	–	2	–	–
Чеченский	197	–	108	81	98	112	103	79
Чувашский	2969	100	163	167	150	166	198	186
Якутский	508	–	160	325	422,8	636	304	346

Таблица 11

Выпуск газет на отдельных языках народов России
(по материалам Российского статистического ежегодника за 2016 год)

Язык	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	Число изданий							
Русский	4488	5508	9166	9650	10 162	10 551	10 503	9952
Абазинский	1	1	1	1	1	1	1	1
Адыгейский	1	2	2	2	2	3	2	2
Алтайский	1	3	4	–	1	3	5	6
Башкирский	23	29	70	69	66	70	69	68
Бурятский	15	7	9	8	8	9	8	7
Языки народов Дагестана								
Аварский	15	9	7	7	7	9	20	21
Даргинский	8	4	3	3	3	4	6	6
Кумыкский	6	4	2	2	2	4	7	7
Лакский	3	2	1	1	1	2	3	3
Лезгинский	6	3	3	4	4	7	8	8
Табасаранский	2	–	2	3	3	3	4	4
Идиш	1	1	1	1	1	1	1	1

Язык	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Ингушский	2	–	2	4	3	4	3	3
Кабардино-черкесский	2	2	6	5	5	5	5	5
Калмыцкий	1	1	3	2	2	3	5	4
Карачаево-балкарский	2	3	3	3	2	1	–	–
Карельский	–	3	4	4	3	2	4	1
Коми	4	1	5	5	5	6	5	7
Марийский	16	11	15	15	18	17	17	16
Мордовский (мокша и эрзя)	2	2	4	4	3	6	6	6
Ногайский	2	1	2	2	2	2	2	2
Осетинский	9	3	14	14	14	14	13	15
Языки народов Севера								
Мансийский	1	1	1	1	1	1	1	1
Ненецкий	1	1	2	2	2	3	3	3
Хантыйский	1	1	2	2	2	2	3	3
Чукотский	1	–	2	1	1	1	2	2
Татарский	89	72	172	182	191	196	184	175

Тувинский	6	–	9	8	9	16	13	12
Удмуртский	18	7	10	11	11	11	11	11
Хакасский	1	1	3	3	3	3	3	3
Чеченский	11	–	13	13	17	20	17	18
Чувашский	32	33	40	41	42	39	40	42
Якутский	29	10	35	34	41	43	43	44
Годовой тираж, тыс. экз.								
Русский	37 391 289	69 73 018	9 391 206	8 114 438	9 221 418	9 391 421	9 295 330	7 561 453
Абазинский	260	352	280	306	320	271	331	234
Адыгейский	1575	1578	99	972	1152	909	862	846
Алтайский	1675	89	158	–	5	273	741	639
Башкирский	45 139	30 904	21 351	21 731	11 701	17 007	11 134	6871
Бурятский	3556	2833	718	695	608	743	613	575
Языки народов Дагестана								
Аварский	14 893	5045	1269	804	1270	1760	2027	1838
Даргинский	5144	661	397	350	206	251	526	413
Кумыкский	4178	803	319	302	217	368	449	534
Лакский	827	248	42	41	38	152	194	203
Лезгинский	5199	718	547	674	494	623	670	574
Табасаранский	1264	–	110	240	239	140	579	266

Окончание таблицы 11

Язык	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Идиш	3000	610	412	264	78	72	96	84
Ингульский	1810	–	278	379	451	366	369	387
Кабардино-черкесский	5670	2385	2987	3221	2843	2591	2163	1739
Калмыцкий	2375	1381	1201	2582	60	3932	1653	817
Карачаево-балкарский	3987	2057	1221	779	642	3	–	–
Карельский	–	275	54	71	54	64	30	28
Коми	2870	315	1149	989	864	1789	929	687
Марийский	9946	3573	1485	2470	2089	2227	2146	1334
Мордовский (мокша и эрзя)	2106	686	333	375	265	690	521	509
Ногайский	531	229	313	328	230	389	290	215
Осетинский	14148	4855	8650	7912	6466	9133	8359	5688
Языки народов Севера								
Мансийский	2	30	30	14	11	35	45	35
Ненецкий	19	36	56	54	65	1948	998	792

Хантыйский	36	38	87	57	47	104	96	80
Чукотский	24	–	44	6	9	10	49	52
Татарский	192 233	60 767	61 835	54 629	43 888	56 995	52 290	39 036
Тувинский	14 153	–	1609	1687	1294	1802	333	1451
Удмуртский	9720	3091	1321	1311	1085	1135	1042	802
Хакасский	1600	603	658	480	375	518	482	373
Чеченский	5897	–	1534	1565	1774	1890	1998	1734
Чувашский	43 620	16 204	10 282	12 518	8586	13 703	11 217	9123
Якутский	32 707	1412	7975	8602	7819	11 663	8247	6677

22 названия, отпечатанные тиражом 17,8 тыс. экз.) – это переводы с якутского языка⁶⁷.

Изучение медиатекстов с помощью критического дискурсивного анализа мажоритарных и миноритарных языков направлено на получение информации о том, как языки меньшинств и языковые сообщества представлены в СМИ большинства и меньшинства.

В Республике Карелия выходит три газеты на карельском языке и два журнала, содержащих материалы на карельском. Газета *Oma Muu* («Родная земля») издается на ливвиковском диалекте карельского языка (учредителями газеты являются Законодательное Собрание Республики Карелия, Правительство Республики Карелия и региональная общественная организация Союз карельского народа). Газета *Vienan Karjala* («Беломорская Карелия») – на северно-карельском диалекте. В июне 2008 г. стали издавать газету *Luudilaine* (на людиковском диалекте). Для вепсов выходит только одна газета – *Kodima* («Родная земля»). Она издается на двух языках: вепском и русском. Журнал *Karelia* и детский журнал *Kiripä* выходят на финском языке, но в них есть материал на карельском и вепском языках. Также в муниципальных газетах есть страницы на карельском языке (Олонец, Калева-ла, Пряжа, Лоухи)⁶⁸.

ГТРК «Карелия» выпускает программы на карельском, вепском и финском языках. Вещание не охватывает все районы республики. Телевизионные и радиoprogramмы на вепском языке доступны только на территории Республики Карелия. Две еженедельные радиoprogramмы выпускаются на северно-карельском диалекте и одна – на ливвиковском диалекте карельского языка. Также каждый день выходят новости на Радио Карелии. На Первом канале России один раз в неделю выпускается телевизионная программа *Omin silmin* («Свой взгляд»), продолжительность которой составляет 55 минут. Она освещает культурные мероприятия

⁶⁷ Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018; Печать РФ: Стат. сб. Статистические показатели за 2018 год. [Электронный ресурс]. URL: http://bookchamber.ru/download/stat/stat_2018.zip (дата обращения).

⁶⁸ *Карьялайнен Х., Пуура У., Грюнталь Р., Ковалёва С.* Карельский язык в России: Отчет ELDIA по исследованию конкретной (социолингвистической) ситуации. Майнц: Исследовательский консорциум ЕЛДИА (ELDIA), 2013. С. 77.

карелов, финнов и вепсов. ГТРК Карелия также два раза в неделю выпускает новости на вепсском языке и другие программы продолжительностью 15 минут за один раз. Один раз в неделю на ГТРК выходит вепсская литературная программа.

И Ома Муа, и Вянан Карьяла уделяют внимание карельскому языку и вопросам культуры и национальной политики, а также содержат наиболее важные новости Республики Карелия и других регионов России. Более того, публикуется (издается) художественная литература на карельском языке, по крайней мере в некоторой степени. В общем, можно сказать, что аудитория состоит в основном из пожилых людей, языковых активистов и студентов, изучающих карельский язык. Часто газеты используются в преподавании языка (в обучении языку)⁶⁹.

В отличие от карельских СМИ, СМИ русскоязычного большинства очень многообразны. Телевидение и радио являются наиболее важными источниками информации для общенациональных (общероссийских) выпусков, но для местных выпусков газет играют центральную роль.

Читательская аудитория российских и карельских газет не является двумя отдельными группами. Из-за широко распространенного двуязычия и российской системы образования карелы привыкли потреблять российские СМИ и также являются частью русскоязычного сообщества (Карьялайнен и др. 2013: 153, 204).

Среди республик в составе Российской Федерации Карелия, пожалуй, единственная, где язык титульного народа не возведен в ранг государственного языка. В то же время вопрос о придании карельскому языку статуса государственного не теряет актуальности, присутствует в информационной повестке и в 2015 г. стал самым заметным событием в новостном дискурсе карельского языка как по охвату аудитории – 1,3 млн, так и заметности – 3,35, попав в новостные ленты следующих изданий – ИА Regnum (Москва, 28.08.2015 г.), Карелинформ (karelinform.ru, Петрозаводск, 28.08.2015 г.), ИА СеверИнформ (severinform.ru, Вологда, 28.08.2015 г.), Республика (rk.karelia.ru, Петрозаводск, 28.08.2015 г.), Finugor (finugor.ru, Сыктывкар, 28.08.2015 г.), Start. Samro.ru (Петрозаводск, 28.08.2015 г.).

Наибольшее количество сообщений о карельском языке ожидаемо приходится на регион традиционного проживания карел – Республику Карелия – 4974 сообщения из 7794 за период с 1 января 2003 г. по 28 сентября 2019 г. (см. рис. 1).

⁶⁹ *Tanczos O.M.* Op. cit. P. 96.

© Медиалогия

Рис. 1. География новостей о карельском языке⁷⁰
(01.01.2003–28.09.2019 годы, по количеству сообщений)

Вторым по численности регионом является город федерального значения Москва – 740 сообщений; далее идут Тверская область – 611 сообщений, Санкт-Петербург – 339, Республика Коми – 268, с большим отставанием – Ленинградская область – 74 сообщения, Вологодская область – 63, Архангельская область – 59, Московская область – 55, Самарская область – 49, Мурманская область – 48 и многие другие. Географию новостей о карельском языке отчасти можно объяснить «сильной диаспоризованностью» карел, как и многих других финно-угорских народов [Кондрашкина 2019: 229]. К примеру, 50% носителей мордовских языков проживают за пределами своей республики, 44% носителей марийских языков, 25,8 % носителей карельского языка – за пределами территории Карелии. В 2010 г. в России насчитывалось 60 815 карелов, из них 45 570 человек проживали в Республике Карелия. 15 245 человек проживают за ее пределами: в Тверской области – 7394, в Санкт-Петербурге – 1396, в Мурманской области – 1376, в Ленинградской области – 1345, Московской обла-

⁷⁰ Дата запроса: 28 сентября 2019 г. Территории, окрашенные в более темные оттенки, соответствуют наибольшему количеству новостей.

сти – 272, Архангельской области – 180, Вологодской области – 149 и некоторых других областях России [Итоги 2010].

Все объекты, упоминаемые в новостях, можно отнести либо к географическим названиям – это субъекты Российской Федерации Республика Карелия, Москва, Санкт-Петербург, Тверская область, Ленинградская область, иностранные государства – Финляндия, Эстония, Швеция, Украина, США; персоны – Худилainen Александр Петрович и Путин Владимир Владимирович. Другим ключевым типом акторов новостного дискурса являются «организации», наиболее упоминаемыми среди которых являются ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (723 сообщений), Законодательное собрание Республики Карелия (365 сообщений) и Российская академия наук (317 сообщений).

Примечателен тот факт, что в четверти всех сообщений о карельском языке упоминается Финляндия (1811 из 7794 новостей) после упоминаний Карелии и Российской Федерации, тональность которых преимущественно нейтральная. За весь доступный и исследуемый период самыми заметными стали материалы с заголовками «Самобытная культура в Карелии», где Финляндия упоминается в связи с участием ее лидера в предстоящем международном фестивале финно-угорских народов, статья посвящена возрождению древних традиций и обычаев в Карелии (1 Канал#Время, значение заметности 13,50); далее с существенным отрывом по заметности (4,00) материал под названием «Карельская деревня: заповедник родной речи и упрямых стариков» (РИА Новости, Москва, 16.10.2014 г., Олония (olonia.info), Олонец, 17.10.2014 г.), Start.Sampo.ru, Петрозаводск, 17.10.2014 г.). Здесь Финляндия упоминается в рамках соглашения между Италией, Россией и Финляндией 2007 г. в области охраны памятников деревянного зодчества Карелии, программы по исследованию истории и состояния деревянной архитектуры Карелии и в связи с предстоящим Российско-финляндским форумом. В материале «Петрозаводский госуниверситет: редкие языки, “Кижы”, рыбоводство и звезды» (РИА Новости, Москва, 25.06.2019 г., значение заметности – 4,00) речь идет о Финляндии как месте, где еще остались носители карельского языка, сам же Петрозаводский государственный университет описан как единственный вуз в России, где готовят специалистов по карельскому, вепсскому и финскому языкам одновременно. Ниже в списке «топовых» новостей «Карельский рэпер: на карельском языке не только бабушки и дедушки разговаривают» (ТАСС, Москва, 14.03.2016 г., заметность – 3,98) – материал,

посвященный актеру Карелии, читающему рэп на карельском языке с активной позицией в отношении сохранения языка; Финляндия фигурирует как страна, куда можно было уехать и получить образование. В целом столь частое присутствие геоконцепта Финляндия в новостном дискурсе карельского языка объясняется географическим соседством, историческим наследием приграничных территорий и этнокультурным – финно-угорским – родством.

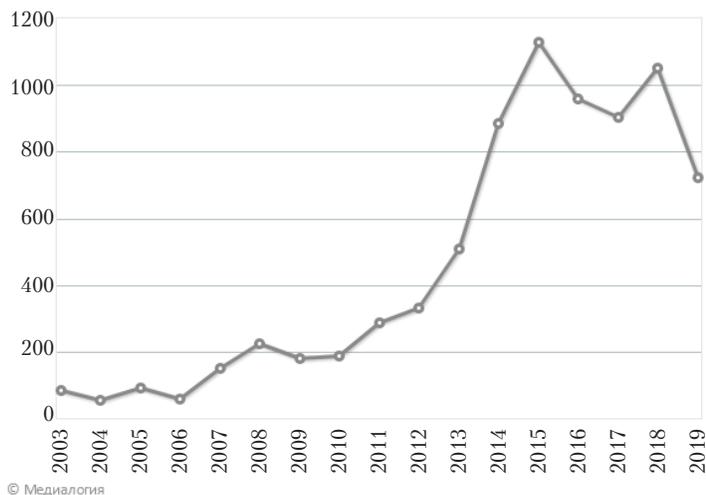

Рис. 2. Динамика упоминаний карельского языка
(01.01.2003–28.09.2019 годы)

(газеты, журналы, информагентства, Интернет, ТВ, радио)

Карельский язык расширяет свое место в информационной повестке средств массовой информации: если, к примеру, в 2008 г. насчитывалось 224 сообщения о карельском языке, в 2011 г. – 285, в 2013 г. – 509, то уже в 2014 г. – 888, в 2015 г. – 1127, в 2016 г. – 961, 907 сообщений в 2017 г., 1051 сообщение в 2018 г. (см. рис. 2). Наиболее заметные в 2015 г., помимо упомянутого материала о статусе карельского языка как второго государственного: «В Эссойле открылся карельский этнокультурный центр» (Вести.гу, Москва, 03.03.2015 г.), где сообщается о том, что в центре ратуют за сохранение и изучение карельского языка, отмечается рост интереса к родному языку у жителей, о том, что проводятся курсы

карельского языка и практикуется создание «флэш-анимаций, интерактивных программ, озвучиваемых детьми на карельском языке (охват – 2,2 млн, заметность события – 3,18); «В Петрозаводске проходят дни “Калевалы”, посвященные первому изданию эпоса» (Вести.ru, Москва, 27.02.2015 г., охват – 2,1 млн, заметность – 2,51).

В 2014 г. новостная картина наиболее заметных сообщений была следующей: «В Карельском алфавите появилась буква Сс» (Lenta.ru, Москва, 10.06.2014 г., Finugor.ru, Сыктывкар, 10.06.2014 г., охват – 10,1 млн, заметность – 11,51); «Карельская деревня: заповедник родной речи и упрямым стариков» (РИА Новости, Москва, 16.10.2014 г., Карелинформ, Петрозаводск, 17.10.2014 г., охват – 4,4 млн, заметность – 4,16); «В Карелии появится ресурсный медиа-центр прибалтийско-финских народов» (ТАСС, Москва, 10.04.2014 г., Карелинформ, Петрозаводск, ГТРК Карелия, Петрозаводск, Ведомости Карелии, Петрозаводск, Finugor (finugor.ru), Сыктывкар, 10.04.2014 г., охват – 3,5 млн, заметность – 3,95); «Жителей Петрозаводска бесплатно будут учить карельскому языку» (ТАСС, Москва, 26.09.2014 г., охват – 1,3 млн, заметность – 3,9); «В старинном сельском селе все ценники в магазинах перевели на национальный язык» (ТАСС, Москва, 27.05.2014 г., Вести Карелии, Петрозаводск, 28.05.2014 г., ИА КарелНовости, Петрозаводск, Столица на Онего, Петрозаводск, 28.05.2014 г.; охват – 1,4 млн, заметность – 2,05); «В Карелии операторы службы спасения выучат финский и карельский языки» (ТАСС, Москва, 05.11.2014 г., Мурманский вестник, Мурманск, 06.11.2014 г., Петрозаводск сегодня, Петрозаводск, 06.11.2014 г., Невские новости, Санкт-Петербург, 05.11.2014 г., охват – 3,4 млн, заметность – 2,00); «В Карелии выпустили набор для игры “Мафия” на национальном языке» (ТАСС, Москва, 13.11.2014 г., Мурманский вестник, Мурманск, 13.11.2014 г., охват – 1,2 млн, заметность – 1,98); «Первый в Петрозаводске ледовый комплекс назвали по-карельски» (ТАСС, Москва, 17.07.2014 г., охват – 1,2 млн, заметность – 1,91); «В Финляндии состоялись международные курсы карельского языка» (Карелинформ, Петрозаводск, 14.07.2014 г., Ведомости Карелии, Петрозаводск, 14.07.2014 г., Start.sampo.ru, Петрозаводск, 14.07.2014 г., Finugor (finugor.ru), Сыктывкар, 15.07.2014 г.; охват – 20,8 тыс., заметность – 0,92) и многие другие.

На фоне позитивного новостного дискурса сохранения и развития карельского языка, расширения сфер его использования и повсеместного функционирования, репрезентации языка как

языка «современности, прогресса и широкого общения»⁷¹ ряд ресурсов, посвященных жизнеспособности языков, свидетельствуют о прямо противоположных тенденциях – об ослаблении позиций карельского языка.

Анализ новостного дискурса карельского языка позволяет сделать вывод о том, что в медийном пространстве создается образ языка, который ассоциируется не только с языком меньшинства как носителя идентичности, традициями и устареванием, с меньшей ценностью и использованием, «сентиментальным» значением; в медиа предпринята попытка конструирования реальности карельского языка как языка с инструментальными функциями, ассоциируемого с современностью, прогрессом и языком широкого общения. В условиях, когда де факто миноритарный язык не имеет статуса государственного в Республике Карелия, попытки его продвижения в широком спектре социальных, культурных и языковых сфер или контекстов, как формальных, так и неформальных, и соответствующая репрезентация в СМИ представляется более важным аспектом его сохранения и развития.

Газеты и книги, радио и телевидение объединяют людей, где бы они ни находились, практически в бесконечную область, что ставит под сомнение попытки контролировать общение только при условии устранения потенциального барьера языковых различий. Публичное лингвистическое пространство используется как средство коммуникации, предоставляя возможность тем, кто контролирует пространство, включая правительства – проводить в жизнь языковую политику.

Контрольные вопросы

1. В чем заключаются основные возможности СМИ и книгопечатания в сохранении языковых меньшинств?
2. Какова роль СМИ в конструировании языковой действительности?
3. В чем могут заключаться конкретные шаги участников языковой политики, направленные на поддержку языков в медийном пространстве?
4. Сформулируйте ваши предложения относительно языковой политики в медийной сфере.

⁷¹ *May S.* Language Policy and Minority Rights. An Introduction to Language Policy. Theory and Method. Blackwell Publishing, 2006. P. 257.

5. Сравните данные о выпуске газет, журнальных изданий, книг и брошюр на отдельных языках народов России за 2016 и 2018 гг. О каких тенденциях может идти речь? Для выполнения задания обратитесь к таблицам в данной главе и Приложениям 3, 4, 5.
6. Попробуйте соотнести количество выпущенных газет и журналов на одном из языков народов России с численностью граждан, владеющих выбранными языками. Для выполнения задания используйте Приложения 4, 5 и 13.

Список литературы

- Антропология медиа: теория и практика / Под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2016.
- Нурутдинова Н.Р., Мустафина Д.Н., Петров Е.В.* Поддержка региональных средств массовой информации в контексте Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 160. Кн. 5.
- Панченко Е.* Новостной дискурс в государственных интернет-СМИ (на примере сайта «РИА Новости» // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 153–176.
- Сагитова Л.В.* Отражение языковой ситуации в республиканских СМИ и Интернет-ресурсах // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений: Сборник очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014.

Глава 7

Языковая политика онлайн: состояние и перспективы в российских сегментах киберпространства

Информационно-коммуникационным технологиям отводится центральное место во всех аспектах социальной, культурной, экономической и политической жизни, включая отношения по поводу языкового устройства и языкового функционирования, что отражается на артикуляции всего проблемного поля языковой политики. Киберпространство, став, по выражению авторов издания «Net.lang», «вполне реальной территорией», требует глубокого осмысления, по-новому актуализирует политическую, научную и культурную значимость темы многоязычия, вопросы культурного и языкового разнообразия в условиях информационного общества⁷².

Сеть может с полными основаниями рассматриваться и как среда языковой политики, и как ее дискурсивное пространство, и как соответствующий инструментарий – в деле артикуляции языковых интересов и прав индивидов, групп и сообществ; в деле смыслового конструирования всех сторон управленческого воздействия на языковые ситуации – от подготовки и принятия авторитетных решений до их имплементации и оценки результативности.

Реализация языковой политики ONLINE связана с возможностями анализировать статус языка в Сети, оценивать его и сообщать о результатах с тем, чтобы содействовать разработке соответствующей поддержки, активизации языка и культурному обмену; разработкой конкретных стратегий по обеспечению всех, в том числе недостаточно оснащенных и бесписьменных языков инструментами, необходимыми для введения их в киберпространство; разработкой мер, направленных на внедрение любого языка в цифровую среду; с поддержкой местных ассоциаций, занятых разви-

⁷²Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. С. 21–25.

тием языков с применением информационно-коммуникационных технологий и другими мерами публично-политического характера.

Информационно-коммуникационные технологии оказывают двойственное влияние на ситуацию с языковым разнообразием: с одной стороны, под их влиянием языки ускоренно отмирают (в Интернете представлены только 5% существующих языков). Киберпространство – *серьезный вызов* для любого языка, который вынужден столкнуться с серьезной конкуренцией в попытке обеспечения доступа к большому объему информации. В противном случае сами носители могут постепенно отказаться от него, отдавая предпочтение языку, который кажется им более «престижным» или, по крайней мере, дает больше информации в конкретном домене. С другой – благодаря ИКТ появляются *новые инструменты* для их сохранения и оживления; возможности Интернета описываются как «новые возможности» и «надежды». Вполне возможно, ведь он открывает двери для тех форм выражения, которые для традиционных издательских схем интереса не представляют. Так, например, научные публикации на других языках, помимо английского, находят здесь свое, хоть и скромное, место благодаря простоте и дешевизне публикации онлайн, тогда как академические журналы, выходящие в традиционной бумажной форме, предназначены узкому кругу читателей – риск, на который мало кто из издателей готов пойти. Интернет, без сомнения, дал возможность высказаться тем меньшинствам, для которых традиционная печать недоступна. Важное условие сохранения миноритарных языков – это их присутствие и развитие в киберпространстве, которое может стать идеальным инструментом возрождения языка.

Для любой языковой политики, ратует ли она за идею языковой гегемонии или, напротив, способствует равенству прав граждан, обеспечивая им полноценное участие в жизни общества за счет использования родного языка, фундаментальное значение имеют *индикаторы*. Они помогают объективно определять текущее положение дел, отслеживать тенденции и оценивать последствия этой политики. «Количественные исследования языков», как отмечает ответственный секретарь Всемирной сети в поддержку языкового разнообразия МААУА Д. Прадо, «находятся в зачаточном состоянии»⁷³. Наблюдение за эволюцией языков

⁷³ Прадо Д., Пимьента Д. Государственная политика в поддержку языков в киберпространстве // Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014.

в киберпространстве не является исключением из этого общего правила, а напротив, скорее подчеркивает существующие проблемы в накопленном материале.

На данный момент нет ни одного комплексного исследования, которое обеспечило бы реальное понимание места языков мира в Интернете, социальных сетях, службах обмена сообщениями, чатах и других онлайн-сервисах. Тем не менее разрозненные данные различных исследований позволяют предположить, что создание социальных сетей (пусть даже их контент зачастую эфемерен) идет гораздо активнее по сравнению с производством традиционных веб-страниц. Сайт обсерватории Portalingua (<http://www.portalingua.info>), созданный Латинским союзом, пытается решить эту проблему путем сопоставления и проведения параллелей между существующими исследованиями и статистическими данными о представленности языков в различных сферах общества знания. Исследования Twitter, проведенные Semicast в 2010 г., показали, что малайский и португальский языки использовались намного больше, чем испанский, немецкий, русский и итальянский, – языки, для которых характерны гораздо более масштабная представленность на традиционных сайтах, долгие традиции политики перевода и большой объем оцифрованных книг. Повторного исследования с тех пор не проводилось, однако языки, на которых говорят, к примеру, в Индонезии, сегодня могут оказаться в Twitter даже более популярными, поскольку эта страна по числу представителей «поколения 140 символов» занимает третье место на планете. Похожую ситуацию мы видим и на Facebook. Исследование, проведенное в рекламной отрасли (что несколько снижает достоверность результатов), показывает прирост числа арабоязычных пользователей этой социальной сети на 175% по сравнению с достаточно инертным ростом англоязычных пользователей (в 2011 г. он составил всего 45%).

По состоянию на март 2011 г. Google, наиболее широко используемая и наиболее сложная с точки зрения языковых инструментов поисковая система, обеспечивала распознавание пятидесяти языков. И если исландский язык (240 тыс. носителей) давно распознается, другие языки, на которых говорят от 10 до 200 млн человек (в том числе бенгальский, яванский, тамильский, малайский, хауса, йоруба, фульбе, кечуа), остаются за пределами киберпространства. Знаменитый поисковик, обеспечивающий распознавание 30 европейских языков, способен распознать один-единственный африканский язык и ни одного из языков коренных народов Америки или Тихоокеанского региона. Ре-

зультаты Yahoo! ничуть не лучше: распознается менее 40 языков, из них восемь азиатских и ни одного из языков коренных народов Африки, Америки и Океании. Мало какие из интернет-ресурсов могут соперничать в лингвистическом разнообразии с Википедией, которая насчитывает практически 19 млн записей почти на 300 языках. Несмотря на все попытки Twitter, Facebook, YouTube и других широко используемых сервисов расширить охват населения за счет локализованных версий, программ автоматического перевода или субтитров, эти компании в состоянии удовлетворить потребности носителей от силы 50 языков.

На сегодняшний день ни одно из проведенных исследований не дает достаточного представления о значении языкового разнообразия в «неформальных» медиа, таких как электронная почта, мгновенные сообщения, чаты, форумы, списки рассылки, блоги и социальные сети. Опросы, статистика и анализ подобных данных мало распространены. Тем не менее есть возможность оценить общие тенденции за счет перекрестного анализа таких текстов. Оказывается, по неформальным каналам передается значительно больший объем контента (даже с учетом его недолговечности) в сравнении с количеством создаваемых веб-страниц, и в этом контексте возрастает значение малоиспользуемых языков.

К концу 2010 г. было создано 152 млн блогов и 600 млн страниц Facebook, в то время как число традиционных сайтов достигло лишь 255 млн. Эти интерактивные пространства коренным образом отличаются от традиционных веб-страниц.

В реальности экспоненциальный рост блогосферы (для которой статистические данные столь же эфемерны, сколь и противоречивы) предполагает, что еще есть некоторое время для стабилизации количественных показателей. Некоторые языки, вероятно, еще смогут наверстать упущенное так же, как в ситуации с Всемирной паутиной (вспомним пример французской сети «Minitel», которая до 2000 г. сдерживала появление французского сегмента Интернета). Тогда данные статистики изменятся. Однако блог можно также рассматривать как культурный (а для ряда стран – политический) феномен, который у некоторых культур вызовет протест, как это произошло с чатами и форумами, а для других окажется более удобным и открытым средством выражения. Всемирная паутина как часть сети Интернет, будучи по сути своей гораздо более институциональной, нежели блоги, чаты или социальные сети, служит для передачи информации большим сообществам. А потому сообщения в ней чаще всего появляются на том языке, который будет понятен максимальному числу людей.

В то же время блог, как правило, появляется как результат индивидуальной или локальной инициативы, чтобы позволить одному или нескольким лицам выразить свои мысли, чувства, точку зрения или просто заявить о себе. В целом создателей блогов больше интересует свобода выражения, а не то, в какой степени они могут использовать свой язык в качестве средства выражения. В скольких блогах используются маргинализованные языки? Точного ответа на этот вопрос нет.

Электронная почта, чаты, форумы могут стать отдушиной для миноритарных языков, поскольку виртуальное сообщество также предполагает владение общим языком при отсутствии носителей другого языка. Разумеется, если один из собеседников не понимает локальный язык сообщества, в ход идут более «престижные» языки. Исключения составляют те случаи, когда власть имущие в силу имеющейся возможности контролировать основные языки общения пытаются использовать их в ущерб другим. Международные организации и транснациональные корпорации нередко используют для общения всего один-два основных языка, в то время как люди, на которых ориентирована их деятельность, в основном используют совсем другие языки.

По-видимому, многое зависит от типа медиа. Некоторые пользователи (носители языка панджаби или представители стран Персидского залива) более склонны использовать свой родной язык для общения в чате, нежели для электронной почты. Это касается, в частности, билингвов, которые говорят и на своем родном языке, и на официальном языке своей страны.

Многие аналитики, в том числе Грэддол, считают машинный перевод панацеей, которая ликвидирует необходимость в использовании лингва франка и позволит каждому говорить на своем родном языке. Однако необходимо учитывать, что доступ к подобным системам имеют только 60 языков. Кроме того, большинство систем обеспечивают перевод с родного языка на английский или внутри группы из десятка крупных языков (французский, китайский, испанский, немецкий, японский, русский и т. д.). Технологии для всех прочих языковых пар развиты минимально либо отсутствуют. Представленность языков в реальном мире и в киберпространстве 45 используют английский язык как промежуточный. В целом системы автоматизированного перевода работают только для 1% языков мира. Так что, похоже, отказаться от лингва франка удастся не скоро, и говорящий на бенгали для общения с носителем йоруба или кечуа будет по-прежнему вынужден полагаться на язык-посредник. В конечном счете наиболее

эффективны те переводческие системы, которые имеют обширный двуязычный корпус (в том числе «статистические» системы, такие как Google Translate). Если верить изданному ЮНЕСКО Index Translationum, в реальности достаточным количеством переведенных текстов обладают только около 50 языков⁷⁴.

Языковое разнообразие планеты далеко не однородно. 94% населения говорит на 74 языках, а 70% языков сосредоточены на территории двадцати стран, которые по большей части относятся к числу наиболее бедных и, следовательно, в меньшей степени способны поддерживать проекты развития многоязычия. По оценке Globalization Group (2010), 90% от общего объема мирового ВВП обеспечивается носителями всего 14 языков.

В начале 1990-х годов, когда Интернет начал свое шествие по миру, Сеть была перегружена информацией на английском языке. Наблюдая за неудержимым распространением английского, многие (в том числе Дэвид Кристал, автор книги *English as a Global Language* («Английский как глобальный язык»)) полагали, что пророчества о его превращении в глобальный язык сбываются [Crystal 1997]. Английский, бесспорно, стал глобальным языком, однако будет ли он единственным вектором международного общения в эпоху глобализации – совершенно другой вопрос, и вероятность этого все меньше. К примеру, Министерство энергетики США в 2010 г. запустило многоязычную платформу WorldWideScience.org, исходя из того, что научно-исследовательская деятельность – особенно в сфере точных наук – осуществляется не только на английском языке.

Эволюция представленности языков в Интернете демонстрирует значительные изменения. Использование английского языка существенно снизилось и перешло символический порог в 50% (или даже 30%) в связи с укреплением позиций языков стран БРИКС и постепенной девестернизацией «лингвистического центра тяжести» планеты⁷⁵. Перефразируя знаменитые слова Умберто Эко «Перевод – это язык Европы», можно сказать, что лингва франка для Интернета является многоязычие и, следовательно, перевод. Мир постепенно отказывается от хаотичного

⁷⁴[Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=4&nTyp=min&topN=50> (дата обращения).

⁷⁵Устинов Д. Английский не будет лингва франка Интернета // Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. С. 59–60.

смещения языков, и данная тенденция находит свое отражение и во Всемирной сети. За проблемой лингва франка стоят вопросы экономического, культурного и геополитического характера, что ярко проявляется в киберпространстве.

В Интернете происходит резкое снижение доли английского языка. По данным Internet World Stats, в июне 2010 г. она составляла 27,3%. Допуская, что эти цифры являются точными, можно предположить, что данное снижение в основном обусловлено четырьмя факторами. Во-первых, это темпы развития языков: с 2000 по 2010 г. представленность английского языка возросла на 281,2% (что тоже немало), в то время как для китайского, второго наиболее представленного языка (22,6%), этот показатель составил 1277,4%. Однако это не означает, что один язык превалирует над другим за счет темпов увеличения присутствия в киберпространстве. Арабский язык демонстрирует самый внушительный рост за данный период – 2501,2%, но его доля составляет только 3,3%, что отодвигает его на седьмое место после испанского (7,8%), японского (5%), португальского (4,2%), немецкого (3,8%) языков. Восьмое, девятое и десятое места занимали французский (3%), русский (около 3%) и корейский (2%). На эти десять языков приходилось 82% общего объема информации в Сети, а на все прочие – лишь 18%.

Вторым фактором является доступ к Интернету («проникновение Интернета в пересчете на язык»), который зависит от инфраструктуры и уровня развития конкретной страны. В Японии этот показатель составляет 78,2% (более 99 млн интернет-пользователей), что объясняет, почему японский язык занимает четвертое место по присутствию в Интернете. Несмотря на скромные темпы роста представленности японского языка в Интернете (110,6%) в сравнении с арабским, на котором говорит гораздо больше потенциальных пользователей (347 млн против 126 млн японских пользователей, большая часть которых сконцентрирована на территории Японии), масштабы присутствия арабского языка меньше из-за так называемого «уровня проникновения», который составляет только 18,8%. Аналогично обстоит дело и с французским языком: то же число носителей (347 млн по всему миру) и схожий уровень проникновения (17,2%).

Третий фактор, который также необходимо учитывать, – это общая численность носителей языка, представляющая потенциальную почву для увеличения числа Интернет-пользователей в результате сокращения цифрового разрыва. Текущий рейтинг десяти языков не фиксирован, он динамичен и со временем меня-

ется. Совершенно ясно, что арабский язык с приростом в 2501,2% обойдет французский (398,2%) по мере повышения уровня проникновения Интернета. С другой стороны, даже при нынешних темпах роста французский мог бы опередить арабский в случае более стремительного повышения темпов проникновения в странах Африки. И наоборот, чем выше уровень проникновения на данный момент, тем вероятнее, что язык вскоре потеряет свои позиции в рассматриваемом рейтинге. Это вполне может произойти с японским и немецким языками, имевшими по состоянию на 2010 г. рейтинг в 78,2 и 78,6% соответственно в силу своего статуса языков крупных экономических держав, а также экономического благополучия таких богатых германоязычных стран, как Австрия и Швейцария.

Четвертый фактор – экономическая и геополитическая мощь страны. Все факторы работают совместно, и понятно, что некогда доминирующей политике «только английский» вскоре придется столкнуться с укреплением позиций китайского, испанского, арабского языков, а также хинди и индонезийского (последние два пока не входят в десятку самых распространенных в Интернете языков, но численность их носителей велика).

Однако есть и пятый, важнейший фактор, который требует внимания, хотя Internet World Stats его намеренно не учитывает: «На самом деле многие люди двуязычны или многоязычны, но в данном случае мы указываем для каждого человека только один язык, чтобы в итоге общее число языков совпадало с общей численностью населения мира (принцип нулевой суммы)». Нужно помнить о том, что 6–7 тыс. языков мира используются на территориях всего пары сотен стран, поэтому моноязычие – это скорее исключение, нежели правило. В этой связи можно вспомнить и о межъязыковом понимании – это явление довольно редкое, но его необходимо учитывать: на долю португальского языка приходится 4,2% всего Интернета, что может показаться очень скромным показателем, но носители португальского могут также пользоваться сайтами на испанском языке (7,8%) ввиду легкости переключения с одного языка на другой, особенно в письменной форме. Таким образом, португалец может пользоваться 12% интернет-ресурсов, что уже составляет значительное число, эквивалентное долям русского, французского, арабского и немецкого языков, вместе взятых.

По состоянию на апрель 2019 г. картина представленности языков, используемых в Интернете, вновь изменилась, что представлено в нижеследующей таблице.

Таблица 12

Топ-10 языков, используемых в Сети – 30 Апреля 2019 г.
(численность интернет-пользователей по языкам)

Топ-10 языков в Интернете	Население мира для этого языка (по оценкам 2019 г.)	Интернет-пользователи по языку	Проникновение в Интернет (% населения)	Рост Интернет-пользователей (2000–2019) (в %)	Интернет-пользователи % мира (участие)
Английский	1 485 300,217	1 105 919,154	74,5	685,7	25,2
Китайский	1 457 821,239	863 230,794	59,2	2 572,3	19,3
Испанский	520 777,464	344 448,932	66,1	1 425,8	7,9
Арабский	444 016,517	226 595,470	51,0	8 917,3	5,2
Португальский	289 923,583	171 583,004	59,2	2 164,8	3,9
Индонезийский/ Малазийский	302 430,273	169 685,798	56,1	2 861,4	3,9
Французский	422 308,112	144 695,288	34,3	1 106,0	3,3
Японский	126 854,745	118 626,672	93,5	152,0	2,7
Русский	143 895,551	109 552,842	76,1	3 434,0	2,5
Немецкий	97 025,201	92 304,792	95,1	235,4	2,1
Топ-10 языков (всего)	5 193 327,701	3 346 642,747	64,4	1 123,0	76,3
Остальные языки	2 522 895,508	1 039 842,794	41,2	1 090,4	23,7
Всего в мире	7 716 223,209	4 386 485,541	56,8	1 115,1	100,0

Источник: <https://www.internetworldstats.com/stats7.html>. (дата обращения 28.12.2019).

Таблица 13

Языковой состав доменов Азии и Африки

Африканские домены			Азиатские домены		
Язык	Кол-во страниц	Доля (в %)	Язык	Кол-во страниц	Доля (в %)
Английский	30 327 396	78,40	Китайский	7 832 521	20,46
Французский	2 737 455	7,08	Японский	5 287 655	13,82
Африкаанс	660 510	1,71	Английский	4 867 355	12,72
Арабский	592 746	1,53	Русский	1 611 339	4,21
Китайский	391 745	1,01	Корейский	1 100 232	2,87
Португальский	348 131	0,90	Вьетнамский	710 048	1,86
Русский	307 178	0,79	Тайский	544 561	1,42
Испанский	276 126	0,71	Индонезийский	308 894	0,81
Японский	158 992	0,41	Иврит	89 076	0,23
Другие	879 605	2,27	Другие	14 055 334	36,72
Не идентифицированы	2 005 311	5,18	Не идентифицированы	1 867 355	4,88
Всего	38 685 195	100,00	Всего	38 274 370	100,00

Примечание: Данные взяты с доменов с кодами стран Азии и Африки в ноябре 2009 г.⁷⁶

⁷⁶ Йошики Миками, Шигеаки Кодама. Измерение языкового разнообразия в Сети // Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. С. 143.

Следует особо отметить также данные проекта «Языковая обсерватория», запущенного в 2003 г. после принятия ЮНЕСКО «Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству». Основной целью проекта является наблюдение за реальным использованием языков в Сети и предоставление данных по этому вопросу для изучения языкового разнообразия в Сети. Измерение осуществляется путем подсчета количества страниц на каждом языке, представленном в Сети.

Следует особо отметить ситуацию в странах Центральной Азии. В соответствующем сегменте Сети представлены местные языки, но преобладают (в разной степени) английский и русский. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан используют в основном русский язык, в то время как Туркменистан делает акцент на английском.

Технологический лингвоцид. Так как внедрение технологических инноваций – по крайней мере силами индустрии – зачастую определяется интересами бизнеса и краткосрочной и среднесрочной перспективой, для языков мира ИКТ оказываются палкой о двух концах. Легко представить, как компания – производитель программного обеспечения выводит свою продукцию на китайский рынок, что подразумевает почти миллиард носителей китайского языка, которым можно продать миллионы лицензий. Но что происходит, когда та же компания хочет локализовать свою продукцию на язык с менее чем 10 тыс. носителей (а в настоящее время к таковым можно отнести половину мировых языков)? Количество продаваемых лицензий будет насчитывать всего несколько десятков, самое большее – несколько сотен, и сама локализация потребует больше времени (и, следовательно, средств), чем в случае с китайским языком. Многие из этих языков не унифицированы или даже не имеют письменности. Соответственно, компания-производитель должна быть готова вкладывать значительно больше средств в расчете на гораздо меньшую прибыль. Кто из производителей готов принять подобную бизнес-стратегию и может убедить своих акционеров и сотрудников сделать это? И что уж говорить о возможности локализации программного обеспечения для 6900 языков? Вряд ли кого-то удивит тот факт, что ни один из поставщиков программного обеспечения даже отдаленно не приближается к такому уровню языкового разнообразия.

Представленность языка в Интернете не ограничивается культурными или количественным показателями. Первоочередное значение имеет *технологический аспект*. Интернет как инструмент изначально создавался в первую очередь для англий-

ского языка. Западные языки, использующие латиницу, быстрее смогли найти свое место во Всемирной сети. Один из основателей «Языковой обсерватории» в этой связи отмечает: «Исследование, проведенное мною недавно на основе статистических данных Международного союза электросвязи и ЮНЕСКО, дает примерную картину *глобального цифрового разрыва* «между шрифтами». Носители языков, использующих латинский алфавит (39% населения земного шара), потребляют 72% производимой в мире писчей бумаги, а показатель доступа к Интернету для них составляет 84%. Жители Китая, Японии и Кореи, использующие китайские иероглифы ханьцзи, составляют 22% населения земного шара, показатели потребления бумаги для них достигают 23%, а доступа к Интернету – 13%. Те, кто пишут арабицей, составляют 9% населения, потребляют 0,5% бумаги, и на их долю приходится 1,2% доступа к Интернету. Пользователи кириллических алфавитов составляют 5% населения, потребляют 1,1% бумаги и имеют 1,6% доступа в Интернет. А что же пользователи языков индийской группы? Если принять за один язык все языки на основе брахми, широко используемые в Юго-Восточной Азии, в частности мьянмский, тайский, лаосский, кхмерский (камбоджийский) и другие, то можно сказать, что пользователи языков индийской группы составляют 22% населения мира, потребляют 2,2% бумаги и имеют всего лишь 0,3% доступа к Интернету⁷⁷.

Сегодня есть международный стандарт кодирования символов для обмена информацией – ISO/IEC 10646 «Универсальный набор кодированных символов» (UCS, или Юникод). Судя по названию, этот стандарт охватывает широчайший ряд символьных кодов, начиная от древних систем письма, таких как египетские иероглифы и клинопись, и заканчивая алфавитами миноритарных языков, такими как тай-кадайские языки, на которых говорят и пишут жители отдаленных горных районов Юго-Восточной Азии. Однако в части обработки языков остается еще много проблем. Самая серьезная из них заключается в том, что Юникод, несмотря на свое название, включает не все наборы символов, которыми пользуется человечество.

Так, монгольский язык использует либо кириллицу, либо собственный исторический и традиционный алфавит, для которого было принято не менее восьми разных кодов и шрифтов. Единого стандарта печатного шрифта нет, и это приводит к несоответ-

⁷⁷ Йошики Миками, Шигеаки Кодама. Измерение языкового разнообразия в Сети. С. 131.

ствиям и даже неправильным переводам текстов при переносе с одного компьютера на другой. В результате, например, отдельные веб-страницы на монгольском языке состоят из файлов изображений, на загрузку которых уходит намного больше времени. С такими же проблемами сталкиваются веб-страницы на официальных языках Индии. Как правило, сайты индийских газет используются собственными шрифтами на хинди, но отдельные сайты представляют новости в виде файлов изображений. Эти технические ограничения затрудняют обмен информацией и приводят к *цифровому языковому разрыву*.

Некоторые европейские диакритики до сих пор не всегда отображаются в Интернете, несмотря на определенные достижения, оцениваемые порой слишком высоко (примером может служить активная поддержка доменных имен, записанных с использованием разных алфавитов и диакритик). Английский остается языком программирования, разметки, кодирования, связи между серверами и, самое главное, основой языков информатики. Компьютерные языки создаются на базе английского, и специалисты, работающие в сфере вычислительной техники, должны его знать.

Цифровое неравенство. Помимо всего прочего необходимо, чтобы население имело доступ и соответствующие навыки для создания аудиовизуальных материалов, и в особенности, для поиска подобной информации. Однако распределение доступа к киберпространству в мире наглядно демонстрирует взаимосвязь между цифровым разрывом и социально-экономическим неравенством. Безусловно, Интернет стал инструментом повседневной жизни городского населения промышленно развитых стран, но в глобальном масштабе для пяти человек из семи он по-прежнему недоступен. На конец 2010 г. доступа к Интернету не имели более 5 млрд человек. Само распространение Интернета неравномерно: для Африки этот показатель составляет 10% (подавляющее большинство африканских пользователей при этом сосредоточено в Южной Африке и Средиземноморье), для Азии – 25%, в то время как в Северной Америке (за исключением Мексики) к Сети подключено 80% населения, а в Европе – 65%.

Слабая представленность языков или их полное отсутствие в Интернете в силу нехватки носителей или финансовых ресурсов означает, что их носители по умолчанию переходят на языки, присутствующие в Интернете.

Если первый показатель (количество носителей) нельзя увеличить в один момент, то второй (финансовые ресурсы) – можно: для реализации программ сохранения языка бывает

достаточно весьма скромного бюджета, а все финансирование в этом смысле служит катализатором усилий соответствующих языковых сообществ.

Выбор вида деятельности, направленной на сохранение языков как в киберпространстве, так и вне его, зависит от поставленных задач. Если требуется просто сохранить язык для потомков, то достаточно разместить в Интернете набор отдельных текстов, словарь и записи звучащей речи. Языки исчезнувшие и исчезающие: как сохранить это наследие? Если предполагается, что язык будет изучаться в качестве второго языка для нынешнего и будущего поколений, то необходима база, достаточная для разработки подробных учебных материалов, к тому же можно создать интерактивный онлайн-курс для всех людей, заинтересованных в изучении данного языка. Если какой-либо язык сохраняет значительную роль в жизни сообщества, например, для проведения определенных ритуалов, то может потребоваться разработка соответствующих материалов, если сообщество не считает язык ритуалов неким сокровенным знанием, которое не должно выходить за пределы узкого круга избранных⁷⁸.

Перевод программного обеспечения, сайтов социальных сетей, поисковых систем, статей Википедии, а также разработка программ проверки правописания ведутся силами добровольцев. Цифровая эпоха может стать для любого языка временем расцвета. Восстановить свой статус и получить количественное и качественное развитие смогли в первую очередь языки, имевшие институциональную поддержку (со стороны государства или частного сектора). Однако правительственной поддержкой могут похвастаться менее 3% языков: статус официального (де-факто или де-юре) в какой-либо стране или регионе имеют от силы 100 языков.

Многие рекомендации и заявления встреч на высшем уровне, международных организаций, совещаний и т. д. предполагают множество действий в связи с представленностью языков в киберпространстве в целях содействия языковому разнообразию в обществе знания.

В октябре 2003 г. государства – члены ЮНЕСКО приняли «Рекомендацию о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству», подтвердив важность культур-

⁷⁸ *Гибсон М.* Языки исчезнувшие и исчезающие: как сохранить это наследие? // Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. С. 84–85.

ного разнообразия и подчеркнув ответственность ЮНЕСКО за его поддержку. Сегодня ЮНЕСКО отвечает за развитие многоязычного контента и систем, а также общедоступного контента, и содействует упрощению доступа к сетям и услугам. В соответствии с указанными выше рекомендациями были запланированы и проведены различные мероприятия, включая Всемирный саммит по вопросам информационного общества (ВСИО), Форум по управлению Интернетом (IGF) и Международный день родного языка.

На Всемирном саммите по вопросам информационного общества одним из приоритетов было названо культурное и языковое разнообразие в киберпространстве. Всемирный саммит по вопросам информационного общества (ВСИО) нацелен на построение многоязычного мира, в котором каждый язык, равно как и богатство содержащихся в нем культуры и знаний, имеет право на существование и уважение и вносит свой вклад в распространение знаний. Безусловно, такая цель требует мобилизации усилий отдельных граждан, организаций и правительств различных стран.

Перед международным сообществом стоит важнейшая задача по преодолению серьезных препятствий на пути превращения киберпространства в среду, отражающую многообразие существующих сегодня языков и культур. С этой целью в 2007 г. ЮНЕСКО при содействии Латинского союза и при интеллектуальной поддержке эксперта Марселя Дики-Кидири выпустило в свет издание «Как обеспечить присутствие языка в киберпространстве» в рамках серии публикаций программы ЮНЕСКО «Информация для всех», подготовленную в соответствии с рекомендацией «О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству» и призвана способствовать представлению новых языков в киберпространстве.

В практическом руководстве приводятся конкретные шаги, связанные как с чисто лингвистическими мерами, так и политическими и социально-культурными аспектами, определяемыми, к примеру, юридическими возможностями поддержки национальных систем образования. Как отмечает автор издания Марсель Дики-Кидири, необходимо ответить на основополагающий вопрос: что такое функционально ограниченный язык? Речь идет о языке, который не располагает в достаточной мере или не располагает вовсе теми важнейшими ресурсами, которыми обычно наделены наиболее крупные языки. В частности, речь идет о следующих ресурсах: стабильная орфография в определенной системе письменности, эталонная литература (грамматика, словари, произведения классиков), материалы массового распространения

(пресса, аудиозаписи, фильмы, песни и музыка), техническая и учебная литература (технические и научные публикации, дидактические работы, учебники), различные носители повседневной информации (афиши, объявления, корреспонденция, справки, руководства и т. д.), а также прочие средства передачи информации на языке. С точки зрения наличия человеческих ресурсов функционально ограниченный язык может превратиться в язык, которому грозит вымирание, если его употребление ограничено небольшим числом носителей. В таком случае для спасения языка необходимо при помощи всех доступных технических средств увеличить количество говорящих на нем людей⁷⁹.

На *первом* этапе следует произвести необходимые исследования по разработке языковых ресурсов, а именно: составить список фонем, разработать алфавит и орфографию, составить грамматику, словарь и сборник текстов. На *втором* этапе надо перейти к информационной обработке языка для идентификации и разработки совместимых информационных ресурсов, а именно: набор знаков, как минимум один комплект шрифтов, виртуальная клавиатура, программное обеспечение, с помощью которых можно произвести как лингвистический анализ языка, так и улучшить языковые ресурсы. На *третьем* этапе следует перейти к разработке культурных ресурсов и распределить их таким образом, чтобы они заняли свое место в киберпространстве. Необходимо записать и перевести в цифровой формат как можно большее количество текстовых, звуковых и иконографических данных и подготовить их для размещения в Интернете. Также необходимо создать консультативные элементы на сайте, такие как различные меню, навигационные инструменты и другие средства коммуникации между пользователем и компьютером. В отдельных случаях необходима локализация программ для повышения статуса данного языка до статуса рабочего языка и увеличения числа его информационных ресурсов. Наконец, необходимо создать сайт на функционально ограниченном языке, возможно, с использованием параллельного текста на более распространенном языке. В Интернете можно найти все необходимые средства для создания сайта, форума и локализации свободных программ. Получив свой сайт, форум, список адресов, систему IP, музыку, статичные изображения и видеоролики, язык может считаться рабочим в Интернет-пространстве.

⁷⁹ Дики-Кидири М. Как обеспечить присутствие языка в киберпространстве? М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества (МЦБС), 2007. С. 8–9.

Интернет-сайт – это лучшее средство для подтверждения присутствия языка в киберпространстве, поскольку его можно расширять до бесконечности, от персональной страницы до мультимедийного портала, предлагающего различные услуги. Перед тем как перейти к созданию сайта, надо принять в расчет следующие соображения. Сайт, созданный на функционально ограниченном языке, может быть прочитан только носителями этого языка. Ситуация усложняется тем, что такие носители языка не умеют писать и читать на своем языке. В таком случае сайт может подтолкнуть их к образованию. Если орфография функционально ограниченного языка была создана недавно, следует предусмотреть создание двуязычного сайта, на котором тексты будут дублироваться на функционально ограниченном языке и наиболее распространенном языке в регионе. В таком случае все команды навигации, кнопки и сообщения, предназначенные для посетителей сайта, нужно обязательно перевести на функционально ограниченный язык, чтобы *не превратить этот язык в курьезное дополнение*, а дать ему статус рабочего языка в Интернете.

Но чтобы он действительно был функциональным и мог жить своей жизнью, необходимо создать сообщество пользователей, которые смогут свободно с ним работать. Оказание помощи местным ассоциациям в деле развития таких сообществ – это вклад в расширение языкового и культурного многообразия киберпространства.

Существование сообщества компетентных пользователей, владеющих языком, совершенно необходимо для возрождения языка и его развития в киберпространстве. Действительно, если уж вы занимаетесь размещением языка в киберпространстве, необходимо позаботиться, чтобы он не просто существовал, а жил, развивался и использовался носителями, для которых этот язык и размещается в Сети. Соответственно, в первую очередь следует заняться образованием носителей функционально ограниченного языка, в особенности научить молодежь читать и писать на этом языке. Ведение делопроизводства и информационного обмена на функционально ограниченном языке должны сопровождаться его преподаванием если не в школе, то хотя бы в рамках расширенных программ повышения квалификации. Местные ассоциации, как правило, больше заинтересованы в подобных программах, чем *тяжеловесные национальные образовательные системы*. К сожалению, у местных организаций зачастую не хватает средств, и они не поль-

зуются чьей-либо поддержкой, в особенности если речь идет о развитии этнических языков. Отсюда следует, что *поддержка местных ассоциаций, занятых развитием языков с применением информационно-коммуникационных технологий, это прежде всего поддержка языкового и культурного многообразия в киберпространстве.*

Если носителей функционально ограниченного языка осталось совсем немного, необходимо увеличить их количество путем обучения этому языку молодежи любыми имеющимися средствами: с помощью культурных мероприятий, библиотек и культурных центров, если возможно – с помощью школьного обучения. Также необходимо поставить вопрос о восстановлении жизненного пространства языка. Чем больше язык преподается и ценится в обществе, тем больше на нем создается культурного контента, который можно разместить на веб-сайте. Нужно осознавать, что это потребует колоссальных усилий, значительных инвестиций, финансовых и человеческих ресурсов и упорной длительной работы. Культурные ассоциации могут вести активную политику, содействующую реабилитации исчезающего языка и поддержке растущего к нему интереса, *в частности, у представителей административных и политических властей.*

Описывая политические и социально-культурные аспекты присутствия языка в киберпространстве, автор руководства отмечает: «Помимо образовательных плюсов политика, направленная на поддержку языкового многообразия, может создать рабочие места в сфере переводов, редактуры учебников, в издательстве и организации различных форм досуга. Таким образом, языковое многообразие имеет экономическое значение, и развитие функционально ограниченных языков прямым образом влияет на экономическое благосостояние. Когда функционально ограниченный язык распространен по всей стране, его поддержка приобретает национальное значение. Деятельность в этом направлении должна стать частью национальной языковой политики, целью которой является поддержание местной самобытности и языкового разнообразия. Кроме того, такая политика должна уважать право носителя пользоваться родным языком, что является неотъемлемой частью основных прав человека»⁸⁰.

Развитие и использование многоязычия в киберпространстве в России в настоящее время нацелены отнюдь не на

⁸⁰ Дики-Кидири М. Указ. соч. С. 32–33.

смягчение языковых барьеров. Во всяком случае, это не является социально значимой проблемой для коренного населения России. Развитие местного цифрового контента и контента на языках народов России преследует другие важнейшие цели – расширение доступа к информации и знаниям, сохранение, изучение и популяризацию культурного наследия и языков народов России. Анализ действующего законодательства Российской Федерации показывает, что указанных аспектов непосредственно касается Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационные технологиях и о защите информации». В ст. 3 указанного закона в состав принципов, на которых основывается правовое регулирование отношений, возникающих в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, включен принцип равноправия языков народов Российской Федерации при создании информационных систем и их эксплуатации. В ст. 8 «Право на доступ к информации» определено, что государственные органы и органы местного самоуправления обязаны обеспечивать доступ к информации о своей деятельности на русском языке и государственном языке соответствующей республики в составе Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления. Лицо, желающее получить доступ к такой информации, не обязано обосновывать необходимость ее получения. Однако в настоящее время в правоприменительной практике еще имеются проблемы, связанные с обеспечением равноправного и широкого доступа к информационным сетям (к Интернету) и информации, способствующим развитию, сохранению и распространению информации на всех языках с использованием всех алфавитов. Тем не менее количество сайтов на языках народов России, создаваемых общественными и частными структурами при поддержке федеральных и региональных властей, фондов и корпораций, а также энтузиастами-одиночками, неуклонно возрастает. В российском Интернете можно найти даже каталоги ресурсов, представленных в киберпространстве на этих языках. Скорость, с которой наращиваются эти ресурсы и появляются новые, определяется скоростью продвижения Интернета в отдаленные от центра регионы и темпами обретения компьютерной грамотности гуманитарной интеллигенцией. Развиваются веб-страницы, посвященные научному изучению отдельных языков, появились веб-сайты на этих языках и первые национальные шрифты для

Интернета. Так, например, на сайте <http://peoples.org.ru/font.html> предлагаются наборы 25 национальных шрифтов для платформ Windows. Шрифты могут быть свободно распространены и модифицированы. Свои страницы в Интернете имеют многие факультеты, кафедры, институты, занимающиеся преподаванием и изучением языков народов России. С увеличением числа пользователей Интернета в России количество, качество и значение веб-сайтов на всех языках народов России, в том числе на языках малочисленных народов, неуклонно возрастает, и эта тенденция, безусловно, будет сохраняться. Но вопрос, способствует ли развитие Интернета и информационных ресурсов на языках малых народов России сохранению этих языков, или оно приведет к дальнейшему сокращению их функций, пока остается без однозначного ответа⁸¹.

В то время как несколько крупных языков общения могут гордиться достойной представленностью в Сети, большинство других присутствует в нем чисто символически – им посвящено в буквальном смысле несколько веб-страниц. Разностороннюю роль по отношению к российскому культурно-языковому разнообразию выполняет Википедия. «...в Интернете присутствует авторитетный ресурс, который помимо прочих свойств может играть диагностическую роль с точки зрения сетевого присутствия миноритарного языка. ...Как можно судить по сетевым высказываниям представителей миноритарных языковых сообществ, Википедия является для них престижной формой репрезентации языка»⁸². В качестве примера могут быть рассмотрено присутствие финно-угорских языков с точки зрения таких показателей, как дата основания Википедии, количество статей, файлов, страниц, зарегистрированных участников и т. д.

⁸¹ Доклад Российской Федерации Генеральной конференции ЮНЕСКО «О мерах реализации Рекомендации “О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству”» // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт: Сборник аналитических материалов / Сост.: Е.И. Кузьмин, Е.В. Пялс. М.: МЦБС, 2008. С. 38–39.

⁸² Орехов Б., Решетников К. Государственные языки России в Википедии: к вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 265, 272.

Таблица 14

Финно-угорские Википедии
(статистические данные по материалам соответствующих страниц)

№	Язык	Алфавит	Основана	Количество статей	Число файлов	Число страниц	Число правок	Число зарегистрированных участников	Число активных участников	Число администраторов	Глубина
1	Венгерская ВП	латиница	8 июля 2003	435 286	21 264	1 263 703	20 236 438	388 664	1562	29	58
2	Вепсская ВП	латиница	17 ноября 2011	5755	нет	19 476	106 572	10 046	19	нет	31,1
3	Водская ВП	латиница	инкубатор	23	–	–	–	–	–	–	–
4	Горномарийская ВП	кириллица	17 октября 2010	10 268	нет	15 559	94 041	7645	13	нет	1,6
5	Ижорская ВП	латиница	инкубатор	81	–	–	–	–	–	–	–
6	Карельская ВП	латиница	инкубатор	Более 1500	–	–	–	–	–	–	–
7	Кильдинская саамская ВП	кириллица	инкубатор	59	–	–	–	–	–	–	–
8	Коми-зырянская ВП	кириллица	29 августа 2004	5292	нет	13 472	131 590	9837	11	нет	23,3

9	Коми-пермяцкая ВП	кириллица	19 октября 2010	3449	нет	8034	54 739	5894	9	нет	12
10	Ливвиковская ВП	латиница	6 октября 2016	Более 1500	-	-	-	-	-	-	-
11	Ливская ВП	латиница	инкубатор	745	-	-	-	-	-	-	-
12	Лугово-марийская ВП	кириллица	9 июля 2009	10 017	нет	23 192	170 913	9776	19	нет	12,7
13	Мансийская ВП	кириллица	инкубатор	1	-	-	-	-	-	-	-
14	Мокшанская ВП	кириллица	Май 2008	1185	-	-	-	-	-	-	-
15	Терская саамская ВП (Йоканьгско-саамская ВП)	латиница	инкубатор	19	-	-	-	-	-	-	-
16	Удмуртская ВП	кириллица	Октябрь 2005	4492	9	12 837	110 412	9963	7	4	29,7
17	Финская ВП	латиница	2002-02-21	442 688	54 448	1 195 663	17 450 562	391 000	1553	36	42,2
18	Хантыйская ВП	кириллица	инкубатор	2	-	-	-	-	-	-	-
19	Эрзянская ВП	кириллица	Май 2008	5335	нет	12 710	106 230	8399	21	2	16
20	Эстонская	латиница	24 июля 2002	179 436	2484	445 566	5 085 385	117 305	377	33	25
21	Нганасанская ВП	кириллица	инкубатор	14	-	-	-	-	-	-	-
22	Ненецкая ВП	кириллица	инкубатор	65	-	-	-	-	-	-	-
23	Селькупская ВП	кириллица	инкубатор	2	-	-	-	-	-	-	-

Использование Википедии как надежного плацдарма для поддержки языка в Интернете скорее является вторичным по отношению к уже сформировавшейся ситуации, нежели обуславливает ее.

Поскольку ключевую роль в соотношении сил различных языков играет коммуникация, в век информации темпы их вымирания неизбежно ускоряются, так как индустрия ИКТ продвигает более оснащенные или более «престижные» языки в ущерб другим. Чем менее значимым (с точки зрения носителей) является язык, тем меньше он используется и тем быстрее теряет ценность. Сохранение языка обеспечивается его использованием в профессиональной, административной, образовательной и правовой сфере, ведь носители, вынужденные говорить на различных языках в зависимости от контекста, постепенно отдадут предпочтение языку с максимально широким спектром применения. Исследования основных международных языков общения указывают на то, что в первую очередь продуктивность языка в киберпространстве связана с числом говорящих на нем интернет-пользователей и уровнем их компьютерной грамотности.

Большинство статистических данных по использованию языков в Сети относятся всего к нескольким десяткам языков и никогда не учитывают языки стран Африки, Америки и Океании. Число пользователей/носителей других языков столь незначительно, что они даже не упоминаются, и это обстоятельство мешает дать адекватную и достоверную оценку продуктивности. Не решена проблема отсутствия показателей, необходимых для измерения лингвистического разнообразия онлайн, в частности – отсутствия детальной информации о пользователях. Многие пользователи прибегают к доминирующим языкам в силу того, что их собственный язык недостаточно оснащен, чтобы проникнуть в Интернет, или просто не имеет для них большой ценности.

Барьер, который ограничивает присутствие в киберпространстве 95% языков мира (а именно отсутствие письменности или слабая приспособленность языка к использованию ИКТ), гипотетически может быть преодолен. Для этого, конечно, в первую очередь необходимы модифицированные компьютеры и высокоскоростное соединение. Однако важнее всего, чтобы целевая аудитория освоила технологии, дабы самостоятельно разрабатывать соответствующий инструментарий. Доступ к ИКТ – это еще не все. Технологии должны осваиваться, а технические, культурные и финансовые препятствия устраняться.

Языковое разнообразие планеты по большей части не находит отражения в киберпространстве. Интернет может либо дать исчезающим языкам второй шанс... либо окончательно уничтожить их. Очень важно создать такие инструменты, которые обеспечат сохранение языкового разнообразия в XXI в., прежде всего за счет киберпространства. В обществе знания язык обесценивается для носителей, если они не могут использовать его для получения знаний. Иными словами, если *язык отсутствует в киберпространстве, носители его, вероятно всего, будут использовать другие языки.*

Контрольные вопросы

1. В чем заключаются основные возможности и угрозы лингвистическому разнообразию в киберпространстве?
2. Каковы основные статистические характеристики представленности наиболее распространенных языков в интернет-пространстве?
3. В чем могут заключаться конкретные шаги участников языковой политики, направленные на представленность тех или иных языков в цифровом мире?
4. Сформулируйте ваше понимание «цифрового языкового разрыва» и «цифрового языкового неравенства».
5. Прокомментируйте таблицу о финно-угорских Википедиях, представленную в данной главе. Соотнесите данные таблицы с численностью носителей языков по данным переписи 2010 г. и статусом языка в «финно-угорских» республиках России.
6. Способствует ли развитие Интернета на языках народов России сохранению этих языков?

Список литературы

- Дики-Кидири М.* Как обеспечить присутствие языка в киберпространстве? М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества (МЦБС), 2007. С. 32–33.
- Орехов Б., Решетников К.* Государственные языки России в Википедии: к вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 263–281.

Глава 7

Рекомендация ЮНЕСКО «О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству». [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifapcom.ru/files/publications/yaz_gaznoobr_sb.pdf (дата обращения).

Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. Сборник аналитических материалов / Сост.: Е.И. Кузьмин, Е.В. Пляс. М.: МЦБС, 2008. 218 с.

Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. 464 с.

Глава 8

Языковые аспекты миграционной политики Российской Федерации

Управление миграционными процессами в нашей стране составляет одно из ключевых стратегических направлений государственной политики. Это связано с необходимостью решения совокупности стратегически важных задач развития Российской Федерации, в том числе – в социокультурных и национально-языковых областях.

В «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622)⁸³ говорится, что «целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения национальной безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода».

Миграция – это один из составных элементов общепланетарных международных процессов современности, включающий перемещение многомиллионных человеческих «потоков» в самых разных формах и ставший неотъемлемой частью сложного феномена, который по установившейся привычке называют глобализацией. Вектор таких потоков имеет направленность от мирового «юга» – к мировому «северу». Говоря по-другому, источник миграции – это чаще всего менее развитые в социально-экономическом отношении зоны мировой системы, часто охваченные жесточайшими кризисами и подверженные гуманитарным катастрофам, войнам и другим бедствиям. Направленность таких

⁸³ Далее – «Концепция–2018».

передвижений – это более развитые и благополучные страны. Это явление представляет собой в высшей степени сложный клубок противоречий как социального и политического порядка, так и культурного и психологического плана. Такая противоречивость связана с тем, что приток огромного числа иностранцев означает ресурс для развития принимающего общества, но несет с собой громадное количество рисков.

Рис. 3. Число беженцев и международных мигрантов в 2000–2015 гг.

Рассмотрим тенденции, которые определяют динамику миграционных процессов в России. В Концепции–2018 характеризуется положение в этой области через анализ конкретных данных:

- названные тенденции обусловлены экономическими и социальными факторами;
- миграционная привлекательность Российской Федерации связана с ее устойчивым социально-экономическим положением, сохранением исторических и культурных связей, продолжающих объединять народы СНГ, с взаимными безвизовыми поездками, с учреждением Евразийского экономического союза;

- интенсивность внутренней миграции в стране за 2012–2017 гг. увеличилась на 10%, характеризуясь оттоком населения в Центральный, Северо-Западный и Юго-Западный регионы России, когда львиная доля потоков переселенцев приходится на городские агломерации в Москве, Санкт-Петербурге и на Краснодарский край;
- в 2012–2017 гг. приток мигрантов компенсировал естественную убыль населения и пополнил трудовые ресурсы для национальной экономики;
- в гражданство Российской Федерации принято более 1 млн человек (из которых – более полумиллиона воспользовались возможностями, предоставленными госпрограммой по оказанию содействия добровольному переселению в страну соотечественников, проживающих за рубежом);
- суммарный миграционный прирост составил 1,6 млн человек, а среднегодовая численность трудящихся мигрантов составляла около 3 млн человек;
- на территории России ежегодно пребывает около 10 млн иностранных граждан.

По данным, приводимым МВД РФ в январе–мае 2019 г., миграционный прирост по международной линии составил 115 502 человека (или – 19 человек на 10 тыс. населения). В этом приросте 101 939 человек приходится на прибывших из стран СНГ, а 13 563 человека – из стран дальнего зарубежья.

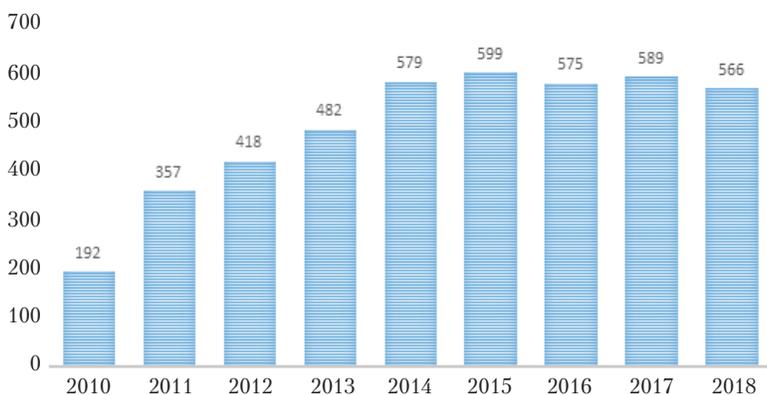

Рис. 4. Число прибывших иностранцев в Россию в 2010–2018 гг., тыс. человек

Рис. 5. Структура миграционного потока в Россию по странам в 2018 г.

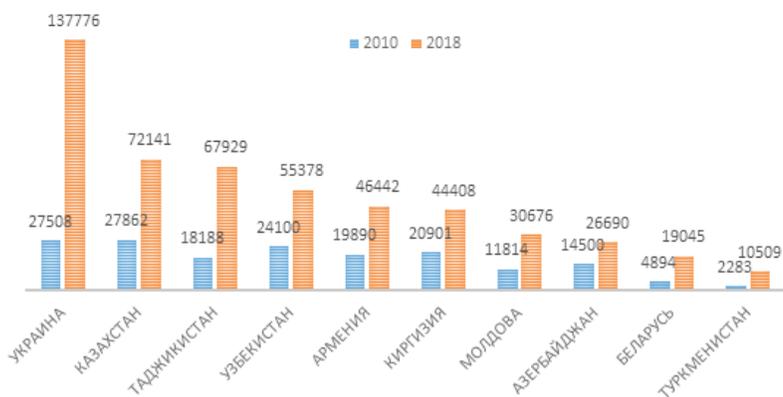

Рис. 6. Число прибывших в Россию из некоторых стран в 2010 и 2018 гг.

Источник: /media/id/5cd9b822da97b800b4826c76/otkuda-v-rossii-migranty-5d8a5b519515ee00ac77b3bc

В тех зонах мира, в которые главным образом устремляются все новые и новые волны прибывающих чужестранцев (пополняющих при этом и без того многочисленные диаспоры), во много раз усложняется весь ландшафт культурно-лингвистического многообразия. Как правило, это затрагивает крупные европейские мегаполисы.

«Россия входит в число крупнейших иммиграционных стран, наряду с США, Германией, Францией, Канадой и другими активно принимаая мигрантов, – отмечают российские исследователи. – Мировая практика показывает, что по разным причинам – экономическим, социальным, политическим – мигранты в основном оседают в крупнейших городах. Так, в Нью-Йорке или Торонто иммигранты в первом поколении составляют от 30% до 50% населения. По статистике, в Москве сосредоточено около 30% приезжающих в Россию иностранных работников, что в зависимости от сезона составляет 10–20% населения Москвы. Причем 2/3 трудового потока – миграция из стран СНГ. Следует отметить, что существенная часть мигрантов остается на нелегальном положении»⁸⁴.

Автор статьи «Общины против общества в Европе» Кеннан Малик пишет, например, что массовая иммиграция трансформировала европейское общество, сделав его куда менее однородным. В определенной степени тезис кажется очевидным. Сегодня Германия – второе по популярности направление иммиграции в мире после США. По данным 2013 г., свыше 10 млн. человек, или чуть более 12% населения Германии, родились за границей. В Австрии этот показатель составляет 16%, в Швеции – 15%, во Франции и Великобритании – около 12%. «До недавнего времени германское гражданство базировалось на принципе крови, т. е. человек мог получить гражданство, если его родители являлись гражданами Германии, – пишет далее автор. – Этот принцип лишал паспортов не только первое поколение иммигрантов, но и родившихся в Германии их детей. В 1999 г. новый закон облегчил получение гражданства иммигрантами. Тем не менее большинство турок остаются чужаками. Из трех миллионов человек турецкого происхождения, живущих в Германии, лишь около 800 тыс. смогли получить гражданство.

Вместо того чтобы принять иммигрантов как равных, так называемая “турецкая проблема” решалась посредством политики

⁸⁴ *Барышева Ю.* Как поговорить с мигрантом // «Наука». Приложение № 54 от 30.11.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3813198> (дата обращения).

мультикультурализма. Начиная с 1980-х годов правительство поощряло сохранение турецкими иммигрантами своей культуры, языка и образа жизни. Эта политика не подразумевала уважения к многообразию, а скорее являлась удобным способом избежать ответа на вопрос, как создать общую, инклюзивную культуру. И ее главным следствием стало возникновение параллельных общин»⁸⁵.

Концепция и политический курс, обозначаемые термином «мультикультурализм», зарождались как отражение этнического, расового, религиозного, языкового разнообразия в Швейцарии, Канаде, Австралии, Индии первоначально в определенном смысле словом варианте. Иными словами, здесь отражалось стремление властей какими-то идеологическими и правовыми инструментами закрепить гарантии плюралистического культурного устройства своих стран, гарантировать группам меньшинств сохранение их идентичности (в том числе этноязыковой). Эти меньшинства предполагалось защитить от всех форм дискриминации и угрозы ксенофобии со стороны большинства.

Идейный замысел и политическая практика в этой области в своих ранних очертаниях увязывались с межэтническими отношениями, участниками которых были этнокультурные и этноязыковые группы старожильческого (по другой терминологии – автохтонного) типа. Такие группы, часто именуемые, в том числе, коренными народами, могли веками соседствовать с мажоритарными сообществами на своей родине. Однако на исходе XX столетия акценты в понимании природы культурного разнообразия стали переноситься на миграционные аспекты, на проблематику присутствия пришлых инокультурных элементов среди жителей страны. Отношение к таким группам в контексте мультикультурализма выстраивалось в том духе, что это не какие-то специфические «вкрапления» в общественную систему, а их «юридическое полноправие, равенство их статуса с представителями большинства»⁸⁶. Права меньшинств вошли в предметное поле юридического закрепления в корпусе международных нормативных документов.

⁸⁵ См.: Foreign Affairs. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Krakh-multikulturalizma-17450> (дата обращения).

⁸⁶ *Пайн Э.* Управление культурным разнообразием. Исторические модели и современная практика регулирования этнополитических отношений // Дружба народов. 2018. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/authors/p/pain> (дата обращения).

Споры вокруг мультикультурализма стали обостряться под воздействием сложной совокупности социально-экономических, политических и культурно-психологических факторов. К числу таковых относятся изменения конъюнктуры рынка труда, конкуренция за рабочие места, технологические изменения в производственно-экономических укладах, углубление неравенства в условиях труда и жизни и, наконец, миграционные кризисы или «напор» неконтролируемых демографических «волн» (часто нелегального характера), усугубление криминальной обстановки и террористических угроз, радикализация противостояния на религиозной почве. Одна из ключевых сторон в этих дискуссиях и идейно-политических столкновениях – коллизия между потребностями в консолидации гражданской (общенациональной) идентичности и сохраняющейся культурной отличительностью сообществ мигрантов. Некоторые из таких сообществ в странах Западной Европы демонстративно выражают свое нежелание интегрироваться в культурную систему принимающих обществ. В начале 2010-х годов последовала серия громких высказываний лидеров западноевропейских государств – Испании, Франции, ФРГ, Великобритании – о кризисе и даже крахе мультикультурализма. Смысл этих высказываний выражался в том, что такая политика на деле поощряет сохранение культурной разрозненности, «раскалывает общество» (испанский премьер-министр Х.-М. Аснар). Президент Франции Н. Саркози заявлял в 2011 г.: «Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным». Премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон тогда же особо подчеркнул, что озабоченность вызывает не само по себе культурное разнообразие в каждой отдельной стране, а отсутствие у «новых британцев» стремления приобщиться к общей гражданской – коллективной – идентичности, значительно большую доминирующую роль по сравнению с которой сохраняет за собой, к примеру, исламская идентичность⁸⁷.

Современные подходы к стратегическому планированию в различных сферах общественных отношений в Российской Федерации, строящиеся прежде всего на национальных интересах, учитывают в то же время и опыт других стран. Миграционная политика концептуально разрабатывается в системной увязке с другими направлениями – с политикой в области социально-эко-

⁸⁷ Цит. по: *Пайн Э.* Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/authors/p/pain> (дата обращения).

номического развития и национальной безопасности, с политикой внешней, региональной, национальной (связанной с межэтническими отношениями), демографической, молодежной, культурной, образовательной. В этой системе свое место принадлежит также и языковой политике, регулированию языкового устройства российского общества и национально-языковых отношений.

Ключевые установки и стратегические приоритеты, определяющие сложную совокупность мер, реализуемых органами государственной и муниципальных властей, институтами гражданского общества, состоят в укреплении межнационального согласия, единства российского общества, в поддержании этнокультурного и языкового многообразия. Как указано в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666, с изменениями на 6 декабря 2018 г.), одним из приоритетов государственной национальной политики является «создание дополнительных социально-экономических, политических и культурных условий для улучшения социального благополучия граждан, обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия в Российской Федерации, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом населения, а также на приграничных территориях Российской Федерации».

В этом документе особым образом акцентируется, что Россия сегодня – это одно из крупнейших полиэтнических государств мира. Следовательно, культурно-языковое многообразие не является чем-то новым для нашего общества. Оно генетически обладало такими социокультурными характеристиками. «Российское государство, – как подчеркивается в документе, – создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм». Идейная квинтэссенция и смысловой стержень рассматриваемой стратегии заключается в положении: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское

общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру».

Логика этих стратегических формул и ориентиров выстроена таким образом, что постулаты мультикультурализма – выдвижение на вершину нормативно-ценностной пирамиды плюралистических принципов общественно-культурного устройства – какой бы то ни было конструктивной роли с точки зрения российских национальных интересов не выполняют. Речь не идет при этом о противопоставлении интересов большинства интересам меньшинства или о формальном провозглашении равноправности любых мыслимых групп (которая фактически нигде не проводится в реальной социокультурной ситуации различных стран). Напротив, и дух и буква Стратегии государственной национальной политики нацелены на интеграцию российского общества и на незаменимую созидательную системообразующую роль русской культуры и русского языка. Культурно-языковое многообразие, в то же время, – органическая составная часть единого цивилизационного кода.

Разумеется, содержание этих морально-политических формул само по себе не разрешает сложных проблемных узлов и не устраняет автоматически существующих рисков и противоречий.

В корпусе официальных документов, регулирующих систему подходов и практических действий в сферах национальной, миграционной и языковой политики, отмечаются некоторые из таких вызовов и угрожающих тенденций.

В практическом плане констатируется, что помимо незаконной миграции на точках потенциальной и актуальной напряженности могут отрицательно отражаться такие моменты, как «несовершенство действующей системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество, формирование замкнутых этнических анклавов».

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в качестве одного из основных направлений выделяет действия в сфере обеспечения условий для социальной и культурной адаптации иностранных граждан, их интеграции в российское общество, среди которых выделены:

- создание экономических и социальных условий для добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом;
- содействие созданию и расширению в государствах постоянного проживания иностранных граждан условий для изучения русского языка, истории и культуры России и основ законодательства Российской Федерации;
- недопущение социальной и территориальной изоляции иностранных граждан в Российской Федерации, устранение способствующих этому условий.

Таблица 15

Изменение численности иностранных школьников
из бывших советских республик,
обучавшихся в школах г. Москвы, человек

Страны происхождения	Учебные годы		Изменения
	2006/2007	2014/2015	
1. Украина	4305	4907	+602
2. Кыргызстан	698	3128	+2430
3. Азербайджан	5315	2912	-2403
4. Таджикистан	1192	2769	+1577
5. Молдова (включая Приднестровье)	1815	2739	+924
6. Армения	4671	2186	-2220
7. Узбекистан	1491	2186	+695
8. Беларусь	1193	896	-297
9. Грузия	2015	727	-1288
10. Казахстан	627	481	-146
11. Туркменистан	415	114	-301
12. Латвия	67	58	-9
13. Литва	67	50	-17
14. Абхазия	–	37	
15. Эстония	16	23	+7
16. Южная Осетия	–	6	–
Всего	23 887	23 487	-400

Таблица 16

Страны дальнего зарубежья –
лидеры по числу своих граждан – учащихся школ г. Москвы
в 2014/2015 учебном году

Страны	Число учащихся, человек
1. Вьетнам	689
2. Афганистан	157
3. Израиль	151
4. Сербия	83
5. Сирия	75
6. Китай	70
7. Турция	54
8. Южная Корея	53
9. США	40
10–11. Болгария	33
10–11. Франция	33
12. Германия	32
13. Словения	27
14. КНДР	26
15. Польша	25

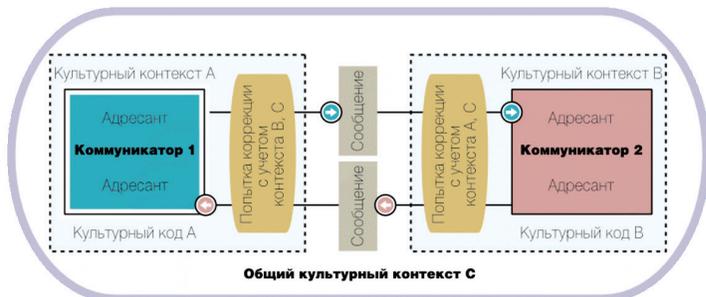
Источник: Арефьев А.Л. Социология языка. Национальные и иностранные языки в системе образования. М.: Юрайт, 2018. С. 48–49.

Исследователи особенно отмечают, что задачи языковой адаптации мигрантов и детей из их семей представляют собой чувствительную область деятельности, которая предполагает участие большого числа специалистов и весьма деликатных подходов. Культуролог Ю. Барышева, например, начинает свою статью с характеристики миграционной ситуации. С января по сентябрь 2018 г. на миграционный учет в России поставлены 13,6 млн человек. По данным общественной организации «Федерация мигрантов России», больше всего мигрантов за этот период прибыло из Узбекистана – 3,4 млн человек (из них для работы 1 573 791). Второе место занял Таджикистан (1 745 554 и 790 116 соответственно), а третье – Украина, откуда с целью трудоустройства приехали

347 272 человек. Больше всего трудовых мигрантов (в порядке убывания) принимает Москва, Санкт-Петербург и Ленинградская, Московская и Свердловская области. Автор подчеркивает, что для предотвращения их маргинализации и сегрегации необходима социокультурная адаптация. «Значительная часть мигрантов старшего поколения – бывшие граждане СССР. Они прошли социализацию в советской школе, имеют сходные параметры социализации с принимающим российским населением и свободно владеют русским языком. Однако, по оценкам экспертов, в последние полтора десятилетия в Москве фиксируется тенденция к увеличению потока молодежи – трудовых мигрантов из сельских регионов постсоветского пространства, социализировавшихся в других условиях и не владеющих или плохо владеющих русским языком». Австрийский социолог Альфред Шюц, продолжает Ю. Барышева, приравнивал освоение мигрантами иной культуры как области социальной практики к изучению иностранного языка. При этом он указывал на неизбежность смысловых ошибок, обусловленных попытками соотносить новое содержание с уже имеющимся социокультурным опытом. Социальное взаимодействие – это коммуникация, участники которой непрерывно отслеживают ответную реакцию на свое сообщение и реагируют в зависимости от собственного понимания этой реакции. И процесс, и результат коммуникации напрямую зависят от того, насколько адекватно участники понимают не только разговорный язык друг друга (здесь очевидна затрудненность или невозможность коммуникации, если мигранты плохо владеют или вовсе не владеют разговорным языком принимающего сообщества), но и знаково-символический язык в конкретном культурном контексте. Ученый-культуролог в своем анализе специально подчеркивает: знаково-символический язык не менее сложен для усвоения, чем иностранный: он усваивается на практике, невербально, и не имеет прописанных правил. Для адекватной социокультурной адаптации мигрантов в пространство мегаполиса необходимо освоение нового культурного опыта в практической ситуации взаимодействия норм поведения, языка коммуникации и т. д.

Овладение государственным (русским) языком, по мнению культуролога, – это базовое необходимое условие для включения в сообщество и выхода за пределы собственной миграционной субкультуры. Организация и расширение бесплатных и доступных групп изучения русского языка при московских школах, вузах и других образовательных организациях для взрослых и детей, слабо владеющих русским языком, должны стать одной из стратегических задач социальной и культурной политики по интеграции мигрантов.

ОБЩИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Рис. 7. Факторы, способствующие социокультурной адаптации мигрантов

Источник: Барышева Ю. Как поговорить с мигрантом // «Наука». Приложение № 54 от 30.11.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3813198>.

Языковая адаптация различных категорий мигрантов к российской коммуникационной среде имеет важное значение не только для интеграции «новых соотечественников» в культурную систему нашей страны. Как разъясняют ученые, усилия в этом направлении лежат в русле так называемой внешней языковой политики. «Подтверждение знания русского языка мигрантами можно рассматривать в качестве меры по популяризации государственного языка РФ, также, безусловно, это мера защиты отечественных экономики и общества от замкнутых этнических анклавов, – пишет на этот предмет А. Айрапетян. – Принятые решения (речь идет о введении обязательного экзамена по русскому языку для приобретения или продления мигрантского статуса. – *Авт.*) призваны не только интегрировать трудовых мигрантов в российское общество, но могут иметь и положительные для России внешнеполитические результаты. Не все иностранные граждане, осуществляющие трудовую деятельность в нашей стране, желают или могут остаться в России. Изучив русский язык и (или) усовершенствовав его знания, в стране своего гражданства они пополняют количество русскоязычного населения, чем способствуют укреплению позиций русского языка за пределами Российской Федерации, особенно если речь идет о гражданах зарубежных стран СНГ»⁸⁸.

Адаптация новых поколений мигрантов к российским культурно-языковым реалиям во многом происходит за счет гуманитарных усилий педагогов-энтузиастов и самоотверженной работы волонтеров – представителей гражданского общества, партнерство с которыми, как записано в официальных документах о государственной миграционной политике, является непременным условием успешности в этой сложнейшей области.

О том, насколько непростой бывает миссия учителей-подвижников, речь идет в одной из журнальных публикаций «Инофоны, билингвы и другие. Как дети мигрантов и российская школа меняют друг друга». Система инклюзивного образования, как можно убедиться, читая этот материал, не сможет быть внедрена в российское образование усилиями, организуемыми «сверху» или по каким-то формальным приказам. «Как-то я пришла на немецкий. Сидят в классе – считайте: молдаванин, узбек, таджик,

⁸⁸ Айрапетян А. Язык как инструмент миграционной политики Российской Федерации в условиях евразийской интеграции. [Электронный ресурс]. URL: [http:// russiancouncil.ru/blogs/armen-ayrapetyan/31332/](http://russiancouncil.ru/blogs/armen-ayrapetyan/31332/) (дата обращения).

цыган, армянин. Русские, само собой. Классная руководительница у них армянка, а немецкий ведет украинка. Круто же?» – говорит Жанна Рюмина, директор школы № 3 Переславль-Залесского, небольшого, меньше сорока тысяч всего населения, города на юге Ярославской области. В школе учатся 387 человек. Примерно пятая часть – дети из семей мигрантов. Всего семнадцать национальностей. Преподаватели определили для себя три вида учеников: обрусевшие, кто родился в России – практически билингвы; кто владеет русским немного и кто не говорит вовсе – инофоны. Другой пример, приведенный в этой же статье, – подмосковная школа № 31 в городе Изумрудном. В классе, о котором идет рассказ, 30 человек, из которых только четверо русских, остальные – дети мигрантов. В пятом классе ученикам задавали повторять алфавит. Анна Тер-Саакова – бывший директор Интеграционного центра для детей беженцев и мигрантов «Такие же дети» – комментирует ситуацию в этой подмосковной школе: «Учителя на самом деле разочарованы уровнем русского у русскоязычных детей... Дети мигрантов часто мотивированы, а местные, особенно в депрессивных районах, – нет»⁸⁹.

В России пока нет государственных интеграционных и адаптационных программ:

- в школах не проводятся уроки по русскому языку как иностранному;
- у учителей нет эффективных методик преподавания;
- нет точных сведений о том, какое количество детей беженцев и мигрантов исключено из системы школьного образования по различным причинам. Самые частые – незнание русского языка и отсутствие регистрации⁹⁰.

Вопрос об этнолингвистических (социолнгвистических, культурно-языковых аспектах) функционирования диаспоральных структур в современных российских условиях относится к числу дискуссионных и не имеющих очевидных решений.

С одной стороны, сохранение языковой лояльности к своему этническому сообществу, воспроизводство духовно-культурных оснований, характерных для страны происхождения, поддержание коммуникативных сетей с исторической Родиной и соотечественниками – все это относится к важнейшим функциям диаспоры.

⁸⁹ Русский репортер. 2019. № 21. 4–25 нояб.

⁹⁰ Интернет-портал «Такие же дети». [Электронный ресурс]. URL: <http://kidsarekids-center.com/> (дата обращения).

С другой стороны, тенденция утраты языковых компетенций (особенно в условиях миграции на постоянное место жительства, действий долговременных факторов аккультурации, в том числе в межпоколенческой перспективе) не блокирует полностью функционирования самих диаспор. Этнокультурная и этнолингвистическая идентичность может вытесняться в сферы бытовой, символической или ритуальной репрезентации.

В регуляторной среде культурного многообразия и многоязычия в современной России противоречивым образом взаимодействуют политико-правовые и социально-коммуникативные измерения языковых ситуаций и языковых процессов различного уровня (федерального, регионального, локального).

Стратегически декларированы цели сохранения и развития этнокультурного многообразия, языков народов России, принципы, не допускающие дискриминацию (равенство прав гарантировано всем, независимо от расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, а также от других обстоятельств). Однако установки на соблюдение прав, ориентированных на ТОЛЕРАНТНОСТЬ, не всегда гармонично сочетаются с установками на соблюдение прав, ориентированных на ПРОДВИЖЕНИЕ (т. е. на институциональное закрепление или официальное признание групповых прав *любых* этнолингвистических сообществ).

Переселение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию – этот ресурс увеличения численности населения и источник накопления человеческого капитала – сталкивается с таким неблагоприятным фактором, как низкий уровень знания русского языка мигрантами новых поколений из стран СНГ вследствие проводимой там языковой политики, основанной на упрочении господствующего положения государственных языков в образовательной системе. В этом контексте установки на коммуникативно-языковую адаптацию вновь прибывающих мигрантов к требованиям рынка труда и на их интеграцию в принимающее сообщество **ОБЪЕКТИВНО ВСТУПАЮТ** в коллизию с установками на удовлетворение интересов, запросов и потребностей мигрантов с точки зрения воспроизводства их этнокультурной идентичности.

Принципиальные установки государственной миграционной политики РФ приоритетное значение отводят задачам обучения мигрантов русскому языку – первостепенному средству инклюзии (адаптации и интеграции мигрантов), в том числе «путем формирования соответствующей инфраструктуры в странах

их происхождения», в том числе – культурно-адаптационных центров»⁹¹. При этом одна из задач, связанных с конструктивным взаимодействием между мигрантами и принимающим сообществом, – это «противодействие социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов»⁹².

Вместе с тем цели повышения миграционной привлекательности РФ, присутствие в стране временных трудовых мигрантов и других категорий приезжающих, а также гуманитарные обязательства по отношению к вынужденным мигрантам потребуют в перспективе *расширения инфраструктуры языковых услуг при предоставлении публичных благ в коммуникационно-языковых сферах со стороны институтов управления и соответствующих ведомств, отвечающих за взаимодействие с мигрантами.*

Одна из регламентируемых областей языковой политики – система образования. Для данной сферы характерны разнонаправленные тенденции, происходящие под воздействием сложного комплекса факторов внутреннего и внешнего, объективного и субъективного характера. Согласно официальным данным на 2012 г., «в Российской Федерации используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 89 языков, из них 30 в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета обучения»⁹³. Само по себе – это впечатляющее достижение в области осуществления принципов плюрализма в языковой политике.

В середине 2000-х годов в системе образования функционировали также и «диаспоральные» (так называемые «нетитульные») родные языки – и в качестве средства обучения, и в качестве учебных предметов – азербайджанский, армянский, грузинский, казахский, корейский, латышский, литовский, немецкий, новогреческий, польский, турецкий, туркменский, украинский, финский, эстонский, китайский, греческий (с числом обучающихся – от нескольких десятков до нескольких тысяч).

С другой стороны, в 2007 г. были приняты решения, отменяющие национально-региональные «компоненты» образовательных

⁹¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г.).

⁹² Там же.

⁹³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

стандартов в целях консолидации единого образовательного пространства. В 2008 г. была принята норма, согласно которой Единый государственный экзамен проводится исключительно на русском языке.

Объективно эти меры приводят к свертыванию языкового многообразия в системе образования. В 2015/2016 уч. г. доля детей, изучавших языки народов России (кроме русского), составляла: как средство обучения – 1%, как предмет – 11%. Среди 26 языков народов России помимо азербайджанского языка «диаспоральные» (нетитульные) языки в качестве средства обучения уже не использовались.

В августе 2018 г. были приняты поправки в закон «Об образовании», согласно которым школьники и родители получили *право выбирать язык для изучения в качестве родного*, в том числе и русский язык.

Система организационного и методического планирования практики изучения родных языков еще находится в стадии начального конструирования в новых институциональных и нормативных условиях. Концепция изучения родных языков как доктринальный документ находится в стадии разработки.

Не исключено, что в меняющейся миграционной ситуации (особенно в мегаполисах, где значительно количество постоянно прибывающих мигрантов) возникнут запросы на изучение «диаспоральных» языков в качестве родных (в рамках возможностей, предоставляемых системой образования).

В прессе, например, сообщалось, что глава комитета верхней палаты парламента Таджикистана по социальным вопросам, науке, образованию и культуре Форход Рахим попросил российские власти содействовать появлению в Москве школы с обучением на таджикском языке. В столице и Подмоскowie проживают 300 тыс. граждан и уроженцев Таджикистана. Однако российские официальные представители отметили, что такую школу «быстро построить и открыть не получится», и решение, скорее, может быть связано с открытием воскресных школ и «созданием отдельных классов»⁹⁴.

По-видимому, наиболее перспективным направлением, на котором возможно активизировать ресурсы для удовлетворения культурно-языковых потребностей и запросов мигрантских сообществ и диаспор в РФ, можно расценивать нормативные предпосылки российского Закона «О национально-культурной

⁹⁴ Аргументы и факты. 2018. 20 окт.

автономии» (№ 74-ФЗ, утв. Президентом РФ 17 июня 1996 г.). В этом законе получили развитие конституционные гарантии права граждан на сохранение, развитие национального (родного) языка, свободу выбора и использования языка общения, воспитания и обучения.

Институтам национально-культурной автономии (НКА) Закон предоставляет право создавать ЧАСТНЫЕ дошкольные образовательные организации и группы, частные общеобразовательные организации и организации высшего образования, обучение в которых ведется на национальном (родном) языке (ст. 11). Государственные и муниципальные органы власти «с учетом предложений НКА в конкретных условиях региона создают государственные образовательные организации с обучением на национальном (родном) языке, на русском языке с углубленным изучением национального (родного) языка, национальной истории и культуры, а также дополнительного образования (воскресные школы, факультативы, культурно-образовательные центры и другие образовательные организации) для изучения и пропаганды национальных (родных) языков и национальных культур» (в ред., введенной в действие с 1 сентября 2013 г. ФЗ от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ).

Россия – страна, отличающаяся беспрецедентным (по европейским меркам) этноязыковым многообразием. Согласно официальным данным, в стране используется 277 языков и диалектов, 36 языков имеют республиканские государственные статусы в 22 субъектах Федерации.

105 языков присутствуют в системе российского образования: 24 – в качестве средства обучения и 81 – в качестве учебного предмета. Это расценивается как впечатляющее достижение. Позиция российских властей состоит в том, что российская языковая политика отвечает международным стандартам соблюдения языковых прав на индивидуальном и групповом уровнях. При этом языки, используемые в России, представляют исключительно мозаичную картину с точки зрения своих социально-коммуникативных состояний и функциональности.

Социолингвистические параметры использования так называемых «национальных» языков (или – языков помимо общегосударственного русского языка) претерпевают функциональное сужение.

Этноязыковое многообразие в России сталкивается с многочисленными вызовами, как и во всем окружающем мире. Это происходит под воздействием причин как универсального

характера (глобализация, социокультурная унификация, урбанизация, цифровизация и проч.), так и ситуативного порядка – падение престижности родных языков, ослабление прагматичных аспектов мотивации к их использованию, несовершенство политико-правовых институтов языкового регулирования, острейший дефицит учительских кадров, учебников и современных обучающих технологий.

Проблемы в сфере сохранения и развития так называемых «титulyных» языков страны (включая русский язык) отесняют на периферию вопросы, связанные с языками диаспор. В правовом поле российской языковой политики последние специально не идентифицируются в качестве специального объекта лингвистического регулирования. Понятия «языки меньшинств» или «миноритарные языки» («мигрантские» языки или языки диаспор) в официально-нормативном дискурсе не используются. Смысловым ядром законодательных и программных документов является предельно широкий концепт «языки народов России» (иногда – «всех народов» страны). При этом не дифференцируются категории языков автохтонного населения и языков «пришлых» инокультурных групп.

Идеологические принципы мультикультурализма эксплицитно отвергаются в российском властном дискурсе.

В «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622) говорится, что «целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения национальной безопасности государства, защиты национального рынка труда, *поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода*».

Приоритетом миграционной политики в России выступает социальная и культурная адаптация мигрантов (включая их коммуникативную социализацию). Один из главных рисков и неблагоприятных факторов в этой области – слабое владение русским языком, что создает угрозы стигматизации, маргинализации и разнородных конфликтов (особенно в связи с нелегальной или квазилегальной миграцией).

Одним из проявлений таких рисков становится коррупция в практике организации языкового тестирования прибывающих категорий иностранных граждан. Другое обстоятельство – слабые языковые компетенции, которые вынуждают мигрантов обращаться за помощью к нелегитимным посредникам (в том числе – относящим себя к диаспоральным структурам, к «теневым» представителям землячеств).

Присутствие диаспоральных языков в системе образования демонстрирует тенденции сужения (в ряде случаев – критического характера). Об этом говорят цифры государственной статистики.

Таблица 16

Диаспоральные языки в системе образования

Язык	2005/2006	2015/2016
	язык обучения/предмет (учреждений/учащихся)	язык обучения/предмет (учреждений/учащихся)
Азербайджанский	6 (521)72 (18614)	0 (0) 29 (5085)
Армянский	7 (1372) 16 (3409)	0 (0) 2 (364)
Болгарский	–	0 (0) 1 (40)
Греческий	0 (0) 1 (120)	0 (0) 0 (0)
Грузинский	1 (238) 4 (800)	0 (0) 1 (43)
Китайский	0 (0) 1 (685)	0 (0) 0 (0)
Казахский	1 (58) 92 (8954)	0 (0) 0 (0)
Корейский	0 (0) 8 (2321)	0 (0) 0 (0)
Латгашский	0 (0) 3 (40)	0 (0) 0 (0)
Литовский	0 (0) 2 (258)	0 (0) 0 (0)
Немецкий	0 (0) 31 (3160)	0 (0) 5 (639)
Польский	0 (0) 3 (197)	0 (0) 0 (0)
Турецкий	0 (0) 3 (360)	0 (0) 0 (0)
Туркменский	0 (0) 5 (643)	0 (0) 0 (0)
Украинский	0 (0) 5 (343)	5 (537) 23 (2837)
Финский	0 (0) 66 (8101)	0 (0) 15 (3294)
Эстонский	1 (26) 1 (30)	0 (0) 0 (0)

В этих условиях требуется, чтобы диаспоры активнее выступали субъектами образовательных отношений, для чего имеются нормативно-правовые возможности в контексте законодательства о национально-культурных автономиях.

Политико-психологический климат относительно государственной поддержки языков диаспор в России существенно осложняется международно-политическими факторами. В странах – основных источниках миграционного притока официальная языковая политика властей символически и субстантивно нацелена на свертывание функционирования русского языка в духе постимперских комплексов. Где-то это происходит в контексте дискриминации русскоязычного сегмента общества (Украина, страны Балтии), а где-то – в контексте символического дистанцирования от советского культурно-исторического наследия (например, отказа от кириллической графики в пользу латиницы) и по соображениям геополитической конъюнктуры. Это способствует нагнетанию негативных мотиваций и установок в языковой политике, когда поддержка языков ближнего зарубежья начинает трактоваться как задача исключительно самих новых независимых государств.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные тенденции, определяющие динамику миграционных процессов в России.
2. Какое место занимают языки диаспор в официальном политическом дискурсе и как они представлены в системе образования?
3. Какие документы входят в корпус официальных и регулируют систему подходов и действий в сфере миграционной и языковой политики Российской Федерации?
4. В чем могут заключаться конкретные шаги участников языковой политики, направленные на представленность тех или иных языков в цифровом мире?
5. Определите место языковой адаптации мигрантов в системе миграционной политики Российской Федерации.
6. Какое значение имеет институт национально-культурной автономии для удовлетворения культурно-языковых потребностей и запросов мигрантских сообществ и диаспор в России?

Список литературы

- Айрапетян А.* Язык как инструмент миграционной политики Российской Федерации в условиях евразийской интеграции. [Электронный ресурс]. URL: [http:// russiancouncil.ru/blogs/armen-ayr-aretyan/31332/](http://russiancouncil.ru/blogs/armen-ayr-aretyan/31332/) (дата обращения).
- Арефьев А.Л.* Социология языка. Национальные и иностранные языки в системе образования. М.: Юрайт, 2018. С. 48–49.
- Барышева Ю.* Как поговорить с мигрантом // «Наука». Приложение № 54 от 30.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3813198> (дата обращения).
- Паин Э.* Управление культурным разнообразием. Исторические модели и современная практика регулирования этнополитических отношений // Дружба народов. 2018. № 2.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Концепция преподавания родных языков народов России

1. Общие положения

Настоящая Концепция представляет собой систему государственных подходов к решению основных проблем преподавания родных языков народов России в организациях, осуществляющих образовательную деятельность (далее – образовательные организации) в Российской Федерации.

2. Значение учебного предмета «Родной язык» в системе общего образования Конституция Российской Федерации

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и другие законодательные акты обеспечивают условия для укрепления единства российской нации при сохранении и развитии этнокультурного разнообразия нашей страны.

Родной язык является хранилищем культурной памяти народа, основой его национальной самоидентификации и достоинством мировой цивилизации. Его ценность не измеряется численностью носителей.

Государственный язык Российской Федерации – русский язык – духовная основа культурно-исторического единства народов России и важнейший фактор обеспечения национальной безопасности, условие формирования российской гражданской идентичности.

В условиях глобализации русский язык играет ключевую роль в сохранении культурно-языкового многообразия Российской Федерации.

Языковой ландшафт Российской Федерации отличается уникальным разнообразием. Языки с развитой филологической

традицией сосуществуют с младописьменными, новописьменными и бесписьменными. Это обстоятельство требует взвешенной и продуманной политики в сфере образования. Проблемы поддержки, сохранения и развития языков и создания условий для их изучения требуют консолидации усилий всего многонационального российского общества.

В настоящее время учебный предмет «Родной язык» реализуется в образовательном пространстве Российской Федерации в следующих форматах:

Учебный предмет «Родной язык» при обучении на родном языке с сохранением всех форм итоговой аттестации на государственном русском языке.

Учебный предмет «Родной язык» при обучении на государственном русском языке (обычно 2 часа в неделю).

Интегрированные учебные предметы «Родной язык и литературное чтение» (1–4-е классы) и «Родной язык и родная литература» (5–11-е классы).

Дополнительное образование, кружковая и факультативная работа на родном языке, игровые формы, проектно-исследовательская деятельность.

Дифференцированный подход позволяет учесть особенности социолингвистической ситуации в каждом субъекте Российской Федерации и формировать образовательные стратегии исходя из возможностей образовательной системы.

3. Проблемы изучения и преподавания учебного предмета «Родной язык» в системе общего образования

Несмотря на наличие традиций преподавания родного языка как предмета и использование его как средства обучения на различных уровнях образовательной системы (в дошкольном, начальном общем, основном общем и среднем общем образовании), в обозначенной сфере существует ряд проблем, требующих выработки единых подходов к их решению.

3.1. Проблемы мотивационного характера

Формирование устойчивых механизмов мотивации к изучению родных языков играет ключевую роль в сохранении культурно-языкового разнообразия нашей страны и требует усилий со стороны не только российских образовательных организаций, но и всего общества.

Механизмы мотивации образуют динамичную и сбалансированную систему взаимосвязанных единиц. В ряду факторов, влияющих на появление и рост интереса к сохранению и изучению родных языков, следует отметить:

- социально-экономические факторы, которые определяют сферу функциональной активности языка в данном социуме с учетом способа расселения носителей (компактного или дисперсного);
- демографический фактор, связанный с реальной и прогностической численностью носителей разных возрастных категорий;
- социально-психологический фактор, определяющий уровень национально-языкового сознания носителей, их готовность и желание развивать потенциальные возможности родного языка в ключевой для жизнеспособности языка сфере – бытовом, семейном общении;
- лингвистические факторы, соответствующие уровню развития филологической традиции;
- психолого-педагогические факторы, связанные с поиском внутренних механизмов мотивации к изучению родного языка и диктующие применение современных средств и технологий в преподавании родных языков в соответствии с возрастными и национально-ментальными особенностями обучающихся, уровнем обучения и их прагматическими потребностями, наличием хорошо подготовленных современных учителей родного языка и педагогов-психологов.

3.2. Проблемы содержательного характера

Содержание учебного предмета «Родной язык» отражает региональные и этнокультурные особенности субъектов Российской Федерации и должно в необходимом объеме обеспечивать формирование коммуникативных компетенций обучающихся. В то же время многие выпускники образовательных организаций недостаточно владеют навыками устной или письменной речи на родном языке. Овладение теоретическими знаниями в некоторых случаях оказывается изолированным от умения применять эти знания в практической речевой деятельности. Кроме того, не оптимально соотношение теоретических и прикладных элементов содержания учебного предмета «Родной язык».

В настоящее время содержание учебного предмета «Родной язык» не в полной мере обеспечивает:

- преемственность и взаимосвязь уровней образования – дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования;
- системность вариативного, разноуровневого подходов к процессу обучения предмету;
- поуровневые требования к результатам обучения родному языку; единые подходы к критериям и методикам оценивания успеваемости обучающихся по учебному предмету; дифференциацию содержания учебного предмета «Родной язык» с учетом образовательных потребностей и интересов обучающихся и их уровня владения языком.

3.3. Проблемы методического характера

Проблемы содержательного характера делают необходимыми создание и внедрение в образовательную деятельность дифференцированных методик преподавания предметной области.

Необходимость реализации федеральных государственных образовательных стандартов общего образования (далее – ФГОС) и повышения результативности и эффективности образовательного процесса выдвигает новые требования к его методическому обеспечению, ставит задачи:

- обобщения, систематизации и внедрения наиболее эффективных методов, методик и технологий преподавания учебного предмета «Родной язык» с учетом возрастных особенностей обучающихся и содержания обучения; методических рекомендаций по реализации проектной деятельности в рамках учебного предмета «Родной язык»;
- создания единого федерального электронного банка учебных программ модулей по учебному предмету «Родной язык», методик организации внеурочной деятельности на основе лучших отечественных традиций и успешных мировых практик;
- модернизации содержания учебно-методических материалов по предмету в соответствии с вызовами современности: усиление внимания к системно-деятельностному подходу, использование сквозных вариативных модулей, увеличение времени на индивидуальные проекты и творческую деятельность;
- использования возможностей информационно-образовательной среды и технологий дистанционного обучения родным языкам, а также современных технологий личностно-ориентированного и развивающего обучения,

- основанных на познавательной, проектной и коммуникативной деятельности; организации в субъектах Российской Федерации олимпиад по родному языку;
- создания федеральной сетевой методической площадки для очно-дистанционного сопровождения профессиональной деятельности учителей родного языка; для подготовки квалифицированных экспертов образовательных программ учебной и методической литературы на родных языках.

3.4. Кадровые проблемы

Успешная организация работы по преподаванию учебного предмета «Родной язык» на всех названных направлениях деятельности невозможна без глубокого системного анализа подготовки кадров на основе мониторинга:

- деятельности выпускающих кафедр по родному языку и родной литературе в организациях высшего образования, в том числе реализующих программы подготовки по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 44.00.00 – Образование и педагогические науки;
- уровня профессиональной подготовки учителей родного языка в соответствии с запросами современной школы и с требованиями ФГОС;
- функционирования государственной системы подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации (преподавателей организаций высшего образования), в том числе и прежде всего в аспирантуре и докторантуре;
- соответствия уровня учебно-методического сопровождения образовательного процесса в системе общего образования требованиям ФГОС;
- состояния национальной филологической традиции;
- реальной потребности национальных субъектов Российской Федерации в учителях с двойной квалификацией (учитель русского и родного языков; учитель русской и родной литературы) в рамках пятилетнего бакалавриата / специалитета.

Тщательного изучения заслуживает вопрос определения контрольных цифр бюджетного приема на данные направления подготовки в учреждениях высшего и среднего профессионального образования в каждом регионе в соответствии с социолингвистической ситуацией.

Непрерывное образование. Темпы современного социально-экономического развития выдвигают высокие требования к уровню и набору знаний, которыми должен обладать человек, чтобы быть эффективным в своей сфере деятельности.

Требуется совершенствование системы повышения квалификации кадров, внедрение новых образовательных программ и форм работы по развитию профессионального мастерства педагога.

Для этого необходимо провести: мониторинг образовательных программ, учебных планов в организациях среднего профессионального и высшего образования на предмет обновления; обновление программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации преподавателей системы СПО и высшего образования, ведущих подготовку воспитателей, педагогов и учителей родных языков.

4. Цели и задачи Концепции

Цель Концепции – способствовать сохранению уникального этнокультурного и языкового разнообразия Российской Федерации; обеспечению условий для осуществления конституционного права граждан на обучение на родных языках и их изучение в организациях, реализующих программы общего образования.

Задачи Концепции:

- совершенствование лингводидактики в сфере преподавания родного языка для изучающих его как родной язык из числа языков народов Российской Федерации;
- разработка, апробация и внедрение новых примерных образовательных программ, учебно-методических комплексов нового поколения по изучению родного языка из числа языков народов Российской Федерации;
- повышение качества преподавания родных языков народов Российской Федерации, методического сопровождения;
- совершенствование системы дифференцированной оценки владения родными языками;
- совершенствование системы подготовки билингвальных педагогических кадров, переподготовки и повышения квалификации работников образования – воспитателей, учителей и преподавателей родных языков, учителей-предметников, обучающихся на родных языках, методистов, педагогов-психологов и учителей-логопедов;
- внедрение информационных и коммуникационных технологий, общедоступных информационных ресурсов (спра-

- вочно-информационного, культурно-просветительского, научного, научно-популярного, учебно-методического характера) на языках народов России;
- модернизация учебно-методического обеспечения учебного предмета «Родной язык» на всех уровнях общего образования, в том числе средствами мультимедиа и он-лайн обучения;
 - осуществление мониторинга соблюдения законодательства в части реализации возможности изучения родных языков из числа языков народов Российской Федерации, государственных языков субъектов Российской Федерации и обучения на данных языках в субъектах Российской Федерации с учетом компактного и дисперсного расселения.

5. Основные направления реализации Концепции

Изучение родных языков народов России – один из ключевых элементов формирования гражданской идентичности.

В современных условиях, помимо задачи привить любовь к родному слову, появилась необходимость введения дополнительных стимулирующих мер:

- приведение содержания примерных рабочих программ, учебно-методических комплектов, а также технологий и методик преподавания в соответствие с возрастными особенностями, уровнем обучения, потребностями и интересами обучающихся, обеспечение преемственности содержания и форм по отношению к предыдущим уровням образования;
- использование в педагогической практике современных технологий личностно-ориентированного и развивающего обучения, основанных на познавательной, проектной и коммуникативной деятельности;
- обеспечение возможности дистанционного обучения родным языкам народов Российской Федерации посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;
- создание учебно-методического мультимедийного обеспечения предмета «Родной язык»;
- внедрение механизмов вовлечения родителей (законных представителей) в процесс изучения родного языка;
- создание интегрированных курсов «Родной язык и литературное чтение», «Родной язык и литература».

6. Механизмы реализации Концепции

Необходимо:

- разработать перечень приоритетных направлений междисциплинарных научных исследований в области межкультурной коммуникации, этнопсихолингвистики, лингвоэкологии, сохранения родных языков народов Российской Федерации и их преподавания в образовательных организациях различного уровня (от дошкольного до высшего образования);
- создать электронный банк материалов по вопросам изучения родных языков народов Российской Федерации и обучения на родных языках народов Российской Федерации;
- учредить электронный журнал, посвященный актуальным вопросам изучения родных языков и обучения на родных языках народов Российской Федерации;
- сформировать систему оценки качества преподавания родных языков; сформировать систему мониторинга обеспечения образовательных организаций учебно-методическими, материально-техническими и кадровыми ресурсами для преподавания учебного предмета «Родной язык»; активизировать деятельность по разработке и реализации инновационных образовательных программ, обновлению содержания и повышению качества реализуемых основных и дополнительных образовательных программ по родным языкам народов Российской Федерации;
- создать федеральную сетевую площадку для профессионального диалога разработчиков федеральных нормативных и методических документов в сфере образования и ученых, методистов, организаторов образования, учителей родных языков народов России с целью гармонизации этнокультурного ландшафта Российской Федерации;
- на уровне ФГОС предусмотреть взаимосвязь предметного содержания учебного предмета «Родной язык» с другими учебными предметами.

Приложение 2
Справка о языках России

Таблица 1

Общая сводка

Категории языков	Число языков
Языки России	151
Языки 200 лет	142
Всего живых языков	292
Языки России, вымершие за последние 150 лет	14

Таблица 2

Список живых языков

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
1	абазинский		П	
2	аварский		ОП	
3	агульский		П	кошанское наречие может считаться отдельным языком
4	адыгейский		ОП	
5	азербайджанский		ОП	коренной язык юга Дагестана
6	алабугатско-татарский			лингвистически близок ногайскому языку

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
7	алеутский			находится на грани исчезновения
8	алеутско-медновский			находится на грани исчезновения
9	алтайский	алтай-кижи	ОП	традиционно включался в единый алтайский язык с кумандинским, теленгитским, телеутским, тубаларским и челканским языками
10	алюторский			ранее объединялся с коряжским
11	амузги-ширинский			ранее включался в единый «даргинский» язык
12	амшенский армянский			язык амшенских армян (бежавших из Турции в XIX–XX вв.) и хемшилов, в основном на юге Краснодарского края
13	андийский			мунийское (нижнеандийское) наречие может считаться отдельным языком
14	армянский	восточно-армянский	П	начали переселяться на территорию России с XVII в., компактные деревни в разных регионах
15	арчинский			
16	аштынский			ранее включался в единый «даргинский» язык

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
17	багвалинский	багулальский		
18	башкирский		ОП	
19	бежтинский			
20	белорусский		П	большое количество поселений на Урале и в Сибири
21	ботлихский			
22	бурятский		ОП	
23	вепсский		П	
24	верхне-вуркунский	кункинско-амухско-худуцкий		ранее включался в единый «даргинский» язык
25	водский			находится на грани исчезновения
26	восточно-мансийский	моаньский		ранее объединялся с северномансийским; находится на грани исчезновения
27	гапшиминский			ранее включался в единый «даргинский» язык
28	гинухский			
29	годоберинский			
30	горномарийский		П	ранее объединялся вместе с лугово-восточным марийским в единый марийский язык
31	греческий	новогреческий	П	используется частью понтийских греков (см. ниже) как второй язык

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
32	грузинский		П	коренной язык нескольких сел на юге Сев. Осетии
33	гунзибский			
34	долганский		П	
35	донской армянский			язык донских армян, живущих в Ростовской области с XVIII века
36	идиш	еврейский	П	
37	ижорский			
38	ингушский		П	
39	инхокваринский			ранее считался диалектом хваршинского языка
40	ительменский	западно-ительменский	П	находится на грани исчезновения
41	ицаринский			ранее включался в единый «даргинский» язык
42	йоканьгско-саамский	терско-саамский		ранее включался в единый кольско-саамский язык; находится на грани исчезновения
43	кабардино-черкесский	кабардинский, черкесский	П	
44	казахский		П	коренной язык нескольких районов в Астраханской, Оренбургской обл, Республике Алтай и других регионах

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
45	кайтагский			ранее включался в единый «даргинский» язык
46	калмакский			может считаться диалектом сибирско-татарского языка
47	калмыцкий		ОП	
48	кантыкский	восточно-хантыйский	П	ранее включался в единый «хантыйский» язык
49	карагашский	язык астраханских ногайцев-карагашей		лингвистически близок ногайскому языку
50	караимский			находится на грани исчезновения
51	каратинский			тукиитинское наречие может считаться отдельным языком
52	карачаево-балкарский	карачаевский, балкарский	П	
53	карельский		П	собственно карельское, людиковское и ливвиковское наречия часто считаются отдельными языками
54	кетский		Ф	
55	кильдинский саамский		Ф	ранее включался в единый кольско-саамский язык
56	китайский	севернокитайский, тазовский, язык тазов		традиционный язык малых народностей тазов и гольдов в Приморье; находится на грани исчезновения

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
57	коми	коми-зырянский	П	
58	коми-пермяцкий		П	
59	корейский		П	несколько деревень в Амурской области
60	корякский		П	ранее объединялся с алюторским
61	крымско-татарский	крымско-татарский, крымский	ОП	возможно, изначально состоял из трех отдельных языков (степной крымско-татарский, средний крымско-татарский, южнобережный крымско-татарский), которые к настоящему времени подверглись сильной конвергенции
62	крымчакский			находится на грани исчезновения
63	кубачинский			ранее включался в единый «даргинский» язык
64	кумандинский		Ф	традиционно включался в единый алтайский язык
65	кумыкский		ОП	
66	курдский	курманджи		ряд деревень на юге России
67	лакский		ОП	
68	латышский		П	деревни в Сибири
69	лезгинский		ОП	
70	лесной энецкий	бай	Ф	ранее объединялся с тундровым энецким в единый энецкий язык

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
71	литовский			деревни в Калининградской области
72	луговой марийский	лугово-восточный марийский	ОП	ранее объединялся с горномарийским в единый марийский язык
73	мансийский	северно-мансийский, манси	П	ранее объединялся с восточномансийским в единый мансийский язык
74	мегебский			ранее включался в единый «даргинский» язык
75	мокшанский	мокша-мордовский	ОП	
76	молдавский	румынский		деревня в Краснодарском крае
77	муиринский			ранее включался в единый «даргинский» язык
78	нанайский		П	
79	науканский эскимосский			традиционно включался в единый «язык азиатских эскимосов»
80	нганасанский		Ф	
81	негидальский			находится на грани исчезновения
82	немецкий		П	деревни в Сибири, ранее в Поволжье и на Кавказе
83	ненецкий	тундровый ненецкий	П	ранее объединялся с нешанским в единый ненецкий язык

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
84	нешанский	лесной ненецкий	П	ранее объединялся с (тундровым) ненецким в общий ненецкий язык
85	нивхский		П	
86	нижненемецкий			деревни в Сибири, ранее в Поволжье и на Кавказе
87	новоарамейский	ассирийский, айсорский		язык ассирийцев, бежавших из Турции и Ирана
88	ногайский		П	
89	орокский	ульта, уйльта, уйльтский, уйльтинский	Ф	находится на грани исчезновения
90	осетинский		ОП	
91	польский		П	деревни в Сибири
92	понтийский греческий			язык понтийских греков, бежавших из Турции в XIX–XX вв.; деревни на Северном Кавказе
93	русский		ОП	
94	русский жестовый	российский жестовый, язык жестов		язык глухих
95	рутульский		П	
96	санжинский			ранее включался в единый «даргинский» язык
97	северноахвахский			ранее объединялся с южноахвахским в единый ахвахский язык

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
98	севернодаргинский		ОП	ранее включался в единый «даргинский» язык
99	севернохантыйский		П	ранее включался в единый «хантыйский» язык
100	северноюкагирский	вадульский, тундренный юкагирский	П	ранее объединялся с южноюкагирским в единый юкагирский язык
101	северноселькупский		П	ранее объединялся с языком южных селькупов в единый селькупский язык
102	сету/сего	сетуский диалект южноэстонского		язык коренного народа сету в Псковской области; ранее считался диалектом эстонского языка
103	сибирско-татарский			включая барабииналект
104	сколытский	колтта-саамский		ранее включался в единый кольско-саамский язык; находится на грани исчезновения
105	табасаранский		ОП	
106	таджикский			несколько компактных деревень в разных регионах России, особенно в Сибири
107	танты-сирхинский			ранее включался в единый «даргинский» язык
108	татарский	казанско-татарский	ОП	

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
109	татский	горноеврейский		
110	теленгитский			традиционно включался в единый алтайский язык
111	телеутский			традиционно включался в единый алтайский язык
112	тиндинский	тиндальский		
113	тофаларский			находится на грани исчезновения
114	губаларский		П	традиционно включался в единый алтайский язык
115	тувинский		ОП	
116	тундровый энецкий	маду, сомату		ранее объединялся с лесным энецким в единый энецкий язык; находится на грани исчезновения
117	турецкий	месхетинский, урумский		язык турок-месхетинцев, основавших или заселивших большое количество деревень по всей России, особенно на юге, и урумов (турецкоязычных греков из Грузии)
118	туркменский	трухменский		язык трухмен, народа, живущего на севере Ставропольского края, и астраханских туркмен
119	удинский			села на юге России
120	удмуртский		ОП	

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
121	удэгейский		Ф	
122	украинский		ОП	
123	ульчский		П	
124	ушиша-бутринский			ранее включался в единый «даргинский» язык
125	финский		П	вкл. язык ингерманландских финнов в Ленинградской области и Сибири
126	хакасский		ОП	
127	хваршинский			
128	цахурский		ОП	
129	цезский	дидойский		сагадинское наречие может считаться отдельным языком
130	цудахарский			ранее включался в единый «даргинский» язык
131	цыганский	романи	Ф?	
132	чамалинский	чамалальский		
133	чаплинский эскимосский		П	традиционно включался в единый «язык азиатских эскимосов»
134	челканский	чалканский, куу		традиционно включался в единый алтайский язык
135	чеченский		ОП	
136	чирагский			ранее включался в единый «даргинский» язык
137	чувашский		ОП	

Продолжение таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
138	чукотский		П	
139	чулымский	чулымско-тюркский		находится на грани исчезновения
140	шаринский			ранее включался в единый «даргинский» язык
141	шорский		П	
142	эвенкийский		П	
143	эвенский		П	
144	эрзянский	эрзя-мордовский	ОП	
145	эстонский		П	несколько деревень переселенцев в Псковской и Ленинградской областях и Сибири
146	южноахвахский			ранее объединялся с североахвахским в единый ахвахский язык
147	южных селькупов язык			ранее объединялся с северноселькупским в единый селькупский язык; находится на грани исчезновения
148	южнохантыйский	хандэйский		ранее включался в общий «хантыйский» язык; находится на грани исчезновения, а возможно, вымер
149	южноюкагирский	одульский, колымский юкагирский, лесной юкагирский	П	ранее объединялся с северноюкагирским в единый юкагирский язык; находится на грани исчезновения

Окончание таблицы 2

	Название языка	Варианты названия	Использование в образовании	Комментарии
150	юртовско-татарский	язык астраханских ногайцев		лингвистически близок ногайскому языку
151	якутский		ОП	

Таблица 3

Языки России, вымершие за последние 150 лет

№	Название языка	Варианты названия	Комментарии
1	орочский		последний носитель умер в 2008 г.
2	бабинский саамский	аккала-саамский	последняя активная носительница умерла в 2003 г.; в 2010 г. оставалось 2 пассивных носителя
3	западномансийский		последние носители умерли около 2000 г.
4	керекский		в 1991 г. было 3 носителя, к 2005 г. не осталось ни одного
5	сиреникский	сиреникский эскимосский	в 1997 умерла последняя носительница языка
6	югский		в нач. 1980-х гг. было два носителя, к 1992 г. – ни одного
7	камасинский		в 1989 г. умерла последняя носительница
8	сахалинско-айнский		вымер к 1980-м гг.; часть носителей переселились в Японию, где последний носитель умер в 1994 г.

Приложение 2

Окончание таблицы 3

№	Название языка	Варианты названия	Комментарии
9	сойотский		вымер в 1970-е гг., носители перешли на бурятский, делаются попытки возрождения
10	южномансийский		вымер в конце 1960-х гг.
11	альяскинско-инуитский	ингаликмиут, язык эскимосов Берингова пролива	в 1955 г. носителей с острова Ратманова перевезли на материк, где они быстро растворились среди других эскимосов
12	курильско-айнский		вымер в начале XX века, Курильские о-ва
13	чужанский		вымер в конце XIX века; чужанцы перешли на русский и чукотский; Чукотка
14	убыхский		исчез на территории России в конце XIX века; у убыхов, переселившихся в Турцию, язык исчез в 1992 г.

Источник: <https://iyil2019.ru/issledovaniya/>

Приложение 3

Выпуск книг и брошюр на языках народов мира,
2018 г. (01.01.2018–31.12.2018)

	Число изданий, печ. ед.	Общий тираж, тыс. экз.	Печ. л.-отт., тыс.
Всего	116 915	432 336.14	4 873 487.2
абазинский	5	0.66	10.33
абхазский	2	0.6	17.4
аварский	9	7.3	123.3
агульский	1	0.23	1.13
адыгейский	14	4.75	77.7
азербайджанский	1	0.1	1.0
алтайский	12	5.0	55.1
английский	2114	1722.34	21 498.97
арабский	22	37.8	316.5
армянский	4	2.2	21.8
балкарский	14	5.7	63.45
башкирский	141	733.22	5280.71
белорусский	9	4.16	160.82
бурятский	32	24.32	235.45
вепсский	3	1.6	9.8
горно-марийский	5	3.8	25.0
греческий	4	7.95	91.3
грузинский	1	1.01	4.04
даргинский	9	9.81	161.55
древнегреческий	1	3.0	72.0
древнерусский	2	0.6	35.7

	Число изданий, печ. ед.	Общий тираж, тыс. экз.	Печ. л.-отт., тыс.
ингушский	8	43.0	698.0
испанский	25	22.6	366.95
итальянский	13	18.72	364.24
кабардино-черкесский	11	9.7	84.7
кабардинский	10	16.8	104.9
казахский	22	271.4	3284.9
калмыцкий	5	16.3	198.2
карачаевский	10	6.7	73.75
карельский	8	2.6	22.6
киргизский	1	1.0	30.0
китайский	19	23.76	131.34
коми	5	3.35	17.09
коми-зырянский	10	8.2	90.65
коми-пермяцкий	8	10.63	102.92
корейский	2	2.1	18.6
корякский	2	0.26	3.1
крымско-татарский	30	32.77	519.74
кумыкский	4	13.84	132.7
курдский	1	2.0	0.0
лакский	6	4.28	66.33
латинский	7	2.4	23.4
латышский	1	0.1	0.2
лезгинский	10	16.43	263.9
литовский	1	0.5	2.0
мансийский	5	1.07	16.26
марийский	13	8.4	103.9
мокшанский	2	0.1	0.4
молдавский	8	20.0	30.0
мордовский	1	0.3	0.9

	Число изданий, печ. ед.	Общий тираж, тыс. экз.	Печ. л.-отг., тыс.
мордовский-мокша	12	10.3	337.4
мордовский-эрзя	9	3.88	82.43
нганасанский	3	0.15	1.2
немецкий	76	56.21	711.88
ненецкий	2	0.12	0.54
нивхский	1	0.13	2.33
ногайский	7	0.86	9.14
ойратский	1	0.5	19.0
осетинский	12	4.45	101.85
польский	2	0.05	0.2
португальский	1	0.5	7.0
разные языки	1106	1564.98	27605.95
русский	112 349	425 752.96	4 796 281.84
санскрит	2	1.0	36.5
селькупский	5	0.38	3.38
сербский	4	0.1	0.9
старославянский	2	1.01	46.04
табасаранский	7	9.82	135.85
татарский	258	1015.46	5953.57
тувинский	8	6.75	103.5
удмуртский	24	32.23	377.6
узбекский	1	0.1	0.3
украинский	12	8.99	126.22
ульчский	3	0.36	6.09
финский	1	0.5	2.5
французский	83	26.4	323.39
хакасский	18	5.7	37.15
хантыйский	7	4.28	26.12
хинди	1	0.25	2.0

	Число изданий, печ. ед.	Общий тираж, тыс. экз.	Печ. л.-отт., тыс.
хорватский	1	1.5	15.0
церковнославянский	22	117.2	1789.6
черкесский	1	0.3	3.9
чеченский	5	2.15	23.9
чувашский	43	127.46	719.15
чукотский	1	0.23	4.58
шведский	1	0.05	0.5
эвенкийский	1	0.0	0.0
эвенкий	1	0.3	3.3
энецкий	3	0.15	2.6
эрзянский	2	0.4	9.4
эсперанто	3	0.9	2.4
эстонский	1	0.5	10.0
якутский (саха)	148	437.8	3522.09
японский	3	3.1	23.1

- Примечание:* 1. Подсчет статистических показателей за период производится только по обязательным экземплярам печатных изданий, зарегистрированным в Российской книжной палате с начала года (1 января) по конечную дату расчетного периода (31 марта, 30 июня, 30 сентября, 31 декабря).
2. Данная таблица рассчитана только по неперIODическим изданиям книжного вида (книгам и брошюрам, альбомам). По остальным видам изданий (нотные, картографические, изоиздания, авторефераты) рассчитываются собственные таблицы.
3. За единицу издания принимается каждое самостоятельное издание, вышедшее в расчетном году, а не его тираж. Дополнительные тиражи издания суммируются.

Приложение 4

Выпуск журналов, сборников и бюллетеней
на языках народов мира, 2018 г.

Перечень языков	Число изданий	Число номеров	Средний разовый тираж, тыс. экз.	Общий годовой тираж, тыс. экз.
Всего	7678	53 870	91 090,6	1 055 221,0
в том числе журналы	7222	50 628	89 748,2	1 044 157,4
<i>Абазинский</i>	2	5	2,2	5,2
в том числе журналы	2	5	2,2	5,2
<i>Аварский</i>	3	16	2,3	12,6
в том числе журналы	3	16	2,3	12,6
<i>Адыгейский</i>	2	6	2,0	6,0
в том числе журналы	2	6	2,0	6,0
<i>Алтайский</i>	1	4	1,0	4,0
в том числе журналы	1	4	1,0	4,0
<i>Английский</i>	427	1954	1692,2	11 708,2
в том числе журналы	410	1908	1652,6	11 581,7
<i>Арабский</i>	3	7	7,0	13,0
в том числе журналы	1	2		
<i>Армянский</i>	2	7	0,8	2,7
в том числе журналы	2	7	0,8	2,7
<i>Башкирский</i>	10	108	29,6	327,4
в том числе журналы	10	108	29,6	327,4

Перечень языков	Число изданий	Число номеров	Средний разовый тираж, тыс. экз.	Общий годовой тираж, тыс. экз.
<i>Бурятский</i>	2	20	1,2	8,2
в том числе журналы	1	6	1,0	6,0
<i>Даргинский</i>	3	16	1,3	6,9
в том числе журналы	3	16	1,3	6,9
<i>Иврит</i>	1	1	0,6	0,6
в том числе журналы	1	1	0,6	0,6
<i>Ингушский</i>	2	14	4,2	29,5
в том числе журналы	2	14	4,2	29,5
<i>Иностраный</i>	25	85	23,7	97,6
в том числе журналы	25	85	23,7	97,6
<i>Испанский</i>	2	7	0,8	3,1
в том числе журналы	1	2	0,3	0,6
<i>Итальянский</i>	1	11	4,0	44,0
в том числе журналы	1	11	4,0	44,0
<i>Кабардино-черкесский</i>	3	18	5,3	44,9
в том числе журналы	3	18	5,3	44,9
<i>Калмыцкий</i>	3	19	2,7	22,6
в том числе журналы	3	19	2,7	22,6
<i>Карачаево-балкарский</i>	4	22	5,7	33,8
в том числе журналы	4	22	5,7	33,8
<i>Карельский</i>	1	11	1,2	13,5
в том числе журналы	1	11	1,2	13,5
<i>Китайский</i>	5	17	72,5	232,5
в том числе журналы	3	13	12,5	112,5

Перечень языков	Число изданий	Число номеров	Средний разовый тираж, тыс. экз.	Общий годовой тираж, тыс. экз.
<i>Коми-зырянский</i>	6	75	3,9	40,0
в том числе журналы	6	75	3,9	40,0
<i>Крымско-татарский</i>	9	52	7,1	60,1
в том числе журналы	8	50	6,7	59,3
<i>Кумыкский</i>	3	16	2,3	12,4
в том числе журналы	3	16	2,3	12,4
<i>Лакский</i>	3	16	1,2	6,2
в том числе журналы	3	16	1,2	6,2
<i>Латинский</i>	1	5	0,2	1,0
<i>Лезгинский</i>	3	14	1,3	6,3
в том числе журналы	3	14	1,3	6,3
<i>Марийский</i>	6	46	6,4	56,2
в том числе журналы	6	46	6,4	56,2
<i>Мокшанский</i>	3	26	1,3	12,9
в том числе журналы	3	26	1,3	12,9
<i>Немецкий</i>	11	53	29,7	204,5
в том числе журналы	10	51	29,5	204,0
<i>Ненецкий</i>	1	2	3,3	6,6
в том числе журналы	1	2	3,3	6,6
<i>Ногайский</i>	3	11	1,8	5,7
в том числе журналы	2	9	1,4	4,9
<i>Осетинский</i>	4	25	4,5	33,9
в том числе журналы	4	25	4,5	33,9
<i>Русский</i>	7051	50 614	89 019,2	1 040 861,6
в том числе журналы	6630	47 539	87 788,1	1 030 086,2

Перечень языков	Число изданий	Число номеров	Средний разовый тираж, тыс. экз.	Общий годовой тираж, тыс. экз.
<i>Табасаранский</i>	2	9	0,7	3,2
в том числе журналы	2	9	0,7	3,2
<i>Татарский</i>	33	309	81,8	837,8
в том числе журналы	28	232	79,9	818,4
<i>Тувинский</i>	2	6	4,0	12,0
в том числе журналы	2	6	4,0	12,0
<i>Удмуртский</i>	4	37	5,2	48,8
в том числе журналы	4	37	5,2	48,8
<i>Украинский</i>	1	1	0,1	0,1
<i>Финский</i>	1	4	0,4	1,7
в том числе журналы	1	4	0,4	1,7
<i>Французский</i>	3	5	1,3	1,8
в том числе журналы	2	4	0,8	1,3
<i>Хакасский</i>	1	1	0,5	0,5
в том числе журналы	1	1	0,5	0,5
<i>Цахурский</i>	1	6	0,3	1,6
в том числе журналы	1	6	0,3	1,6
<i>Чеченский</i>	5	15	5,3	15,6
в том числе журналы	5	15	5,3	15,6
<i>Чувашский</i>	7	65	10,2	94,0
в том числе журналы	6	62	9,9	93,1
<i>Эрзянский</i>	2	22	1,2	13,7
в том числе журналы	2	22	1,2	13,7
<i>Якутский</i>	10	87	37,1	266,5
в том числе журналы	10	87	37,1	266,5

Приложение 5

Выпуск газет на языках народов мира, 2018 г.

Язык издания	Число изданий	Число номеров	Средний разовый тираж, тыс. экз.	Общий годовой тираж, тыс. экз.
Всего	8984	365 385	157 572,7	6 069 285,1
Абазинский	2	107	8,5	282,3
Аварский	22	860	67,8	2427,7
Агульский	1	34	1,6	53,8
Адыгейский	3	258	7,0	895,7
Азербайджанский	2	53	3,0	102,0
Алтайский	10	428	84,5	917,0
Английский	10	46	145,8	773,0
Армянский	2	123	8,0	401,1
Балкарский	3	278	7,2	567,8
Башкирский	48	3352	78,4	5170,2
Болгарский	1	2	0,5	1,0
Бурятский	10	423	21,9	762,3
Вепсский	1	14	0,6	8,4
Греческий	1	3	0,5	1,5
Даргинский	7	278	13,3	472,4
Долганский	1	156	0,9	132,7
Идиш	1	58	0,7	39,2
Ингушский	4	211	6,1	384,6
Ительменский	1	120	0,4	48,0
Кабардино-черкесский	4	406	9,3	956,6

Приложение 5

Продолжение

Язык издания	Число изданий	Число номеров	Средний разовый тираж, тыс. экз.	Общий годовой тираж, тыс. экз.
Кабардинский	4	414	9,6	1049,4
Казахский	2	23	2,5	30,0
Калмыцкий	5	366	8,8	1144,0
Карачаево-балкарский	1	2	1,0	1,9
Карачаевский	4	151	8,3	687,6
Карельский	4	220	6,0	326,0
Китайский	3	112	75,4	1746,4
Коми-зырянский	6	392	8,5	524,4
Коми-пермяцкий	1	51	2,0	102,0
Корейский	4	330	8,8	520,1
Крымско-татарский	7	298	21,5	712,3
Кумыкский	7	334	13,3	586,3
Курдский	1	12	2,0	24,0
Лакский	5	169	7,2	248,8
Лезгинский	9	356	19,9	783,1
Мансийский	1	25	1,7	42,9
Марийский	13	818	21,1	1301,4
Мокшанский	4	184	9,7	503,4
Немецкий	7	176	57,5	1476,2
Ненецкий	4	191	7,7	469,1
Нивхский	1	4	0,3	1,0
Ногайский	3	155	5,7	326,8
Осетинский	16	1507	47,4	5118,5
Польский	1	6	1,7	10,0
Русский	8389	332 911	155 557,5	5 986 655,1
Рутульский	1	41	1,3	52,3
Табасаранский	4	162	8,1	325,6
Татарский	185	10 060	689,0	30 778,3

Приложения

Окончание

Язык издания	Число изданий	Число номеров	Средний разовый тираж, тыс. экз.	Общий годовой тираж, тыс. экз.
Татский	1	51	1,3	66,3
Тувинский	17	462	21,4	1068,5
Удмуртский	13	637	11,5	690,6
Украинский	1	1	1,0	1,0
Финский	1	53	0,7	36,3
Французский	3	13	9,6	33,6
Хакасский	3	248	5,8	505,7
Хантыйский	2	79	2,9	92,1
Цахурский	1	54	1,2	64,8
Чеченский	21	879	51,0	1745,4
Чувашский	44	2657	175,4	7691,1
Чукотский	1	10	0,5	5,3
Эвенкийский	1	46	2,0	92,0
Эрзянский	5	238	10,7	553,7
Якутский	44	3277	208,2	6694,5

Приложение 6

Население, принявшее участие
в микропереписи 2015 г. по владению языками

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
Российская Федерация			
Всего лиц, указавших владение языками	2 147 207	1 409 163	738 044
Указанные населением языки владения	2 579 397	1 661 417	917 980
в том числе:			
абазинский	696	347	349
абхазский	101	88	13
аварский	10 350	2862	7488
агульский	186	94	92
адыгейский	4223	1885	2338
адыгский	9	5	4
азербайджанский	6249	4229	2020
албанский	6	6	–
алтайский	2482	580	1902
алюторский	1	–	1
амхарский	2	2	–
английский	80 560	69 308	11 252
андийский	356	30	326
арабский	441	341	100
армянский	10 684	6730	3954

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
ассирийский	27	19	8
ахвахский	7	6	1
башкирский	13 311	4918	8393
бежтинский	201	–	201
белорусский	2651	1879	772
бенгали	3	3	–
болгарский	241	190	51
ботлихский	116	–	116
бурятский	5734	3170	2564
венгерский	52	40	12
вепсский	87	15	72
вьетнамский	86	83	3
гагаузский	102	50	52
годоберинский	9	–	9
горномарийский	4	3	1
греческий	427	271	156
грузинский	2590	1500	1090
дагестанский	481	337	144
даргинский	5857	2710	3147
дари	15	15	–
датский	9	9	–
долганский	36	35	1
дунганский	3	1	2
еврейский	57	50	7
иврит	211	191	20
идиш	10	10	–
ингушский	11 284	5780	5504
индонезийский	2	1	1

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
ирландский	2	1	1
испанский	1054	974	80
итальянский	598	562	36
ительменский	7	6	1
кабардино-черкесский	9945	5394	4551
казахский	7525	2542	4983
калмыцкий	5994	2131	3863
каракалпакский	9	8	1
каратинский	3	3	–
карачаево-балкарский	6907	2972	3935
карельский	723	293	430
кетский	1	1	–
киргизский	1633	1455	178
китайский	777	716	61
коми	4199	1244	2955
коми-пермяцкий	1496	446	1050
корейский	546	371	175
корякский	262	46	216
крымско-татарский	842	172	670
кумандинский	32	15	17
кумыкский	5333	2345	2988
курдский	1052	219	833
лакский	1548	730	818
латинский	553	455	98
латышский	285	209	76
лезгинский	4063	1721	2342
литовский	357	250	107
лугово-восточный марийский	2	–	2

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
малайский	6	6	–
мансийский	24	12	12
марийский	8449	2803	5646
мегрельский	11	8	3
мокша-мордовский	27	26	1
молдавский	1454	944	510
монгольский	88	55	33
мордовский	9057	3755	5302
нанайский	76	13	63
нганасанский	6	6	–
негидальский	1	–	1
немецкий	21 391	16 630	4761
ненецкий	596	136	460
нивхский	22	1	21
нидерландский	20	17	3
ногайский	1678	181	1497
норвежский	36	33	3
осетинский	11 152	5790	5362
персидский	111	92	19
польский	609	489	120
португальский	72	62	10
пушту	33	26	7
румынский	164	111	53
русский	2 133 162	1 405 542	727 620
русский жестовый язык глухих	2601	1697	904
рутульский	430	102	328
саамский	4	2	2
селькупский	135	3	132

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
сербскохорватский	87	77	10
словацкий	10	8	2
словенский	7	6	1
суахили	3	3	–
табасаранский	1247	504	743
таджикский	3017	2252	765
тайский	5	4	1
тальшский	28	22	6
татарский	63 544	35 151	28 393
татский	15	15	–
телеутский	5	3	2
тибетский	4	2	2
тиндальский	363	–	363
тубаларский	5	1	4
тувинский	9799	4598	5201
турецкий	1700	738	962
туркменский	266	188	78
тюркский	21	17	4
удинский	10	4	6
удмуртский	6490	1780	4710
узбекский	4525	3339	1186
уйгурский	5	3	2
уйльта	1	–	1
украинский	20 000	14 285	5715
ульчский	23	–	23
урду	2	2	–
финский	426	311	115
французский	4543	4019	524

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
хакасский	796	378	418
хантыйский	124	16	108
хваршинский	384	–	384
хинди	36	32	4
цахурский	51	27	24
цезский	8	4	4
цыганский	2452	1123	1329
чамалинский	4	4	–
челканский	33	5	28
чеченский	22 478	10 215	12 263
чешский	117	100	17
чувашский	16 830	6154	10 676
чукотский	367	74	293
шведский	28	25	3
шорский	77	76	1
эвенкийский	39	19	20
эвенский	173	106	67
эрзя-мордовский	246	87	159
эскимосский	31	23	8
эсперанто	3	3	–
эстонский	206	152	54
юкагирский	9	9	–
якутский	10 963	3337	7626
японский	298	266	32
другие ответы о языках	371	234	137

Приложение 6

Окончание

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
Лица, в переписных листах которых не указано владение языками	7047	5384	1663
Лица, указавшие владение:			
одним языком	1 750 108	1 180 268	569 840
двумя языками	365 656	208 246	157 410
тремя языками	27 809	17 949	9860
четырьмя и более языками	3634	2700	934

Приложение 7

Население, принявшее участие в микропереписи 2015 г. по родному языку

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
Российская Федерация			
Всего указавших родной язык	2 145 946	1 407 955	737 991
в том числе:			
абазинский	672	343	329
абхазский	91	81	10
аварский	10 777	3420	7357
агульский	231	138	93
адыгейский	4329	1996	2333
адыгский	7	3	4
азербайджанский	5677	3853	1824
албанский	2	2	–
алтайский	2386	594	1792
английский	63	59	4
андийский	39	30	9
арабский	125	109	16
армянский	10 392	6374	4018
ассирийский	28	21	7
ахвахский	5	4	1
башкирский	12 550	4660	7890
бежтинский	202	–	202
белорусский	1535	1001	534

Приложение 7

Продолжение

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
бенгали	2	2	–
болгарский	121	92	29
ботлихский	102	–	102
бурятский	6285	3362	2923
венгерский	7	4	3
вепский	56	12	44
вьетнамский	72	70	2
гагаузский	113	55	58
горномарийский	4	2	2
греческий	267	153	114
грузинский	1603	1007	596
дагестанский	466	344	122
даргинский	6615	3173	3442
дари	12	12	–
долганский	66	65	1
дунганский	6	1	5
еврейский	39	36	3
иврит	58	55	3
идиш	3	3	–
ингушский	11 771	6018	5753
испанский	15	13	2
итальянский	6	5	1
ительменский	6	5	1
кабардино-черкесский	9761	5319	4442
казахский	8145	2388	5757
калмыцкий	8426	3803	4623
каракалпакский	9	8	1
каратинский	2	2	–

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
карачаево-балкарский	6955	3065	3890
карельский	465	146	319
кетский	1	1	–
киргизский	1393	1262	131
китайский	102	98	4
коми	3554	901	2653
коми-пермяцкий	1120	281	839
корейский	382	256	126
корякский	271	60	211
крымско-татарский	861	171	690
кумандинский	29	16	13
кумыкский	5976	2825	3151
курдский	1126	247	879
лакский	1797	972	825
латинский	1	1	–
латышский	86	59	27
лезгинский	4535	2097	2438
литовский	150	94	56
мансийский	26	10	16
марийский	8248	2713	5535
мегрельский	4	2	2
мокша-мордовский	18	18	–
молдавский	1039	629	410
монгольский	14	12	2
мордовский	8633	3261	5372
нанайский	84	7	77
нганасанский	10	10	–
негидальский	2	–	2

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
немецкий	748	402	346
ненецкий	824	160	664
нивхский	59	3	56
нидерландский	2	2	–
ногайский	1724	258	1466
осетинский	11 757	6483	5274
персидский	49	35	14
польский	68	51	17
португальский	2	2	–
пушту	20	15	5
румынский	48	23	25
русский	1 826 935	1 255 849	571 086
русский жестовый язык глухих	40	21	19
рутульский	482	154	328
саамский	33	1	32
селькупский	140	5	135
сербскохорватский	27	21	6
словенский	2	2	-
табасаранский	1370	598	772
таджикский	2736	2093	643
тальшский	19	13	6
татарский	60 926	34 136	26 790
татский	14	14	–
телеутский	5	3	2
тибетский	1	1	–
тиндальский	358	–	358
тубаларский	5	1	4

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
тувинский	9804	4604	5200
турецкий	1083	222	861
туркменский	183	139	44
тюркский	1	1	–
удинский	8	2	6
удмуртский	5678	1524	4154
узбекский	3233	2630	603
уйгурский	11	9	2
уйльта	1	1	–
украинский	8121	5466	2655
ульчский	22	1	21
урду	1	1	–
финский	41	20	21
французский	34	32	2
хакасский	863	419	444
хантыйский	168	20	148
хваршинский	378	–	378
хинди	19	17	2
цахурский	61	41	20
цезский	4	3	1
цыганский	2365	1091	1274
чамалинский	5	5	–
челканский	40	5	35
чеченский	22 684	10 345	12 339
чешский	10	5	5
чувашский	15 910	5440	10 470
чукотский	612	115	497
шведский	1	1	–

Приложение 7

Окончание

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
шорский	79	75	4
эвенкийский	126	32	94
эвенский	219	156	63
эрзя-мордовский	248	73	175
эскимосский	50	44	6
эстонский	74	39	35
юкагирский	5	5	–
якутский	10 816	3244	7572
японский	4	4	–
другие ответы о языках	4559	3867	692
Лица, в переписных листах которых не указан родной язык	8308	6592	1716

Приложение 8

Население, принявшее участие
в микропереписи 2015 г. по языкам,
используемым в повседневной жизни

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
Российская Федерация			
Всего лиц, указавших используемые в повсе- дневной жизни языки	2 146 906	1 408 961	737 945
Указанные населением используемые языки	2 349 647	1 515 619	834 028
в том числе:			
абазинский	622	314	308
абхазский	33	31	2
аварский	9174	2528	6646
агульский	112	69	43
адыгейский	4019	1737	2282
адыгский	5	3	2
азербайджанский	3682	2364	1318
албанский	2	2	–
алтайский	2229	509	1720
амхарский	1	1	–
английский	9855	8934	921
индийский	350	26	324
арабский	165	128	37
армянский	6179	3576	2603

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
ассирийский	11	9	2
ахвахский	3	3	–
башкирский	10 062	3146	6916
бежтинский	201	–	201
белорусский	244	193	51
бенгали	1	1	–
болгарский	37	28	9
ботлихский	114	–	114
бурятский	4685	2506	2179
венгерский	4	3	1
вепский	19	5	14
вьетнамский	62	59	3
гагаузский	33	20	13
годоберинский	9	–	9
горномарийский	2	1	1
греческий	87	66	21
грузинский	1173	505	668
дагестанский	272	183	89
даргинский	5089	2303	2786
дари	10	10	–
датский	1	1	–
долганский	6	6	–
дунганский	1	–	1
еврейский	18	17	1
иврит	42	35	7

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
идиш	1	1	–
ингушский	10 033	5492	4541
ирландский	2	1	1
испанский	119	116	3
итальянский	86	83	3
ительменский	2	1	1
кабардино-черкесский	9563	5107	4456
казахский	4044	1136	2908
калмыцкий	4395	1438	2957
каракалпакский	2	2	–
карачаево-балкарский	6544	2733	3811
карельский	271	103	168
киргизский	958	895	63
китайский	203	192	11
коми	3101	694	2407
коми-пермяцкий	1074	282	792
корейский	149	122	27
корякский	38	14	24
крымско-татарский	710	127	583
кумандинский	13	6	7
кумыкский	4808	2081	2727
курдский	750	152	598
лакский	1324	581	743
латинский	98	84	14
латышский	20	16	4

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
лезгинский	3532	1337	2195
литовский	35	20	15
мансийский	6	3	3
марийский	6712	1772	4940
мегрельский	1	1	–
мокша-мордовский	15	15	–
молдавский	259	170	89
монгольский	18	9	9
мордовский	6018	1938	4080
нанайский	7	5	2
нганасанский	1	1	–
немецкий	1203	1002	201
ненецкий	387	71	316
нивхский	2	–	2
нидерландский	4	3	1
ногайский	1495	90	1405
норвежский	11	11	–
осетинский	10 181	5061	5120
персидский	37	31	6
польский	57	53	4
португальский	10	9	1
пушту	11	9	2
румынский	37	21	16
русский	2 085 822	1 395 690	690 132

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
русский жестовый язык глухих	1804	1121	683
рутульский	409	93	316
селькупский	120	1	119
сербскохорватский	24	22	2
словенский	1	1	–
табасаранский	952	288	664
таджикский	1747	1396	351
тальшский	15	11	4
татарский	51 794	26 890	24 904
татский	11	11	–
телеутский	2	2	–
тиндальский	359	–	359
тубаларский	2	1	1
тувинский	9637	4490	5147
турецкий	950	229	721
туркменский	87	67	20
тюркский	3	2	1
удинский	1	1	–
удмуртский	4938	950	3988
узбекский	2031	1698	333
уйгурский	1	1	–
украинский	2515	1751	764
ульчский	8	–	8
урду	2	2	–

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
финский	80	67	13
французский	424	397	27
хакасский	588	252	336
хантыйский	81	6	75
хваршинский	381	–	381
хинди	17	17	–
цахурский	31	16	15
цезский	5	3	2
цыганский	1993	878	1115
чамалинский	4	4	–
челканский	16	3	13
чеченский	21 837	9823	12 014
чешский	16	13	3
чувашский	12 784	3829	8955
чукотский	213	8	205
шведский	8	6	2
шорский	24	24	–
эвенкийский	7	–	7
эвенский	62	24	38
эрзя-мордовский	202	56	146
эскимосский	5	3	2
эстонский	21	12	9
юкагирский	2	2	–
якутский	10 441	2925	7516

Приложения

Окончание

	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
японский	42	40	2
другие ответы о языках	167	80	87
Лица, в переписных листах которых не указано использование языков	7348	5586	1762
Лица, указавшие использование в повседневной жизни:			
один язык	1 950 355	1 305 789	644 566
два языка	190 662	99 887	90 775
три языка	5588	3084	2504
четыре языка	301	201	100

Приложение 9

Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка на начало 2015/2016 уч. г. (РФ, город, государственные и муниципальные образовательные организации)

Сведения о распределении

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)				Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)				Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык как предмет (чел.)			
		1-4 классы	5-9 классы	10-11 классы	Итого	1-4 классы	5-9 классы	10-11 классы	Итого	1-4 классы	5-9 классы	10-11 классы	Итого				
1. По всем учреждениям с языками обучения и с изучением языка как предмета (сумма стр. 2-91 и 92-94 по гр. 4-7 и гр. 9-12)	01	4 547 924	4 964 861	964 859	10 477 644	387 411	439 192	59 032	885 635	1164	1311	199	2674				
Абазинский	02	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
Аварский	03	0	0	0	0	19 459	18 404	1 907	39 770	19 459	18 404	1 907	39 770				

Приложения

Продолжение

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык как предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого
Агульский	04	0	0	0	0	0	4	147	53	0	200
Адыгейский	05	0	0	0	0	33	33	5357	6761	844	12 962
Азербай-джанский	06	0	0	0	0	29	29	2362	2359	362	5083
Алтайский	07	0	0	0	0	11	11	558	960	237	1755
Армянский	08	0	0	0	0	2	2	90	233	41	364
Балкарский	09	0	0	0	0	12	12	869	847	166	1882
Башкирский	10	37	5044	5633	1019	260	260	10 308	13 849	2103	26 260
Белорусский	11	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Бурятский	12	0	0	0	0	75	75	14 209	23 681	693	38 583
Вепский	13	0	0	0	0	1	1	5	13	8	26
Греческий	14	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Грузинский	15	0	0	0	0	1	1	16	20	7	43
Даргинский	16	0	0	0	0	92	92	9723	9446	1063	20 232

Приложения

Продолжение

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)					
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		
Латышский	35	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Лезгинский	36	0	0	0	0	86	7627	7233	994	15854	0	0	0
Литовский	37	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Манси	38	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Марийский горный	39	0	0	0	0	4	730	837	37	1604	0	0	0
Марийский луговой	40	0	0	0	0	67	6744	16810	2124	25678	0	0	0
Мордовский мокша	41	0	0	0	0	67	7775	5424	0	13199	0	0	0
Мордовский эрзя	42	1	50	0	0	53	7106	7942	12	15060	0	0	0
Нанайский	43	0	0	0	0	1	3	0	0	3	0	0	0
Негидальский	44	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Немецкий	45	0	0	0	0	5	305	281	53	639	0	0	0

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого
Удмуртский	64	0	0	0	0	0	10	506	636	97	1239
Удгейский	65	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Украинский	66	5	191	306	40	537	23	457	1889	491	2837
Ульчский	67	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Финский	68	0	0	0	0	0	15	699	2238	357	3294
Хакасский	69	0	0	0	0	0	4	380	645	167	1192
Хантыйский (на трех диалектах)	70	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Цахурский	71	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Черкесский	72	0	0	0	0	0	17	1003	925	116	2044
Чеченский	73	0	0	0	0	0	105	45 464	44 854	8168	98 486
Чувашский	74	1	57	0	0	57	113	33 739	35 192	148	69 079
Чукотский	75	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Приложение 9

Шорский	76	0	0	0	0	0	0	0	0	1	19	44	0	63
Эвенкийский	77	0	0	0	0	0	0	0	0	2	10	23	38	71
Эвенский	78	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	50	75	125
Энецкий	79	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Экимосский	80	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Эстонский	81	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Юкагирский	82	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Якутский	83	33	4882	5110	1357	11 349	62	3615	9567	603	13 785			
Телеутский	84	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сойотский	85	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Болгарский	86	0	0	0	0	0	1	0	24	16	40			
	87	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	88	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	89	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	90	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	91	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Из общего числа (стр. 01): 2. Учреждения с русским языком обучения	92	15 258	4 450 348	4 863 571	945 698	10 259 617								

Приложения

Ожидание

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)				Число учреждений в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)			
		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого				
3. Учреждения с нерусским(и) языками обучения	93	67	11 704	12 429	2430	26 563								
4. Учреждения с русским и нерусским(и) языками обучения	94	257	85 872	88 861	16 731	191 464								
5. Учреждения, в которых нерусские языки изучаются факультативно или в кружках	95	423												53 994

Приложение 10

Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка на начало 2015/2016 учебного года, РФ, город, **негосударственные** образовательные организации

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык по предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого
1. По всем учреждениям с языками обучения и с изучением языка как предмета (сумма стр. 2-91 и 92-94 по гр. 4-7 и гр. 9-12)	01		45 314	40 267	11 067	96 648		3512	1239	319	5070
Абазинский	02	0	0	0	0	0	1	1	2	0	3
Аварский	03	0	0	0	0	0	2	272	86	0	358

Приложения

Продолжение

Наименование	№ строки	Число учащихся по языку обучения (чел.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учащихся в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (чел.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)					
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		
Агульский	04	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Альгейский	05	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Азербай- джанский	06	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Алтайский	07	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Армянский	08	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Балкарский	09	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Башкирский	10	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Белорусский	11	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Бурятский	12	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Вепский	13	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Греческий	14	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Грузинский	15	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Даргинский	16	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Приложения

Продолжение

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)					
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		
Латышский	35	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Лезгинский	36	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Литовский	37	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Манси	38	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Марийский горный	39	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Марийский луговой	40	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мордовский мокша	41	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мордовский эрзя	42	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Нанайский	43	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Негидальский	44	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Немецкий	45	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Приложение 10

Ненецкий	46	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Нивхский (на двух диалектах)	47	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Новогреческий	48	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ногайский	49	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Орокский (Уйльта)	50	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Осетинский	51	0	0	0	0	0	0	0	4	154	135	137	426					
Польский	52	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Русский	53	720	45 314	40 267	11 067	96 648												
Рутульский	54	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Саамский	55	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Селькупский	56	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Табасаранский	57	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Татарский	58	0	0	0	0	0	0	10	653	568	162	1 383						
Татский	59	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Тофаларский	60	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Тувинский	61	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Турецкий	62	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Туркменский	63	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)					
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		
Удмуртский	64	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Удгейский	65	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Украинский	66	0	0	0	0	1	33	42	0	75	0	0	0
Ульский	67	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Финский	68	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Хакасский	69	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Хантыйский (на трех диалектах)	70	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Цахурский	71	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Черкесский	72	0	0	0	0	1	0	2	0	2	0	0	2
Чеченский	73	0	0	0	0	26	2227	280	0	2507	0	0	0
Чувашский	74	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Чукотский	75	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Приложение 10

Шорский	76	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Эвенкийский	77	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Эвенский	78	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Энецкий	79	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Экимосский	80	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Эстонский	81	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Юкагирский	82	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Якутский	83	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Телеутский	84	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сойотский	85	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Болгарский	86	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	87	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	88	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	89	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	90	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	91	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Из общего числа (стр. 01): 2. Учреждения с русским языком обучения	92	720	45 314	40 267	11 067	96 648													

Приложение

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)				Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык предмет (чел.)			
		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого	1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого					
3. Учреждения с нерусским(и) языками обучения	93	0	0	0	0	0	0	0						
4. Учреждения с русским и нерусским(и) языками обучения	94	0	0	0	0	0	0	0						
5. Учреждения, в которых нерусские языки изучаются факультативно или в кружках	95	15											971	

Приложение 11

Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка на начало 2015/2016 учебного года, **РФ, село, государственные и муниципальные образовательные организации**

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык как предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 классы (12)	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 классы (12)	итого
1. По всем учреждениям с языками обучения и с изучением языка как предмета (сумма стр. 2-91 и 92-94 по гр. 4-7 и гр. 9-12)	01		1 601 684	1 772 303	294 047	3 668 034		304 302	393 500	68 320	766 122
Абазинский	02	0	0	0	0	0	16	957	848	92	1897
Аварский	03	315	13 545	0	0	13 545	473	19 002	30 733	6480	56 215

Продолжение

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого
Агульский	04	0	0	0	0	0	21	486	617	222	1325
Альгейский	05	11	1024	0	0	1024	65	2889	4362	485	7736
Азербайд-жанский	06	7	366	0	0	366	49	2795	3683	792	7270
Алтайский	07	35	1486	0	0	1486	101	3682	3834	531	8047
Армянский	08	0	0	0	0	0	11	476	1242	36	1754
Балкарский	09	0	0	0	0	0	37	2183	2198	618	4999
Башкирский	10	466	12 434	13 196	1948	27 578	569	12 730	18 822	3131	34 683
Белорусский	11	0	0	0	0	0	1	38	0	0	38
Бурятский	12	11	474	0	0	474	346	15 068	18 933	2086	36 087
Вепский	13	0	0	0	0	0	3	111	99	19	229
Греческий	14	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Грузинский	15	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Даргинский	16	177	10 719	88	14	10 821	229	5087	16 572	3974	25 633

Приложение 11

Долганский	17	0	0	0	0	0	0	0	0	0	11	141	54	14	209
Еврейский (идиш)	18	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ингушский	19	0	0	0	0	0	0	0	0	85	20 562	16 031	3743	40 336	
Ительменский	20	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	18	0	18	
Кабардинский	21	0	0	0	0	0	0	0	0	96	9750	10 498	2336	22 584	
Казахский	22	0	0	0	0	0	0	0	0	35	1425	1746	228	3399	
Калмыцкий	23	36	1060	699	130	1889	84	3012	3895	699	7606				
Карачаевский	24	0	0	0	0	0	81	5755	5228	998	11 981				
Карельский	25	0	0	0	0	0	14	181	501	34	716				
Кетский	26	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
Китайский	27	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
Коми	28	0	0	0	0	0	193	8087	8354	513	16 954				
Коми- пермяцкий	29	0	0	0	0	0	33	882	1024	0	1906				
Корейский	30	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
Корякский	31	0	0	0	0	0	5	73	108	2	183				
Крымско- татарский	32	41	1590	1347	58	2995	165	3391	4159	817	8367				
Кумыкский	33	47	7271	318	19	7608	107	7394	14 872	2665	24 931				
Лакский	34	40	810	0	0	810	56	969	1879	523	3371				

Продолжение

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого
Латышский	35	0	0	0	0	0	1	3	11	2	16
Лезгинский	36	43	3771	0	0	3771	144	5682	10 501	2977	19 160
Литовский	37	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Манси	38	0	0	0	0	0	6	7	131	56	194
Марийский горный	39	0	0	0	0	0	22	1012	1297	146	2455
Марийский луговой	40	21	323	36	0	359	282	7473	11 748	1667	20 888
Мордовский мокша	41	42	483	0	0	483	149	2222	3180	264	5666
Мордовский эрзя	42	29	551	97	10	658	130	2914	3803	318	7035
Нанайский	43	0	0	0	0	0	16	458	473	34	965
Негидальский	44	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Немецкий	45	0	0	0	0	0	16	180	310	31	521

Приложение 11

46	0	0	0	0	0	0	0	0	0	33	2269	2311	28	4608
47	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	18	15	0	33
48	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
49	0	0	0	0	0	0	0	0	0	34	2108	2152	360	4620
50	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
51	7	126	0	0	0	0	126	0	105	105	9417	8693	2070	20 180
52	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2	28	41	0	69
53	27 715	1 487 237	1 714 087	282 295	3 483 619									
54	0	0	0	0	0	0	0	0	16	16	563	59	15	637
55	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
56	0	0	0	0	0	0	0	0	3	3	58	34	0	92
57	45	2210	138	38	2386				82	82	1719	4485	1345	7549
58	857	16 561	20 108	2994	39 663				1239	1239	34 445	43 895	6266	84 606
59	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
60	0	0	0	0	0	0	0	0	3	3	53	0	0	53
61	121	10 318	704	0	11 022				116	116	0	10 005	2802	12 807
62	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
63	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого
Удмуртский	64	16	195	0	0	195	259	7150	9302	1023	17 475
Удгейский	65	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Украинский	66	17	87	264	6	357	149	2233	3546	789	6568
Ульский	67	0	0	0	0	0	1	10	0	0	10
Финский	68	0	0	0	0	0	11	33	232	38	303
Хакасский	69	10	249	0	0	249	72	2143	1993	339	4475
Хантыйский (на трех диалектах)	70	0	0	0	0	0	25	588	948	50	1586
Цахурский	71	1	11	0	0	11	13	185	86	21	292
Черкесский	72	0	0	0	0	0	25	1647	1673	296	3616
Чеченский	73	9	1522	0	0	1522	394	74 267	73 104	13 838	161 209
Чувашский	74	333	10 903	2309	257	13 469	384	12 785	22 394	1254	36 433
Чукотский	75	0	0	0	0	0	29	712	850	3	1565

Приложение 11

Шорский	76	0	0	0	0	0	0	0	0	2	15	14	0	29
Эвенкийский	77	0	0	0	0	0	0	0	0	29	382	525	88	995
Эвенский	78	0	0	0	0	0	0	0	0	19	485	547	127	1159
Энецкий	79	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Экимосский	80	0	0	0	0	0	0	0	0	3	33	51	0	84
Эстонский	81	0	0	0	0	0	0	0	0	1	3	5	0	8
Юкагирский	82	0	0	0	0	0	0	0	0	2	40	42	6	88
Якутский	83	369	16 358	18 912	6 278	41 548	0	0	0	74	3 738	4 687	1 029	9 454
Телеутский	84	0	0	0	0	0	0	0	0	1	64	37	0	101
Сойотский	85	0	0	0	0	0	0	0	0	1	34	10	0	44
Болгарский	86	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	87	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	88	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	89	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	90	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	91	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Из общето числа (стр. 01): 2. Учреждения с русским языком обучения	92	25 982	1 457 504	1 606 750	257 383	3 321 459								

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого
3. Учреждения с нерусским(и) языками обучения	93	1655	40 630	45 954	10 191	96 723					
4. Учреждения с русским и нерусским(и) языками обучения	94	1733	103 550	119 599	26 473	249 852					
5. Учреждения, в которых нерусские языки изучаются факультативно или в кружках	95	1099									57 819

Приложение 12

Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка на начало 2015/2016 учебного года, РФ, **село, негосударственные образовательные организации**

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык по предмету (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого
1. По всем учреждениям с языками обучения и с изучением языка как предмета (сумма стр. 2-91 и 92-94 по гр. 4-7 и гр. 9-12)	01		3861	3183	700	7744		776	180	40	996
Абазинский	02	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Аварский	03	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Приложения

Продолжение

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык как предмет (чел.)					
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого		
Агульский	04	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Адыгейский	05	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Азербайд-жанский	06	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Алтайский	07	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Армянский	08	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Балкарский	09	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Башкирский	10	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Белорусский	11	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Бурятский	12	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Вепский	13	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Греческий	14	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Грузинский	15	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Даргинский	16	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)								
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 классы	итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 классы	итого					
Латышский	35	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Лезгинский	36	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Литовский	37	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Манси	38	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Марийский горный	39	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Марийский луговой	40	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мордовский мокша	41	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мордовский эрзя	42	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Нанайский	43	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Негидальский	44	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Немецкий	45	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Приложение 12

Ненецкий	46	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Нивхский (на двух диалектах)	47	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Новогреческий	48	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ногайский	49	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Орокский (Уйльга)	50	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Осетинский	51	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Польский	52	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Русский	53	62	3861	3183	700	7744													
Рутульский	54	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Саамский	55	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Селькупский	56	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Табасаранский	57	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Татарский	58	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Татский	59	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Тофаларский	60	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Тувинский	61	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Турецкий	62	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Туркменский	63	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Окончание

Наименование	№ строки	Число учреждений по языку обучения (ед.)		Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) как предмет (чел.)				
		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	итого	1-4 классы	5-9 классы		10-11 (12) классы	итого			
3. Учреждения с нерусским(и) языками обучения	93	0	0	0	0	0	0						
4. Учреждения с русским и нерусским(и) языками обучения	94	0	0	0	0	0	0						
5. Учреждения, в которых нерусские языки изучаются факультативно или в кружках	95	0											0

Приложение 13

Ресурсы в сети Интернет, посвященные исследованиям в области языковой политики

ГРАМОТА.РУ

Интернет-адрес: <https://www.gramota.ru>

Справочно-информационный портал, посвященный русскому языку и словесности, функционирует при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечать). На портале публикуются разнообразные информационно-справочные материалы, даются онлайн-консультации, выложен целый ряд словарей. В составе редакционного совета – крупнейшие специалисты по русскому языку.

ЯЗЫКИ РОССИИ

Интернет-адрес: <https://www.web-corpora.net>

Проект, реализованный как часть магистерской программы «Компьютерная лингвистика» Школы лингвистики НИУ ВШЭ. Цель проекта – создание коллекций текстов на малых языках России. Ресурс содержит корпуса языков России, представленных в Интернете; интерактивную карту языков, где каждый малый язык отнесен к одному из регионов РФ, являющихся титульным.

АТЛАС ЯЗЫКОВ МИРА, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Интернет-адрес: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html>

Интерактивная онлайн версия Атласа языков мира, находящегося под угрозой исчезновения ЮНЕСКО, предназначен для того, чтобы привлечь внимание властей, языковых сообществ и широкой публики к проблеме языков, находящихся

под угрозой исчезновения, и к необходимости сохранения мирового языкового разнообразия. Цель Атласа состоит также в том, чтобы стать инструментом контроля состояния гибнущих языков мира и тенденций в языковом разнообразии на глобальном уровне. Для каждого языка в Атласе указаны его название, уровень жизнеспособности и страна или страны, где на нем говорят. Онлайн издание дает информацию о числе носителей каждого языка, необходимых мерах по его сохранению, проектах, связанных с этим языком, об источниках информации и географических данных.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 2002

Интернет-адрес: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

В сборнике содержатся данные о численности городского и сельского населения, мужчин и женщин по национальности и владению языками, приводится характеристика населения отдельных национальностей по возрастным группам, состоянию в браке, уровню образования, источникам средств к существованию. Представленные в томе таблицы с итогами переписи содержат информацию о населении России в целом и субъектов Российской Федерации.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 2010

Интернет-адрес: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

На сайте представлены данные Всероссийской переписи населения, проведенной по состоянию на 14 октября 2010 года. Ресурс содержит том 4, где представлены данные о национальном составе, владении языками и гражданстве.

МИКРОПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 2015

Интернет-адрес: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

Выборочное статистическое наблюдение «Социально-демографическое обследование (микрореперпись населения) 2015 года», проведенное Федеральной службой государственной статистики (Росстат) с 1 по 31 октября 2015 года. Итоги микрореперписи представлены в одиннадцати разделах, где раздел X посвящен национальной принадлежности

и владению языками. При микропереписи населения собиралась информация о владении языками, использовании языками в повседневной жизни и о родном языке.

**THE ETHNOLOGUE: LANGUAGES OF THE WORLD –
ЭТНОЛОГ: ЯЗЫКИ МИРА**

Интернет-адрес: www.ethnologue.com

Справочник по языкам мира, разрабатываемый и выпускаемый организацией SIL International, ранее известной как Summer Institute of Linguistics – Летний институт лингвистики. Новое издание Этнолога выходит ежегодно и приурочено к Международному дню родного языка. 22-е издание Этнолога, выпущенное в 2019 г., содержит сведения по 7111 живым языкам мира. О каждом языке приводится краткая информация: варианты названия, число носителей, ареал, диалектный состав, классификация и т. д. Также Этнолог выпускает дайджесты стран, где говорят на более чем восьми языках. Этнолог использует специальную шкалу, чтобы определить, находится язык в безопасности или ему грозит исчезновение. Первое издание Этнолога было выпущено в 1952 г. и включало информацию лишь о сорока языках.

Приложение 14

I. Укажите основную причину, по которой в Российской Империи и в Советском Союзе языки не имели государственного статуса (можно выделить несколько вариантов ответов – по 5-балльной шкале значимости)

- отсутствие государственной языковой политики _____
- узкое развитие двуязычия _____
- недооценка важности национально-языковых проблем _____
- de facto гарантированное доминирование русского языка _____
- имперская идеология _____
- идеология социалистического интернационализма _____

II. Выделите, какие из названных языков имеют в Российской Федерации статус государственных:

Аварский
Абазинский
Азербайджанский
Балкарский
Башкирский
Даргинский
Идиш
Казахский
Калмыцкий
Ненецкий
Татарский
Украинский

1. Понятие «глобализация» интерпретируется при помощи метафоры «потоков», предполагающей потоки:

людей
информации
технологий
языков
финансов
идей

Вычеркните то, что не соответствует сути глобализации.

2. Воздействие глобальных факторов на функционировании русского языка выражается наиболее заметным образом:

на синтаксическом уровне
на фонетическом уровне
на стилистическом уровне
на лексическом уровне
на языковой системе в целом

Выберите правильный ответ.

3. Установите соответствие между парадигмами, отражающими подходы к взаимодействию языка и глобализации, с одной стороны, и их ключевыми положениями:

ПАРАДИГМЫ	ПОЛОЖЕНИЯ
I. социолингвистическая	A. «лингвистический геноцид»
II. лингво-экологическая	B. «потоки жанров, нарративов, репрезентаций»
III. дискурсивная	C. распределение социально-языковых ресурсов
IV. критическая социолингвистика	D. «глобальная констелляция языков»

I + _____ II + _____ III + _____ IV + _____

Приложения

1. Укажите лингвистические (L) и экстралингвистические (Ex) элементы языковой политики и языкового планирования:

- выбор нормы _____
- имплементация _____
- образовательная политика _____
- стандартизация графики _____
- грамматическая кодификация _____
- планирование статуса _____
- «продвижение» языка _____

2. Идентифицируйте модели языковой политики в области планирования статуса *de jure* и *de facto*:

- США _____
- Франция _____
- СССР _____
- Швейцария _____
- Российская Федерация _____

3. Отнесите цели языковой политики к одной из двух категорий – «языковое планирование» (LP) или «языковое культивирование» (LC):

- официальный статус языка _____
- овладение языком в процессе образования _____
- распространение языка _____
- стандартизация корпуса _____
- сохранение языка _____
- реформа графической основы _____
- лексическая модернизация _____
- унификация терминологии _____
- упрощение стилистики _____

Сведения об авторах

Мухарямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»,
n.mukharyamov@yandex.ru

Мухарямова Лайсан Музитовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, философии и социологии ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет»,
l.mukharyamova@yandex.ru

Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», yanush_ob@yahoo.com

Основные публикации авторов

Мухарьямов Н.М., Януш О.Б., Шакурова Г.З. О дискурсивных подходах к исследованию языковой политики // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 92–102.

Мухарьямов Н.М., Януш О.Б., Шакурова Г.З. О некоторых дискурсивных аспектах языковой политики в российских регионах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 56–66.

Мухарьямов Н.М. Политическая лингвистика // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 265–285 (Политология России). [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30779557>

Мухарьямов Н.М., Януш О.Б. Политические и информационные измерения социально-коммуникативной ситуации тюркоязычных регионов Российской Федерации // Этнические и языковые проблемы в современной России: региональные аспекты: Сб. экспертных докладов / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2018. С. 155–208 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ethnopolitics.ru/wp-content/uploads/ЭТНИЧЕСКИЕ-И-ЯЗЫКОВЫЕ-ПРОБЛЕМЫ_2018.pdf

Мухарьямов Н.М. Языковая политика и нациестроительство в меняющихся контекстах // Вопросы этнополитики. 2018. № 1 (1). С. 86–92 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnopolitics.ru/zhurnal-voprosy-etnopolitiki/>; http://www.ethnopolitics.ru/wp-content/uploads/ethnopolitics_magazin_1.pdf

Мухарьямов Н.М., Януш О.Б. Языковая политика в регионах Российской Федерации с тюркскими титульными языками (на примере татарского языка) // Языковая политика в современной России: проблемы и перспективы: Сб. экспертных докладов / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2018. С. 61–143 [Электронный ресурс]. URL: www.ethnopolitics.ru/wp-content/uploads/Языковая-политика_Издание.pdf

Януш О.Б. Официальный статус языков меньшинств: опыт финно-угорских регионов России // Вопросы этнополитики. 2018 № 1 (1). С. 93–105 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnopolitics.ru/zhurnal-voprosy-etnopolitiki/>; http://www.ethnopolitics.ru/wp-content/uploads/ethnopolitics_magazin_1.pdf

Konstantinovskiy D.L., Drobizheva L.M., Mukharyamov N.M., Mukharyamova L.M. RUSSIA: ETHNIC DIFFERENTIATION IN EDUCATION IN A CONTEXT OF DEBATES ON CULTURAL DIVERSITY, AUTONOMY, CULTURAL HOMOGENEITY AND CENTRALIZATION // The Palgrave Handbook of Race and Ethnic Inequalities in Education. London, 2018. С. 885–930 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36947131> и <https://www.palgrave.com/br/book/9783319947235#aboutBook>

Мухарямов Н.М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 677–684. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesmirbooks.ru/books/catalog/sociology/3411/> и <https://elibrary.ru/item.asp?id=30719540>

Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Язык и политика в контекстах публичности: некоторые исходные антиномии // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. Политическая наука: Ежегодник 2017. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 110–128 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35363299>

Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Тюркоязычный и финноугорский «миры» как символические языковые пространства // Символическая политика: Сборник научных трудов. Сер. «Политология». Вып. 4. Социальное конструирование пространства. М., 2016. С. 135–154 [Электронный ресурс]. URL: http://inion.ru/site/assets/files/1560/2016_snt_simvolicheskaja_politika_vyp_4.pdf и <https://elibrary.ru/item.asp?id=28176863>

Януш О.Б. Финно-угорские языки: региональный опыт сохранения и развития // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 136–150 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2013/no3/136.htm> и <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33846095>

Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М., Януш О.Б., Ширкина Е.В. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. Казань: Казанский гос. энерг. ун-т, 2009. 143 с.

Языковые ресурсы международно-политического участия: Коллективная монография / Под ред. Н.М. Мухарямова, М.Н. Закамулиной. Казань: Казанский гос. энерг. ун-т, 2009. 192 с.

Мухарямова Л.М., Андреева А.Р. Феномен национальной школы в социологических ракурсах: Монография. Казань: Казанский гос. энерг. ун-т, 2008. 267 с.

Трансграничные языковые отношения: очерки политической лингвистики: Коллективная монография / Под ред. М.Н. Закамулиной, Н.М. Мухарямова. Казань: Казанский гос. энерг. ун-т, 2008. 275 с.

Мухарямова Л.М. Языковые отношения: политологический анализ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. 276 с.

М92

Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М., Януш О.Б.

Государственная языковая политика в Российской Федерации: Учеб. пособие / Под ред. М.А. Омарова. М.: РГГУ, 2019. 288 с.

ISBN 978-5-7281-2580-8

Рассматриваются системные стороны политико-управленческого воздействия на культурно-языковое многообразие в условиях современной России. Основное внимание уделено феномену языковой политики, ее принципам, подходам и особенностям формирования, культурно-историческим предпосылкам языкового регулирования в современной российской ситуации и с учетом меняющейся нормативно-правовой среды. В качестве наиболее важных сфер реализации государственной языковой политики освещаются образовательная система, языковые измерения в СМИ и книгоиздании, курс на укрепление позиций русского языка как государственного языка России, языковые составляющие миграционной политики.

Для магистрантов и аспирантов, а также практических работников органов государственного и муниципального управления, отвечающих за разработку и проведение политики в сферах национально-культурного и этноязыкового развития.

УДК 327.725(075)

ББК 81.2(2)я73

Учебное издание

*Мухрямов Наиль Мидхатович
Мухарямова Ляйсан Музиповна
Януш Ольга Борисовна*

Государственная языковая политика
в Российской Федерации

Учебное пособие

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 18.12.2019.

Формат 60×90 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 18,8.

Тираж 200 экз. Заказ № 721

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru